

Урина Мигиева

“ДИКАРКА”
У ВАРВАРОВ
Песнь Сумерек

"Не хочешь быть проданной с торгов, как очень редкая диковинная зверушка — молчи о том, кто ты." С этого напутствия началось моё пребывание в реальности, где миром правят... варвары. Я здесь — представительница больше не существующего народа, некогда принёсшего себя в жертву Тёмным Богам. Которые теперь зачем-то охотятся за мной. А ещё меня невлюбил местный принц. А я — его. Кстати, принц и не подозревает, что я — девушка. Вот будет сюрприз для отпрыска хана ханов! Но для меня главное продержаться до момента, когда смогу вернуться домой. Только вотстораживает: почему все смотрят на меня с таким напряжённым ожиданием?

Ирина Тигиева — Анири Авеиги
Дикарка у варваров. Песнь Сумерек

Глава 1

— Не отходи далеко, вишенка!

Голос матери — беспечный. Одёрнула она меня скорее по-привычке, чем из-за настоящей тревоги. На самом деле, что со мной может случиться в этой глуши?

— Или что? — ворчливо отозвалась я. — Есть опасность встретить человека? И не называй меня «вишенка»...

— Ушла бы с солнца, когда тебе сказали — не стала бы «вишенкой», и никто бы тебя так не называл, — вмешался в разговор отец.

— А чем здесь ещё заниматься? — фыркнула я. — Wi-Fi не ловит, связи нет... Даже фотки в Instagram не выставишь!

— Вот она — золотая молодёжь, наша надежда на будущее, — покачал головой отец. — Скоро и есть перестанут, если не смогут выставить еду в соц-сети.

— То, что ели мы, и не выставила бы, — буркнула я.

— Не понравилось — вот и хорошо, может, хотя бы похудеешь! — подмигнул отец.

Он шутит. На самом деле все в моём семействе удивляются, как с таким «дистрофическим» весом я дожила до тринадцати лет. Но моё настроение к шуткам не располагает.

— Хорошо. Буду есть всё подряд, заработаю диарею — может, тогда отсюда уберёмся!

— Вот невыносимое создание! — вздохнул отец.

— Какое воспитал, — мать шутливо подтолкнула его локтем, и он, рассмеявшись, наклонился её поцеловать.

Этого мои нервы уже не выдержали — закатив глаза, я решительно направилась к ближайшим кустам. Нет, я очень горжусь родителями. Половина учеников в нашем классе — жертвы развода. А мои спустя столько лет семейной жизни до сих пор ведут себя, как подростки. Но зависнуть с ними невесть где в фургончике без надежды выбраться к цивилизации в ближайшую неделю — это уже слишком.

Вообще, я мечтала побывать в Австралии. Сидней, пляжи, Большой Барьерный риф... А вместо этого попала в Китай! С рюкзаком за плечами и родителями, которые в годовщину свадьбы вдруг решили вспомнить студенческие годы и путешествия «автостопом». И ладно бы «автостопили» по городам, на ночь останавливались в отелях и ужинали в ресторанах. Так нет, их потянуло «на природу» — в глушь, где не то, что отели и рестораны, а уже удача, если за походом в кусты не подглядывает какой-нибудь гиббон или пищуа!

Родители заманили меня в путешествие перспективой улучшить знания китайского. Я занималась языком с шести лет, и моя репетитор Дэйю уверяла, что после поездки в Поднебесную я заговорю на китайском не хуже неё. Воспитанная отцом-перфекционистом в лучших традициях стремления к совершенству, я, конечно, повелась. Но спустя несколько дней после начала «путешествия», поняла, насколько ошиблась. До сих пор моими единственными «собеседниками» были подвозившие нас случайные попутчики, владельцы сомнительных хостелов и обезьяны. А когда мы добрались в провинцию Чжэцзян, и родители сняли фургончик, чтобы провести день-другой на берегу «потрясающе красивого озера», я поняла истинное значение слова «дебри»...

— Не отходи далеко, вишенка! — тонким голоском пропищал мне вслед отец, передразнивая мать.

— Если встречу тигра, оседлаю и ускачу отсюда на его спине, — съязвила я.

Отец расхохотался.

— Не забывай, тигры — животные, охраняемые законом.

— Я отпущу его раньше, чем меня увидят свидетели, — хмыкнула я и исчезла в кустах.

Отношения с родителями у меня скорее приятельские. Со мной никогда не обращались как с ребёнком, с детства многое позволяли, но и спрашивали почти, как со взрослой. Отец — успешный адвокат в Питере, возведший силу слова в культ. Мама — архитектор с неуёмным стремлением к прекрасному. И фетиши обоих воплотились во мне — единственном горячо любимом чаде. Меня с детства учили никогда не сдавать позиций в споре, оставлять за собой последнее слово, кем бы ни был оппонент, и таскали на пение-рисование-танцы до тех пор, пока я не остановила выбор на балете и не заняла первое место в соревновании среди балетных школ России, исполнив вариацию, в которой классический балет сочетался с акробатикой.

Кстати, акробатические навыки пригодились и сейчас. Местность вокруг озера — холмистая, и я попыталась забраться повыше, чтобы сфотографировать одно необычное явление, единственное по-настоящему впечатлившее меня в этой глуши — комету, висевшую в небе со вчерашнего вечера. Днём её не было видно, но как только стемнеет, продолговатая вспышка голубого света наверняка появится вновь. Будь она красной, точно бы решила, что предвещает появление драконов или возрождение Азора Ахая[1]! Хихикнув собственному остроумию, я выудила из кармана шорт андроид. Смеркалось, и комета уже была видна — даже лучше, чем вчера, но ветви деревьев всё же мешали идеальному снимку. Раздражённо фыркнув, я вскарабкалась выше — на покрытый мхом валун. Но тут совсем рядом с ветки шумно вспорхнула птица, я отшатнулась, секунды две балансировала на валуне, пытаюсь восстановить равновесие... но, словно кто-то невидимый слегка подтолкнул в спину, и я покатила вниз по склону — оказалось, за валуном был обрыв.

Падение оглушило — не ожидала, что холм такой высокий. Оказавшись у подножия, попыталась встать — удалось. И вроде ничего не сломано. Потирая ушибленные локти и колени, я посмотрела на вершину холма. Долго же придётся взбираться обратно! Но ничего не поделаешь. Вздохнув, я мельком осмотрелась и поёжилась. Местность — совершенно другая. И представить трудно, что по ту сторону холма — красивое, будто отфотошопленное озеро и наш фургон. Здесь — диковатая пустошь, а за ней — покрытые лесом горы. Правда, в небе по-прежнему висит комета... Будет моей путеводной звездой! Я бодро двинулась к холму, но тут же остановилась. В шуме ветра и стрёкоте насекомых — к этим звукам уже привыкла за недельное путешествие по дебрям — расслышала и нечто новое — приглушённое рычание. Тигр, на спине которого я собиралась выбраться к цивилизации? Настороженно огляделась. Ничего. Но, только продолжила путь, рычание повторилось — уже ближе. В сгущающейся тьме сверкнули огненно-красные глаза — одна пара, две, три... Дальше считать не стала. Бежать или звать на помощь нет смысла: родители — слишком далеко и ничего не услышат. Остаётся — защищаться. Подхватив с земли камень, я прицелилась и запустила им в алые точки глаз. Громкий визг и рёв сотрясли безмятежность наступающей ночи. А я, медленно отходя к холму, подобрала ещё один камень и толстую ветку... Но уже в следующее мгновение поняла: это не спасёт. Твари выступили из тьмы, их шесть и... это не тигры. Они скорее похожи на волков, только гораздо крупнее. На головах — рога, как у горных козлов, а из распахнутых зубастых пастей вываливаются раздвоённые языки, как у ящеров. В Китае такого не должно быть. И не только в Китае — вообще нигде,

кроме фильмов ужасов. Может, слишком сильно стукнулась головой, и мне это мерещится? Если это морок, то сейчас пройдёт.

— Пошли вон! — я грозно махнула палкой.

Звери не исчезли. Наоборот, зарычали громче. Из пастей вырвалось пламя, мгновенно распространившееся по густой шерсти... и твари бросились на меня — я еле увернулась от одной пасти, ткнула палкой в другую, третья разверзлась прямо перед моим лицом. Ещё мгновение — и, морок или нет — тварь откусила бы мне голову... Но что-то мелькнуло надо мной, послышался свист воздуха, и зверь, визжа, отлетел к валуну. Та же участь постигла и другого, чуть не цапнувшего меня за плечо. Уже и третья тварь отлетела во тьму, когда я наконец рассмотрела моего спасителя. Тощий китаец в длинной тёмной одежде, в сумерках почти неразличимый. Мне очень захотелось быть полезной и помочь неведомому герою. Крикнув «Возьми палку!», я бросила ему моё «оружие». Китаец с лёгкостью её поймал и сшиб рог ринувшемуся на него зверю. А я, осмелев, запустила камнем в ещё одного. Твари возобновили атаку, теперь уже на моего защитника. Но ситуация, совершенно безнадёжная несколько секунд назад, поменяла направленность. Китаец кружился в воздухе, что твой Джет Ли, расшвыривая зубастых, полыхающих огнём хищников, как слепых щенят. В считанные минуты всё было кончено. Мне под ноги отлетел отбитый рог, визг последней оставшейся в живых твари перешёл в хрип, шерсть её слабо вспыхнула и погасла. А китаец, спокойно затушив занявшийся огнём край одеяния, подошёл ко мне. Скуластое аскетичное лицо, заплетённый пучок волос на темени в остальном бритой головы, очень прямая осанка. На вид — чуть моложе моего отца.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила я по-китайски и кивнула на трупы тварей. — Сама бы не справилась. Поможешь вернуться к моим родителям?

Китаец слегка напрягся, будто силился понять сказанное, и я мысленно оскорбилась. Дэйю всегда хвалила моё произношение! Хотя, может, в этой провинции оно и непонятно.

— Родители? — китаец чуть нахмурился. — Где они?

Точно дело в диалекте — его акцент мне тоже не очень понятен.

— Там, — я махнула на холм. — Возле озера. Мы приехали сюда на кэмпинг, но я пошла гулять, оступилась и упала. Вон оттуда, — снова махнула на холм.

Китаец посмотрел в направлении моего жеста и снова перевёл взгляд на меня.

— Как твоё имя?

— Мулан, — не задумываясь, выдала я — что ему за дело до моего имени?

Китайца ничуть не смутила отсылка к национальной героине.

— Я — Фа Хи, — представился он. — Озера здесь нет и, уверен, твоих родителей тоже.

— То есть как это нет? — растерялась я.

— Оставаться здесь опасно, — проигнорировал он мою реплику. — Пойдём со мной.

— Куда?..

— В монастырь. Там — безопасно.

— Никуда я с тобой не пойду! — в вопле проскользнули нотки истерики, и я кашлянула, пытаясь вернуть голосу твёрдость. — Мой папа — известный адвокат, меня будут искать. Похищение — очень серьёзное преступление. Тем более похищение гражданки иностранной державы!

По скуластому лицу пробежало недоумение.

— Я не всё понял, — после секундного колебания признался он. — Что ты не отсюда — очевидно. Похищать тебя мне незачем. Если останешься здесь, умрёшь.

— Я останусь! — решительно отступила холму. — Не хочешь помогать — не надо. Сама найду дорогу!

Уже повернувшись к «спасителю» спиной, слышала, как он вздохнул.

— В этой реальности нет озера, о котором ты говоришь. А вернуться в ту, из которой пришла, просто поднявшись на холм, ты не сможешь.

Уже начав карабкаться по склону, я отступила и кубарем скатилась обратно.

— Если хочешь, можем вернуться сюда завтра — убедишься, что озера нет, — он протянул мне руку. — Но сейчас лучше уйти. Твоё появление могло привлечь и других посланцев Тёмных Богов.

— Каких богов? — оставив без внимания его руку, я поднялась самостоятельно. — И что значит, я не смогу вернуться в реальность, из которой пришла? А где я сейчас?..

— Всё объясню, — заверил китаец. — Когда будем в безопасности.

И, не оглядываясь, двинулся в полумрак, будто уже не сомневался, что я последую за ним. Я поколебалась секунду, другую... и ходко потрусилась следом. Забираться в темноте на холм рискованно — вдруг что-нибудь вывихну? Да и звери могут появиться снова.

— Откуда знаешь, что я из другой реальности? — догнав моего спасителя, я попыталась заглянуть ему в лицо. — Из-за одежды?

— Не только.

— А как называется ваша реальность?

— А как называется твоя?

— Никак, — растерялась я.

— Почему тогда считаешь, что название должно быть у этой?

Ещё один острослов! Моя растерянность тут же уступила место духу соперничества, выработанному в многочисленных словесных состязаниях с отцом.

— Мы считаем, что наша реальность — единственная в своём роде, поэтому никак её не называем. А если здесь верят, что реальностей много, нужно как-то называть свою, чтобы отличать её от других.

— Листьев на дереве тоже много, но ты же не называешь их по именам.

— Потому что ни один из них не считаю своим. Будь это иначе — точно бы как-то назвала!

Взгляд китайца впервые задержался на мне с подобием интереса.

— Острый ум проявляется не только в умении вести спор, но и в умении промолчать, когда спор — бессмыслен.

— Спор не бывает бессмысленным, — возразила я. — В нём рождается истина.

По губам китайца проскользнула улыбка, он приподнял брови, как бы давая понять, что сейчас как раз тот случай. Но я только приосанилась и проронила:

— Переспорила! — но тут больно споткнулась о камень и, не удержавшись, выпалила по-русски:

— Чтоб тебе, зараза!

Китаец замедлил шаг.

— Что это за язык?

— Русский, — я раздосадованно дёрнула ногой и двинулась дальше.

— А как называют твой народ?

— Русские, — недоумённо покосилась я на него. — В вашей реальности таких нет?

— Нет, — задумчиво протянул китаец.

— А европейцы есть?

Он недоумённо вскинул брови.

— Ну, такие, как я, только... не русские, — так и вертелось сказать «белые», но, воспитанная в традициях культурной толерантности, я не решилась произнести неполиткорректный термин вслух.

— Латиняне? — вывел меня из затруднения китаец. — Да, они довольно многочисленны, но слабы.

— И кто тогда самый сильный?

— Халху.

Я пожала плечами, показывая, что понятия не имею, кто это.

— Халху — кочевые племена, подчиняющиеся кагану — хану ханов.

— А, имеешь в виду монголов? — наконец хотя бы что-то знакомое. — Чингисхан, Батый и... прочие? У вас они правят до сих пор? Вот отсталая реальность!

— Эти имена мне незнакомы, — китаец пропустил мимо ушей моё последнее замечание. — «Моголами» мы называли народ, именовавший себя «славяне». Ты — одна из них, верно?

— Да, а почему говоришь о них в прошлом?

— Потому что их больше нет.

— То есть как нет? — опешила я. — Куда они делись?

— Уничтожены.

— Кем?

— Тёмным народом.

Теперь я замедлила шаг.

— «Тёмный» потому что поклоняется тёмным богам? Или потому что дикий?

— И то, и другое. Осторожно, не оступись.

Дорога пошла в гору, по обеим сторонам — лесные заросли. Странное место для монастыря, но сейчас меня занимало не это.

— А как ты понял, что я — славянка? Говоришь по-русски?

— Нет, но звучание языка мне знакомо. Они принесли себя в жертву, а язык сохраняют от забвения, как дань уважения и благодарности.

— Да, это на нас похоже... — пробурчала я.

— В монастыре никто не причинит тебе вреда, но во внешнем мире, если не хочешь быть проданной с торгов, как редкая диковинная зверушка, молчи о том, кто ты, — невозмутимо напутствовал меня мой спаситель. — Мы почти на месте.

Совершенно сбита с толку, я подняла глаза. Узкие каменные ступени вели к распахнутым воротам, за которыми раскинулось строение, больше похожее на Запретный город, чем на монастырь. В многочисленных окнах мелькали огоньки.

— Это — Шаолинь? — решила я продемонстрировать эрудицию.

— Шаолинь — буддийский монастырь, расположенный на горе Суншань, — терпеливо пояснил мой провожатый. — То, что ты видишь — цитадель даосизма.

В сгустившейся тьме раздались гулкие удары колокола, и я вскинула голову.

— Что это?

— Час йоуши — время вечерних молитв. Когда войдём, прояви уважение и не произноси слов.

— Каких слов? — не поняла я.

— Никаких. Это — место молчания и духовного...

— Вы молчите всё время?! — ужаснулась я.

— ...самопознания, — закончил он фразу, будто не прерывался. — Основной путь познания себя и мира — безмятежность души, которая достигается медитацией...

— Медитировать пробовала — и каждый раз засыпала, — махнула я рукой.

— ...и молчанием, — снова проигнорировал мою реплику китаец. — Но для тебя молчание — явно большой труд.

— Ну мы же ещё не внутри. Когда войдём — замолчу. Ты уже говорил, как тебя зовут, но я не...

— Фа Хи.

Я улыбнулась и кивнула.

— Теперь запомню.

— Мы почти внутри, — он предостерегающе поднял палец.

И я, дурачаясь, сделала вид, что закрываю рот на замок и выбрасываю ключ. Фа Хи тяжело вздохнул и ступил под арку ворот.

Монастырь был окружён горами с трёх сторон — вот уж поистине «ласточкино гнездо»! Во дворике было пусто. Меня так и подмывало спросить, куда подевалось всё «население», но я сдержалась. Фа Хи прав — молчать действительно нелегко. Поднявшись по довольно крутой лестнице, мы вошли в главное строение, и я с любопытством двинулась к алтарю, освещённому множеством свечей — получше рассмотреть, но Фа Хи тут же ухватил меня за плечо и погрозил пальцем. Я закатила глаза и, подождав, пока он возьмёт светильник, послушно последовала за ним в лабиринт колонн, арок и переходов. Сама ни за что не найду отсюда выход! Приведя меня в небольшую комнатку с чем-то вроде циновки прямо на полу, мой провожатый поставил светильник на низкий деревянный столик и повернулся ко мне.

— Подожди здесь моего возвращения.

— А где все? — не удержавшись, выпалила я.

— На вечерней молитве и медитации. Я вернусь, как только она закончится.

— Хорошо, а как...

Но Фа Хи очень похоже повторил мой жест с «запиранием» рта, потом кивнул на циновку и бесшумно удалился. А я, немного покружив по комнате, села на циновку. И где сейчас кровать нашего фургона, совсем недавно казавшаяся мне верхом неудобства! Циновка — тонкая и не самая чистая. Надо надеяться меня не заставят спать на этом убожестве. Вздохнув, я обхватила руками согнутые колени. Родители уже точно сходят с ума... А мне до сих пор не верится, что я действительно попала в чужую реальность. Ладно, попала так попала — что уж теперь? Главное, как можно скорее вернуться обратно. Судя по всему, это не так просто, но наверняка возможно. А пока... немного подумав, я всё же улеглась на циновку, подтянув колени к подбородку. Вот угораздило! Хотя, можно сказать, мне повезло. Не окажись Фа Хи поблизости, козлорogie волки обгладывали бы сейчас мои косточки. Кстати о еде... не то, чтобы испытывала сильное чувство голода, но перекусить бы не помешало...

[1] *Азор Ахай* — легендарный герой из серии книг "Игра Престолов".

Не знаю, что меня разбудило. Рывком приподнявшись на циновке, прислушалась. Ничего — только отдалённое уханье филина. Надо же — всё-таки уснула, несмотря на убожество обстановки. Светильник догорел, но через ничем не прикрытый дверной проём в мою «каморку» попадал свет луны. На плечи накинуто покрывало, на столике — небольшая посуда, что-то вроде глиняного кувшина и чашечка. Не иначе заботливый Фа Хи расстарался. В посудине — лепёшка и какие-то овощи, в кувшине — вода. Прожевав несколько кусочков лепёшки и запив водой, я поднялась на ноги. Спать уже не хотелось, но неплохо бы прогуляться под кустик. Крадучись выбралась из комнатки и остановилась — ещё бы найти к кусту дорогу... Потоптавшись на месте, пошла в первом попавшемся направлении — когда-нибудь переходы же закончатся! Они в самом деле закончились довольно быстро, и я вышла к лестнице, ведущей в небольшой внутренний дворик. По нему, демонстрируя чудеса акробатики и размахивая палкой, носился какой-то парень. Полы длинного белого одеяния так и разлетались в стороны, пока он, изображая Нео из «Матрицы», подлетал ввысь, и я невольно им залюбовалась. Вот это пластика! Наша балетмейстер восхищалась моей гибкостью, но, глядя сейчас на эти кульбиты, я, морщась, признала, что до их исполнителя мне далеко. Приземлившись после очередного прыжка, парень вдруг остановился и, резко развернувшись, направил на меня свою палку, будто это был меч.

— Ты! Что там делаешь?

Я неторопливо спустилась по ступенькам и остановилась метрах в двух от него, засунув руки в карманы шорт.

— Смотрю, как ты тренируешься. А что?

Парень явно ожидал от меня другого ответа, даже чуть приопустил свой «меч», но тут же снова его поднял и строго заявил:

— Подглядывать — нехорошо. Тебе должно быть стыдно.

Я прыснула от смеха, но, когда брови собеседника грозно сдвинулись, решила пояснить:

— Я не подглядывала, а просто смотрела. Если хотел потренироваться без свидетелей, нужно было отойти подальше. И с чего мне должно быть стыдно?

Он наконец опустил свою палку и тоже рассмеялся.

— Хотел тебя напугать. Не вышло. Учитель прав, ты не совсем нормальная.

— Учитель? — не поняла я.

— Ты же та дикарка, которую он привёл из пустоши?

— Дикарка! — возмутилась я. — Не я живу в этом склепе без электричества и горячей воды, как в каменном веке! — кивнула на монастырь.

Парень озадаченно сдвинул брови, будто пытался понять, что я имею в виду, но потом тряхнул головой и начал с любопытством меня разглядывать. А я — его. Волосы собраны в пучок на темени, ростом — выше меня на голову. Старше, но не настолько, чтобы вести себя так покровительственно.

— Ты и правда странная, — наконец заключил он. — И одежда... Там, откуда ты пришла, так одеваются?

— Очевидно, — процедила я. — А ты...

— Меня зовут Вэй. Я — один из учеников мастера Фа Хи. А как твоё имя?

— Мулан.

— Магнолия? Не очень тебе подходит.

— Конечно, после трёх минут знакомства ты знаешь, что мне подходит, а что нет, — огрызнулась я.

Он улыбнулся.

— Ты как будто всё время злишься. Там, откуда ты пришла, все такие?

— Нет, остальные ещё хуже, — парировала я. — Как ты научился так двигаться? Сколько уже тренируешься?

Резкая смена темы озадачила моего собеседника, но растерянность тут же сменилась самодовольством.

— Тебе понравилось?

— Для обитателя этого доисторического гнезда, — снова кивнула на монастырь, — неплохо.

— Неплохо? — мой новый знакомый прищурил глаза. — Может, ты умеешь лучше?

— Лучше — нет. По-другому.

— Покажи, — он протянул мне палку.

— Для чего она мне? Сбивать яблоки с веток? — сбросив кроссовки, я выплыла на середину дворика и стала в позицию.

Фуэте — мой конёк, не последнюю роль сыгравший в победе на соревновании. Тогда я крутанулась тридцать два раза, половина — двойные, несколько тройных поворотов, сейчас... ограничилась пятнадцатью двойными и одним тройным. Потом махнула ногой в вертикальном шпагате, театрально поклонилась, порхнула руками и, подняв их в третью позицию — над головой, замерла. И тут же выпала из позиции, услышав смех единственного зрителя.

— Неплохо! — передразнил он меня. — Только вот как этим пользоваться для защиты или нападения?

— Это — балет. Им не пользуются, а любят. Те, кто в состоянии оценить, — фыркнула я и, не глядя на «ценителя», начала обуваться.

— Мастер Фа Хи уже это видел?

— Когда? Пока вытаскивал меня из пастей козлорогих волков или когда спешил на эти ваши вечерние молитвы?

— Тогда обязательно покажи ему, — парень сделал вид, что не заметил издёвки в моём голосе. — Уверен, он сможет подобрать подходящий для тебя стиль.

— Стиль чего? — не поняла я.

— Чжунго ушу — боевого искусства.

— Мне-то зачем? Я же не Брюс Ли. «Спорим, моё Кунг-Фу круче твоего?», — и захихикала глупой фразе, ставшей крылатой в шаблонных фильмах о боевых искусствах.

В миндалевидных глазах парня мелькнуло сначала недоумение, потом — жалость.

— Мастер Фа Хи сказал, ты пришла издалека и твой разум может быть повреждён. Похоже, он прав.

И когда, спрашивается, «мастер Фа Хи» успел столько обо мне наболтать в этом «месте молчания и духовного самопознания»? В промежутке между медитацией и молитвами?

— Но это ничего, — продолжал мой новый приятель. — Здесь твой разум быстро восстановится. Несколько медитаций — и...

— Каких ещё медитаций? — перебила я. — Завтра меня «здесь» уже не будет!

Его лицо выразило крайнее изумление.

— А куда ты собираешься?

— Как куда? Обратно, — теперь растерялась я.

— Мастер Фа Хи сказал, ты можешь вернуться? — парень озадаченно потёр лоб. —

Странно, нам он сказал, ты останешься, и велел не глазеть на твою необычную внешность и...

— Не собираюсь я здесь оставаться! — разозлилась я. — Меня ждут родители и... цивилизация!

— Думаю, об этом тебе следует поговорить с мастером Фа Хи, — посоветовал парень тоном, будто говорил с пятилетней. — Только не вздумай выходить за ворота монастыря до восхода солнца. Тебе очень повезло, что учитель тренировался в цитадели Пурпурного Облака и оттуда смог увидеть, что тебе грозит опасность. Вообще, твари обычно не выходят из укрытий до наступления темноты, но, наверное, их привлекло твоё появление.

— Вот влипла... — пробурчала я.

— Куда? — не понял он.

Но я только тяжело вздохнула и поинтересовалась:

— Долго ещё собираешься тренироваться?

— А что?

— Мне нужно вернуться в мою комнату... но понятия не имею, где она.

— Я — тоже, — рассмеялся парень. — Можешь провести остаток ночи в моей.

— У тебя своя комната? — удивилась я.

— Конечно. У каждого ученика своя комната. Пустота и безмятежность — основные пути самопознания. Но ими трудно следовать в переполненном помещении.

— Не поспоришь, — согласилась я. — А... что-то вроде туалета здесь есть?

Мой новый знакомый недоумённо нахмурился.

— Уборная, — попыталась объяснить я. — Ночная... чаша? То, куда идёшь, если выпил много чая?

Парень расхохотался.

— Уже понял, что имеешь в виду! Но хотел послушать, какие ещё описания придумаешь!

— Мой папа учит не прибегать к физической силе сразу, сначала попытаться воздействовать словами. Но сейчас так и хочется тебе врезать! — разозлилась я.

— Даже если скажу, куда мы идём, выпив много чая? — продолжая смеяться, он кивнул на кусты вдоль всего периметра дворика.

— Прямо здесь? — поморщилась я.

— Хочешь спуститься к подножию горы?

Я вздохнула. В принципе ничего нового — «кустики» были моим «прибежищем» всю последнюю неделю. Буркнув «Ладно, сейчас...», я двинулась к кустам. Когда вернулась, Вэй жонглировал палкой, подкидывая её вверх и снова подхватывая, и я вновь поразила его ловкости.

— Так и не сказал, сколько уже тренируешься, — я кивнула на палку, которую, при моём приближении, он начал вращать, как мельничное колесо.

— С восьми лет.

— А сейчас тебе сколько?

— Семнадцать. А тебе?

— Тринадцать.

— Правда? — он опустил палку и с удивлением уставился на меня. — Выглядишь гораздо младше! А так через два года уже можешь выйти замуж.

— Спятил? — возмутилась я. — До достижения восемнадцатилетнего возраста это запрещено законом!

— Моя сестра была обручена с тринадцати лет и вышла замуж в день, когда ей исполнилось пятнадцать, — возразил он.

— Варварская реальность... — покачала я головой.

Уже двинувшийся к лестнице Вэй, полуобернулся и окинул меня снисходительным взглядом:

— Мы хотя бы не скупимся на ткань для одежды.

— Вижу, — я окинула его таким же взглядом. — Там, где можно обойтись одним слоем, наматываете три.

Парень тихонько хихикнул и как бы про себя пробормотал:

— Веселье на занятиях обеспечено...

— Что ты там шепчешь? — хмыкнула я.

Но он только махнул рукой. К его комнате мы вышли, миновав всего-то два перехода и один поворот. Но... мой новый приятель сильно преувеличил, назвав это «комнатой». Узкий пенал без окошка, соединённый с «внешним миром» невесомой сдвигающейся дверью. Вэй зажёл светильник: матрац на полу, низкий столик, круглая подушка для сидения и подобие полок со свитками. В углу — несколько прислонённых к стене палок вроде той, что была у него в руках.

— И здесь ты живёшь? — ужаснулась я. — Если займу это... ложе, тебе и лечь некуда!

— За меня не беспокойся, я найду себе место, — заверил он. — И всё равно уже скоро вставать. Устраивайся.

Мысленно сокрушаясь, как низко упали мои стандарты за последние несколько часов — теперь и комната, в которую привёл Фа Хи, казалась чуть ли не номером-люкс! — я морщась, опустилась на матрац. Набит травами и хотя бы неплохо пахнет... Пытаясь найти в этом утешение, накрылась с головой тонким покрывалом — и это должно защищать от ночной свежести? — и закрыла глаза. Но вспомнив, что даже не поблагодарила оказавшего гостеприимство «хозяина», снова высунулась из-под покрывала:

— Спасибо, Вэй.

Скрестив ноги, парень уже расположился у стены.

— Спи, дикарка, — и улыбнулся.

Фыркнув, я опять нырнула под покрывало.

* * *

Гулкий раскатистый звук заставил меня подскочить, и рядом тотчас раздался тихий смех, а за ним — голос:

— Это — всего лишь колокол. Время утренних молитв.

Не понимая, где нахожусь, я растерянно хлопала глазами. Но воспоминания о недавних событиях, больше похожих на сюжет аниме, вернулись быстро. Я — в другой реальности, в комнате парня по имени Вэй.

— Пойдёшь со мной? — спросил он.

— Куда? — приподнявшись, я протёрла глаза. — Умыться?

— На молитвы.

— А умыться?

— Могу показать, где комната омовений.

Но я уже повалилась обратно на пахнущее травами ложе.

— Нет, не пойду. Когда вернёшься — разбудишь. Тогда и покажешь, где комната омовений.

Какой смысл выбираться из постели сейчас? «Мастер Фа Хи» наверняка тоже будет молиться и не поведёт меня к холму, с которого я шарахнулась в эту реальность.

— Ну и лежебока, — насмешливо протянул Вэй. — Потом ведь всё равно придётся подниматься со всеми.

— Потом и посмотрим, — и, отвернувшись к стене, натянула на голову покрывало.

Ещё слышала звук сдвигаемой двери, а потом сон снова принял меня в своё царство...

Следующее пробуждение было необычным. Я проснулась от... взгляда. Морщась, повернулась на импровизированном ложе... Надо мной возвышался Фа Хи.

— Здесь не учат, что таращиться на спящих — невежливо? — проворчала я.

— Здесь учат подниматься по утрам вместе со всеми и не занимать чужих комнат, — невозмутимо отозвался он.

— Вэй меня пригласил, — зевнув, я поднялась и потянулась. — Ну что, завтрак и потом обратно в мою реальность? Хотя завтрак можем пропустить. Покажешь, где тут у вас комната для омовений?

— Тебе покажут не только это. Но сначала переоденешься...

— Зачем? — перебила я. — Думаешь, замёрзну, пока дойдём к холму?

Фа Хи качнул головой.

— Ты неверно истолковала мои слова. Я обещал отвести тебя к холму — убедиться, что ты больше не в твоей реальности. Но не говорил, что верну тебя обратно.

— То есть как?.. — растерялась я. — И что тогда?

— Останешься здесь. Будешь обучаться...

— Не хочу я обучаться! — опять нотки истерики в голосе. — Не верю, что вернуться нельзя! Ты просто не... Хочу обратно к холму!

— Хорошо, — вздохнул Фа Хи и неторопливо вышел из комнаты.

Я бросилась следом, на ходу пригладила волосы — как если бы это могло помочь! Густая вьющаяся шевелюра по-настоящему поддаётся только укладке. Ради балета даже пришлось обрезать волосы до плеч — они здорово мешали, оттягивая голову во время фуэте и пируэтов... И о чём только сейчас думаю? Какая разница, как выгляжу? Главное, чтобы меня вернули назад!

— Фа Хи, — ускорив шаг, я почти догнала «учителя». — Я *очень* хочу вернуться обратно. Вы все, конечно, милые, но... там мой дом! И родители!

— Понимаю, — серьёзно проговорил он.

Вереница переходов, лестница, просторный двор, где с дюжину одетых в белое учеников отработывали движения, похожие на изгибы змеиного тела. Я едва глянула на них, но краем глаза видела, как один повернул голову и сбился с «такта». Может, это Вэй? Толком не рассмотрела его в темноте — не исключено, что при свете дня и не узнала бы... Хотела спросить, сколько при монастыре учеников, но посмотрела на отрешённое лицо Фа Хи и передумала. Да и что мне за дело? Лишь бы удалось отсюда убраться...

За всю дорогу мой спаситель не проронил ни слова. Да и я была слишком взвинчена, чтобы лезть к нему с разговорами. Но вот впереди показался знакомый холм, и я понеслась вперёд, не разбирая дороги.

— И что теперь? — остановившись у подножия, повернулась к Фа Хи. — Забраться на холм?

Он кивнул, и я начала карабкаться. Чем выше, тем больше у меня сбивалось дыхание — причём, вовсе не от физических усилий. Что, если Фа Хи прав, и *я не смогу* вернуться? Он ведь в самом деле ничего не обещал. Это я до сих пор делаю вид, что не понимаю его слов. Наконец вершина... Шумно выдохнув, поднялась на ноги... и из горла вместе с воздухом вырвался вопль. Никакого озера — только холмы, низины и лес, лес, лес... Не помня себя, я

бросилась вперед, но, сделав несколько шагов остановилась... и разревелась.

— Давно ожидал этой реакции, и удивлялся, что её всё нет, — раздался за спиной спокойный голос Фа Хи.

Я только всхлипнула, размазывая слёзы.

— Ты появилась вместе с кометой, всегда возвещающей о переменах, — продолжал он. — В следующий раз комета появится через семь лет — тогда сможешь вернуться домой. Понимаю, чтобы принять это, нужно время. Но то, как ты встретила грозящую тебе смертельную опасность, достойно удивления. В тебе больше силы, чем сама подозреваешь, ты справишься. А я помогу. Теперь идём, нужно успеть к утренней трапезе, — и, развернувшись, зашагал обратно к спуску с холма.

Его слова медленно оседали в сознании. Семь лет... Мне будет... за двадцать, а мои родители...

— Нет! — я догнала Фа Хи уже у спуска. — Должен быть способ вернуть меня обратно сейчас! Комета ведь ещё там!

Фа Хи невозмутимо возрился на меня.

— Полотно Космоса соткано из великого множества реальностей. Смешивайся они при всяком удобном случае, миропорядок давно бы обратился в хаос. То, что ты оказалась здесь — одно из его проявлений, и всё же мне кажется, твоё появление не было случайностью. В определённом месте в определённой временной точке на определённый срок энергии Вселенной сложились так, что эта реальность соединилась с твоей, и ты прошла сквозь расступившиеся границы, тотчас снова сомкнувшиеся за твоей спиной. Чтобы они расступились вновь, нужна та же точка во времени и в пространстве, то же положение звёзд и кометы, — он посмотрел на небо.

Я проследила за его взглядом. Комета действительно ещё видна, но она уже бледнее и гораздо ближе к горизонту.

— Значит... нужно было попытаться вернуться ещё вчера? Пока комета была на том же месте? А ты потащил меня в монастырь!

— Ты меня не слушаешь, — вздохнул Фа Хи. — Я сказал: в той же временной и пространственной точке. Когда я «потащил тебя в монастырь», было уже слишком поздно двигаться в ином направлении. Но, если захочешь, вернёшься сюда через семь лет и...

— «Если захочешь»? Думаешь, захочу остаться здесь? В этом... в этом...

— Хорошо — вернёшься сюда в любом случае. Дождёшься нужного момента — и границы расступятся перед тобою вновь.

— И что для этого нужно? — я подошла к обрыву. — Прыгнуть вниз, чтобы снова оказаться наверху, но уже в моей реальности?

— Да.

— А если сделаю это сейчас?

— Попробуй, — Фа Хи равнодушно пожал плечами.

Я подошла к обрыву ближе. Как же высоко... Когда катилась вниз прошлой ночью, склон не казался таким крутым. Ещё шаг... Из-под ног сорвалось несколько мелких камешков. Подскакивая на выступах, они понеслись к подножию... и меня охватил страх. Что, если вместо моей реальности я просто шарахнусь вниз и покалечусь? Китайская медицина, конечно, славится — может, меня и вылечат. Но, с другой стороны... Закусив губу, я отступила от обрыва.

— Если передумала прыгать, можешь спуститься вместе со мной здесь, — уже

отошедший метра на два Фа Хи полуобернулся. — Поспешим. Пропустишь утреннюю трапезу, есть не придётся до самого обеда.

— Думаешь, еда меня сейчас заботит? — зло отозвалась я.

* * *

Спуск действительно оказался менее крутым, но я оступилась раз десять — никак не могла сосредоточиться и почти не видела, куда ставлю ноги. Неужели я застряла здесь на семь лет...

— Думаю, имя Мулан — не твоё настоящее, но можешь оставить его. Ко мне будешь обращаться «шифу»[1], к другим ученикам, как они велят, но — всегда с уважением, — напутствовал меня Фа Хи.

Я растерянно хлопнула глазами. Мы уже спустились — словно оглушённая, я этого даже не заметила. Чуть поодаль видны трупы козловолков, а в нескольких шагах от меня что-то поблёскивает на солнце. Я подошла ближе — мой андроид, отлетевший, когда я скатилась с холма. Треснувший экран, запылённый... Чувствуя, как к горлу снова подступают слёзы, я подняла его, попыталась включить. Мобильник коротко завибрировал, на экране мелькнула моя фотография, дата, время... значок разрядившейся батарейки, и экран погас. 17:24. «Точка во времени», когда «ворота расступятся передо мною вновь»... через семь лет...

— В монастыре знают, откуда ты, и отнесутся к тебе с пониманием, никто не причинит вреда, — Фа Хи уже двинулся дальше. — Но никогда не выходи за пределы монастыря, не сказав мне или тому, кто будет назначен твоим старшим братом или сестрой.

— У меня будет брат или сестра? — рассеянно отозвалась я и, спрятав андроид в карман шорт, последовала за Фа Хи.

Родители очень хотели для меня братика или сестричку. И не только родители. Бабушка и дедушка со стороны отца обожали меня, страшно гордились, что их внучка — примерная ученица с зашкаливающим IQ, но мечтали ещё и о мальчике — наследнике, чтобы было кому продолжить фамилию. Но время шло, ни братик, ни сестричка так и не появились, я осталась единственным ребёнком и единственной внучкой, их единственным горячо любимым «солнышком». А теперь они лишились и меня...

— ... защищать тебя, а ты слушаться и оказывать почтение, — словно издалека донёсся голос Фа Хи.

Я вернулась в настоящее — к дикому монастырю, затерявшемуся в горах альтернативного Китая. Перед главным зданием к нам подошёл одетый в белое парень, сложил руки перед собой и вежливо поклонился.

— Следуй за Киу, — распорядился Фа Хи. — Она даст тебе подходящую одежду и отведёт в зал трапез.

Она?.. Я удивлённо подняла глаза на парня, оказавшегося девушкой. Ничем не выдающая женственности фигура, причёска, как у Вэя — пучок волос на макушке, отрешённое лицо, которое могло быть как мужским, так и женским... Она приглашающе кивнула мне, и я пошла следом, не проронив ни звука. «Не отходи далеко, вишенка...» Я, как всегда, не послушалась.

— Ты действительно из другой реальности?

Вопрос девушки снова вернул меня в здесь и сейчас. Её только что отрешённое лицо

оживилось, став довольно симпатичным, в миндалевидных глазах мелькало любопытство. Мы стояли в просторной комнате, вдоль стен тянулись полочки с одеждой.

— Да, — рассеянно отозвалась я.

— И чем она отличается от нашей?

— Всем.

— Тебе здесь не нравится? — сочувственно улыбнулась девушка. — Это пройдёт, привыкнешь. Тоже не хотела жить при монастыре, но теперь благодарна судьбе, что я — здесь. Когда умер отец, мачеха собиралась продать меня в «Голубые покои», но мастер Пенгфей был другом моего отца и этого не допустил. Он выкупил меня у мачехи и привёл сюда.

Повернувшись к полочкам, девушка начала перебирать одежду.

— «Голубые покои»? — без особого интереса переспросила я.

— Дом удовольствий. Там по-настоящему плохо. Если бы ещё попасть в один из чайных домиков для богатых чиновников, но я не очень красива, туда меня бы точно не взяли. А вот за тебя владельцы, наверное, перессорились бы, — девушка хихикнула. — За одни только глаза поднимали бы цену до бескрайних небес!

Выбрав всё, что нужно, она протянула одежду мне. Я взяла свёрток и неуверенно огляделась.

— А... где можно переодеться?

— Здесь, — девушку мой вопрос явно удивил.

Конечно, откуда «здесь» раздевалка? Вздохнув, я отошла к стене, повернулась к новой знакомой спиной и начала стягивать с себя майку. Когда дёрнула вниз шорты, из них вывалился андроид.

— Интересный предмет, для чего он? — раздался за спиной голосок моей провожатой.

Я подскочила — как можно так бесшумно подкрасться? Особой стеснительностью я не страдала — в балетной школе мы переодевались все вместе. Но никто не глазел друг на друга, как сейчас глазела на меня она.

— Не хочешь отвернуться или хотя бы отойти? — неприязненно предложила я.

Девушку мой тон не смутил.

— Думала, твоё тело будет отличаться от наших, — простодушно заявила она.

— Чем? Третьей ногой или четырьмя руками? — огрызнулась я.

— Лицо же отличается, — пожалала она плечами. — Особенно глаза.

Глаза у меня папины — пронзительные, ярко-серые с тёмным ободком по радужке, а волосы, как у мамы — чёрные, тяжёлые, завивающиеся крупными кольцами. Вообще нечастое сочетание, а здесь... Фа Хи прав, здесь я действительно — диковинная зверушка.

— Так для чего это? — подняв андроид, девушка повертела его со всех сторон.

— Теперь уже неважно, он сломан, — отвернувшись, я уронила на пол шорты и поспешно натянула на себя длинную рубашку.

— Это надевается сверху, сначала это, — вытащив из вороха, который я небрежно сбросила на пол, более тонкую рубашку, она протянула её мне.

Я только мученически вздохнула. Процесс одевания затянулся, но, когда, наконец, на мне было всё, что нужно, я почувствовала себя куклой-грелкой на чайник. Почти не ощущая тела в слоях ткани, я вытащила из кармана шорт резинку для волос и собрала их в хвост.

— Поспешим — трапеза скоро закончится, — девушка качнула головой в сторону выхода.

— А моя одежда? — я прижала к груди последнее напоминание о родной реальности.

— Пока оставь здесь. Когда укажут, где твоя комната, заберёшь.

Вздыхнув в очередной раз, я заботливо сложила трогательную кучку в углу и повернулась к моей «наставнице».

— Спасибо... забыла, как тебя зовут...

— Киу, — улыбнулась она. — А ты — Мулан? Вэй прав, не очень тебе подходит. Но можешь выбрать другое имя. Идём! — и бесшумно выскользнула из комнаты.

Когда подошли к трапезной, из неё не доносилось ни звука, и я решила, мы всё же опоздали, и завтрак закончился. Но ошиблась. Вдоль длинных низких столов, подстелив лишь тонкие подушки, прямо на полу сидели одетые в белое «адепты». За отдельным столом у стены расположились «учителя» — все в тёмном. Фа Хи сидел с краю. Когда Киу и я возникли на пороге, все головы повернулись к нам, и я невольно поёжилась. Но тут же, вскинув подбородок, двинулась за моей провожатой к столу-буфету, на котором были палочки для еды, пустые мисочки, что-то вроде прямоугольных подносиков и два вместительных чана с каким-то варевом. Сунув мне подносик, Киу положила на него палочки и поставила две мисочки, ещё две поставила на другой и, зачерпнув из ближайшего к ней чана большим ковшом, плюхнула содержимое в одну из моих мисок. Я поморщилась — пахло неплохо, но выглядело несъедобно. Другую миску моя новая приятельница наполнила рисом, потом повторила то же для своих мисок и кивнула, чтобы я следовала за ней. Когда мы шли между «живыми» рядами, адепты уже сосредоточенно тарасились в свои миски. Все, кроме одного — Вэя, всё же узнала его при дневном свете. Когда наши взгляды встретились, он лукаво прищурил глаз, но я отвернулась. Сейчас мне совсем не до заигрываний. Киу опустила на свободное место за одним из столов, я села рядом и покосилась на соседей по столу. Все делали вид, что не замечают ни Киу, ни меня — ни тебе приветствий, ни пожеланий приятного аппетита. Я неуверенно поковыряла палочками содержимое миски. Овощное рагу? Хотела спросить Киу, но она, поймав мой взгляд, только качнула головой и приложила кончики пальцев к губам. Конечно, я ведь — в месте «молчания и духовного самопознания»... в котором Вэй уже успел разболтать и о моём имени, и о том, что оно, по его мнению, мне не подходит! По примеру Киу, я вылила «рагу» в миску с рисом, собралась воткнуть в содержимое палочки, но получив от девушки толчок локтем, недоумённо воззрилась на неё. Скопив глаза на свой рис, она сложила вместе ладони и беззвучно зашептала молитву. Интересно, кому они здесь поклоняются? Пожав плечами, я забормотала «Отче наш» — молитве научила бабушка. Но беззвучно, как у Киу, не получилось — приглушённый шёпот нарушил гробовую тишину, и адепты завертели головами.

Но тут послышался странный звук, будто ударяли палкой о палку, и возня мгновенно прекратилась, а я, повернувшись на звук, поймала на себе предостерегающий взгляд Фа Хи и суровый — другого «мастера» рядом с ним. Именно он ударял похуже на небольшую палицу палкой о стол. Снова лёгкое подталкивание локотком — Киу кивнула на мою миску. Её уже наполовину опустела, и я решила — подхватив немного риса с «рагу», отправила это в рот. Вкус не очень, но всё же съедобно, и я осмелела... и только тогда поняла, насколько была голодна. Новый удар палкой, видимо, возвестил о конце трапезы — адепты зашевелились, а Киу снова подтолкнула меня, побуждая есть быстрее. Но я уже насытилась и отодвинула полупустую миску... чем вызвала настоящую бурю. Девушка энергично замотала головой, подвигая миску ко мне.

— Больше не могу, — шёпотом возразила я. — Ещё немного — и лопну.

В глазах Киу мелькнул ужас, она снова подвинула ко мне миску. Но я упрямо качнула головой. Тут на нас упала чья-то тень, и взгляд Киу из испуганного стал жалобным. Она поспешно поклонилась, чуть не ткнувшись лбом в стол. Над нами возвышался один из «мастеров» — тот самый, что стучал палкой и неодобрительно смотрел на меня. Тишина в трапезной стала звенящей, адепты, уже не таясь, глазели на меня.

— Ты обязана доесть всё, что в твоей миске, — строго проговорил монах.

— Спасибо, но я уже не голодна, — вежливо ответила я. — Если доем, меня может стошнить.

На одно короткое мгновение его лицо утратило явно культивируемую здесь невозмутимость, брови сдвинулись, но он быстро вернул хладнокровие.

— Значит, в следующий раз положишь меньше. А сейчас...

— ...доедать не буду, — повторила я. — Можете оставить это до обеда — тогда и доем.

Лицо монаха оставалось непроницаемым.

— Доешь сейчас.

Меня охватило возмущение. По какому праву это доисторическое ископаемое пытается показать на мне свою власть? Пусть у них тут свои порядки, но откуда мне их знать? Засушенный сверчок мог бы проявить понимание и не пытаться вдавить меня в подушку на виду у всех при первом же нарушении! И вообще, еду мне накладывала Киу — он это видел. Конечно, она действовала из лучших побуждений, но с чего я должна теперь давиться этим варевом? Выпрямившись на убогой подушке, я посмотрела «сверчку» в глаза и, подражая его невозмутимости, проговорила:

— За три секунды разговора проголодаться я не успела. То есть, доедать сейчас всё-таки не буду.

— Будешь наказана, — коротко бросил он.

Это уже было объявлением войны. Только угрозы физической расправы не хватало! Я выпрямилась ещё больше, но тут наступившую тишину нарушил дрожащий голосок Киу:

— Это моя вина, мастер Пенгфей! Я не объяснила наши правила и положила слишком много еды! Накажите лучше меня!

— Наказание коснётся и тебя, — с готовностью согласился «сверчок». — Но неповиновение — гораздо более серьёзное нарушение. За него наказание...

— Ладно, ладно! — я миролюбиво подняла ладони. — Хочешь, чтобы доела — доем.

Взяв палочки, демонстративно щёлкнула ими в воздухе, потянулась к миске, и, извернувшись, опрокинула её содержимое прямо под ноги монаху.

— Упс... — сокрушённо вздохнула. — За неловкость тоже наказываете? А за дыхание?

По рядам пронёсся звук, будто все одновременно выдохнули и... тихое хрюканье, как если бы кто-то пытался подавить смех, но ему это не удавалось — не иначе Вэй. А лицо «сверчка» словно окаменело. Не сводя с меня немигающего взгляда, он повелительно произнёс:

— Собери это.

— Для чего? — подозрительно прищурилась я. — Чтобы потом съесть? Нет.

— Собери, — голос монаха снизился ещё на пол тона, став похожим на шипение змеи.

— Позволь мне, мастер Пенгфей, — снова вмешалась Киу. — Это всё — моя вина.

— Ничего подобного, — фыркнула я. — Откуда тебе знать, сколько я ем? Хорошо, соберу, так и быть, — и, вскинув глаза на монаха, предупредила:

— Но только попробуй потом сказать, чтобы я это съела!

Снова приглушённое хрюканье. И мастер Пенгфей вскинул голову, будто радуясь возможности сорвать злость на ком-то ещё:

— Кому это кажется смешным?

Подхватив вторую чашечку и наклонившись к высыпанному рису, я, не удержавшись, подняла голову — неужели у хрюкающего хватит глупости назваться? Хватило... И им действительно оказался Вэй. Поднявшись со своего места, он почтительно сложил перед собой кисти рук, как недавно делала Киу, и склонил голову. Но я успела заметить дрожавшие в сдерживаемой улыбке уголки губ. Заметил это и мастер Пенгфей.

— Ты тоже будешь наказан, — грозно нахмурился он.

— Да что за произвол, в конце концов! — возмутилась я, поспешно собрала рис и встала. — И после этого называешь себя учителем? Вместо того, чтобы всё объяснить — вообще-то, я в вашей реальности недавно — начал давить меня авторитетом, а теперь ещё и наказываешь всех подряд! И за что?

— Не говори ничего... — тихо простонала Киу. — Это — непочтение к учителю, карается очень сурово...

— Почтение? — хмыкнула я. — Пусть «учитель» сначала его заслужит. Одно звание не даёт на него права автоматически, — и, качнув миской с рисом, между прочим добавила, — пойду выброшу.

Я уже направилась к выходу, стараясь не обращать внимания на ошарашенные взгляды адептов, когда за спиной раздался негромкий голос:

— Остановись.

Замедлив шаг, я обернулась. Седобородый монах, сидевший посередине, поднялся со своего места и коротко скомандовал:

— Всем выйти. Кроме тебя, — взгляд удлинённых глаз остановился на мне.

Я вздохнула, неуверенно покосилась на Фа Хи, но он на меня не смотрел. Хорош защитник, уверявший, что никто здесь не причинит мне вреда! Адепты послушно встали, подхватили свои мисочки, подносики и засеменяли к выходу. Проходя мимо, Вэй едва ощутимо толкнул меня плечом и подмигнул. За учениками вышли и учителя — все, кроме Фа Хи и «сверчка». Когда трапезная опустела, пожилой монах обратился ко мне:

— Подойди.

Я двинулась к нему и, поставив на стол миску — наверняка сейчас будет разборка, не держать же её в руках всё время — остановилась в нескольких шагах от него.

— Как твоё имя?

— Мулан.

— Я — Сянцзян, тьяньши[2] этого монастыря. Ты теперь — часть нашей общины и должна следовать установленным здесь правилам, нравятся они тебе или нет.

— Ничего не имею против правил, — миролюбиво проговорила я — в отличие от «собрата», старик вызывал симпатию. — Но нельзя требовать их исполнения, не сказав, в чём они заключаются.

— Верно, — согласился он. — Но так же верно, что нельзя оскорблять неуважением старшего, как сделала ты на виду у всех.

Я скосила глаза на «сверчка», едва заметно вскинувшего голову, и пожала плечами.

— Я считаю, уважать нужно всех, независимо от возраста. Моё неуважение было лишь ответом на неуважение ко мне.

Старик вздохнул и посмотрел на Фа Хи.

— Ты был прав, брат. Привести в равновесие духов в этом теле будет нелегко, но мы сделаем всё, что сможем, — и снова перевёл взгляд на меня. — Очевидно, твоя реальность сильно отличается от нашей. В ней следуют другим порядкам и законам. Но ты больше не в ней и достаточно умна, чтобы понять: течение вещей здесь не изменится, чтобы подстроиться под тебя. Меняться придётся тебе. Чтобы принять новое, его нужно сначала узнать, и я дам время познакомиться с нашим укладом. Это не значит, тебе простится всё — будет лишь оказано снисхождение, в допустимых рамках. Но по истечении трёх месяцев, с тебя будут спрашивать, как со всех. Считаешь это справедливым?

— Наверное, — неуверенно отозвалась я.

— Твоё поведение за трапезой было непозволительным, и я бы подверг тебя наказанию, не задумываясь — если бы не заступничество брата Фа Хи.

И когда интересно, брат Фа Хи успел за меня заступиться? Когда они, вообще, успевают всё обсудить, не разговаривая? Телепатически? Чревовещанием?

— Ты должна извиниться перед братом Пенгфеем, — продолжал тьяньши. — И, если он примет твоё извинение, об инциденте будет забыто.

[1] *Шифу* — вежливое китайское обращение к учителю.

[2] *Тьяньши* — патриарх, глава общины в даосском монастыре.

* * *

Я мысленно фыркнула. Удобная позиция: сказать, что против наказания, и тут же переложить решение на «брата Пенгфея», который уж точно так просто обо всём не забудет!

— А что с остальными? Киу и... Вэй? К ним тоже проявят снисхождение?

— Наказание «остальных» касается только их.

— Я-то думала, тут всё построено на братстве. Что ж, если обращение «брат» — пустое слово...

— Не пустое для других, пока пустое для тебя, — терпеливо проговорил старик. — Может, это изменится, может — нет. А сейчас — довольно пустословия.

Мне самой уже надоело это представление. Я повернулась к «сверчку», ожидавшему извинения, и поклонилась, сложив перед собой ладони, как делали Киу и Вэй.

— Извини, если обидела, я лишь защищалась. В следующий раз обещаю доесть всё, что положу в миску, — и вздрогнула, когда сухие, как осенние листья, ладони монаха коснулись моих.

Разомкнув мои руки, он сжал мою правую кисть в кулак и втиснул её в ладонь левой — я сделала наоборот — и, чуть опустив этот «замок» к уровню моей дифрагмы, кивнул.

— Значит, извинение принято? — уточнила я.

— Научись говорить меньше, — подал голос Фа Хи.

Я кашлянула и, на всякий случай поклонившись ещё раз, двинулась к выходу.

— Еда на столе, — снова донёсся до меня голос Фа Хи.

Совсем про неё забыла... Вернувшись, подхватила полупустую миску, хотела спросить, есть ли на территории монастыря собачка или кошечка, но, глянув на сосредоточенные лица монахов — они будто пытались прочитать мои мысли на русском — передумала.

Развернулась и потрусила прочь из трапезной. Ещё бы знать, как выбраться из лабиринта коридоров... Свернула в один, потом в другой и чуть не подпрыгнула, когда передо мной, словно призрак, возник Фа Хи.

— Ну и напугал... Откуда ты здесь взялся?

Мой спаситель посмотрел на дверь, из которой, видимо, вышел, и строго проговорил:

— У тебя трудности не только с молчанием, но и с дисциплиной. Это должно измениться. Ты больше не в твоей реальности.

— Я не против дисциплины. Но унижать себя не позволю никому, будь это тысячу раз мастер или местное божество. Брат Пенгфей был неправ. Я извинилась, но и ему следовало бы извиниться передо мной.

Фа Хи только вздохнул и покачал головой.

— Ты очень вздорная. Единственное дитя?

— Да, — сухо бросила я. — А теперь ещё и исчезнувшее. Но, чему научили родители, забывать не собираюсь.

— Никто этого и не требует, — заложив руки за спину, Фа Хи двинулся по коридору. — Вода принимает форму кувшина, а кувшин, наполнившись водой, тонет. Будь водой, а не кувшином. Больше слушай, чем говори. Больше думай, чем действуй. Этот мир — опасен, особенно для тебя. Но твои враги — не внутри этих стен.

— Не знала, что они вообще у меня есть.

— Они есть у всех. Кто утверждает обратное — глупец.

— Тёмные боги? — поёжилась я. — Вэй сказал, тех тварей привлекло моё появление.

— Да. Неспроста именно твой народ принёс ту ужасную жертву.

— То есть... твари почуяли во мне похожую кровь?

— Не кровь. Дух. И тебе нужно научиться его скрывать, — Фа Хи остановился перед узкой сдвижной дверью. — Это — твоя комната. Она должна всегда быть чистой, как и твои тело, одежда, обувь и постель. Оставить еду в миске — серьёзный проступок. Выбросить её нельзя, ты должна найти того, кто съест её за тебя...

— Кого-то из адептов? — ужаснулась я.

— Любое живое существо. Когда посуда опустеет, вымоешь её и принесёшь в трапезную к обеду. Во время трапез не должно издаваться никаких звуков...

— Вообще, молчание за едой — противоестественно, — не удержалась я.

— ...и никогда не перебивай тех, кто уже говорит, — невозмутимо продолжил Фа Хи, — особенно старших тебя. Когда всё выполнишь, выйдешь к главному входу.

— Подожди! — выпалила я, видя, что он собирается уходить. — Понятия не имею, где тут главный вход! Без GPS я из этого лабиринта не выйду и через неделю!

— Еду в твою миску положила Киу, ты могла перевести вину на неё. Но ты этого не сделала, а, наоборот, защищала её. Почему?

— Потому что... — недоумённо начала я — резкая смена темы меня озадачила. — Просто так не поступают. А что?

— Пытаюсь рассмотреть в тебе хотя бы что-то, оправдывающее усилия, которые придётся приложить, обучая тебя, — лёгкое ехидство в его голосе не очень сочеталось с невозмутимым выражением лица. — Подожди здесь. Думаю, самое время выбрать несчастного, который будет за тобой присматривать.

И бесшумно удалился — я лишь растерянно смотрела ему вслед. Фа Хи уже скрылся за поворотом, когда я всё же решила осмотреть своё будущее «жилище». Поставив миску на

пол, опасливо сдвинула дверь. Каморка очень напоминала «пенал» Вэя: набитый травами матрац, столик, полки... Правда, в моём «пенале» ещё было окно — очень узкое, но сквозь него всё же просачивался дневной свет. Хотя бы так... Ненавижу темноту! Особенно после того, как, не послушавшись родителей, втихомолку посмотрела ужастик «Джиперс Криперс». И зачем только это вспомнила? Теперь так и представляю, что за спиной стоит одетый в длинный плащ людоед с уродливым лицом и волосами, как пакля... Что-то легко коснулось плеча, и я вскрикнула от неожиданности... чем тут же вызвала взрыв смеха. Резко обернувшись, попыталась шарахнуть по плечу бесшумно подкравшегося Вэя, но он с лёгкостью увернулся и погрозил пальцем.

— Чтобы коснуться меня, тебе придётся ещё о-о-чень долго тренироваться!

— Не коснуться, а стукнуть! — зло уточнила я. — Для этого «касаться» необязательно!

— А ты задиристая для такой крошки!

— Крошки! — фыркнула я. — Не ты уверял, что через два года мне можно замуж?

— Поторопился, — Вэй насмешливо качнул головой. — По возрасту — да, но по разуму ты — совсем дитя. Идём, покажу, где что находится.

Я захлебнулась от возмущения. Всегда и во всём была одной из лучших, сколько себя помню — в школе, балете, даже в художке. И вдруг этот доисторический... дикарь отзывается о моих умственных способностях с таким пренебрежением! Выскочив следом из «комнаты», опять попыталась его толкнуть, но Вэй снова увернулся, будто видел мои движения спиной.

— Как у тебя это получается? — буркнула я.

— Может, когда-нибудь получится и у тебя, Юй Лу.

— Кто?

— Это имя подходит тебе больше.

— И что оно означает?

— Будешь делать всё, что скажу, узнаешь ещё до заката, — он кивнул на миску. — Нужно найти, кто это съест.

Вздыхнув, я подняла миску и уставилась на Вэя. Наконец-то могла рассмотреть его по-настоящему. Прямые брови, тонкие черты — особенно, если сравнить с лицами других адептов, нос с небольшой горбинкой и очень тёмные миндалевидные глаза, в которых мелькали лукавые искорки.

— Значит, ты теперь — мой «старший брат»?

— Скорее наставник, — улыбнулся он.

— Один уже есть, — хмыкнула я, подумав о Фа Хи.

— Один с тобой не справится. Идём, — и двинулся по коридору.

— И как тебя называть? Шифу? — ехидно предположила я, семена следом.

— По имени не хочешь?

— Ты же — наставник. По имени — как-то неуважительно.

— Что *ты* знаешь об уважении? — Вэй насмешливо вскинул брови.

— Что его нужно заслужить.

— И я уже настолько заслужил твоё, что готова называть меня «шифу»?

— Да, ты прав, — согласилась я и, передразнивая его, добавила:

— Поторопилась!

Вэй вдруг повернулся и щёлкнул меня по носу — я чуть не выронила миску. А он припустил по коридору, насмешливо бросив:

— Догонишь — подставлю тебе *мой* нос!

Не долго думая, я размахнулась и запустила в него своей «ношей». И не поверила глазам, когда «братец», волчком крутанувшись в воздухе, ловко подхватил миску, не выронив ни единой рисинки!

— Вот это да! Этому здесь в самом деле можно научиться?

— Если будешь стараться и слушать меня, — подмигнув, Вэй протянул мне миску.

— Размечтался! Имею в виду второе. И хватит обращаться со мной, как с пятилетней!

— Тогда и веди себя, будто тебе больше, чем пять. А сейчас — не отставай! — и опять помчался по коридору.

Конечным пунктом бега взапуски оказалась небольшая рощица за стенами монастыря. Остановившись, возле первых попавшихся кустов, Вэй приглашающе махнул рукой.

— Здесь можем дождаться... Что ты делаешь?!

Вывалив содержимое миски под куст, я смахнула со лба воображаемый пот.

— Ты... — Вэй беспомощно дёрнул рукой, явно не в силах подобрать слова. — Еду выбрасывать нельзя!

— Я и не выбросила. Здесь же водятся муравьи, мухи, обезьяны? Кто-то из них точно съест это варево. Ну что, идём обратно? Или прогуляемся?

Вздыхнув, «братец» покачал головой.

— Теперь понимаю, почему меня не наказали за неподобающее поведение на утренней трапезе. Ты — моё наказание. И суровое!

— Потому что теперь ты — мой «наставник»? Так откажись, в чём проблема?

— Не могу, — он сделал мученическое лицо. — Некоторые, в отличие от тебя, слышали о послушании.

— Они скажут «лягушка», а ты прыгнешь? — снисходительно фыркнула я. — Это — не послушание, а неспособность думать своей головой. Но, так и быть, помогу тебе на сей раз. Скажу, что... мы не сошлись характерами, и попрошу себе в качестве старшей сестры Киу — думаю, она согласится. Если всё получится, будешь мне должен.

Ещё не видела Вэя таким растерянным. Но растерянность быстро уступила место покровительственности, которая в общении со мной уже явно вошла у него в привычку.

— Я буду тебе должен? — с лёгким высокомерием хмыкнул он. — За то, что выставишь меня жидким переваренным рисом, не способным справиться с чужеземным дикарёнком? Даже не думай об этом!

— Чем тебя выставлю? — прыснула я от смеха. — Ну и аллегория! Одним словом это называется «слизняк». Не хочешь помощи — не надо, тогда терпи и не ной.

Вэй снова растерялся, хотел рассмеяться, но тут же передумал и кашлянул:

— Не могу понять: ты меня сейчас оскорбила?

— И особой собразительностью не отличается, — вздохнула я. — А ещё говорил, у *меня* разум ребёнка!

К Вэю уже вернулась снисходительность. Сложив на груди руки, он покачал головой.

— Тебе придётся о-очень усердно тренироваться, чтобы суметь себя защитить. С твоим языком от желающих его укоротить не будет отбоя! — и, прежде, чем я успела ответить, опустился на землю, скрестил ноги и соединил вместе ладони.

— Просишь прощения у воздуха за то, что мы им дышим? — недоумённо огляделась я. — Или за нами наблюдают?

— Ш-ш, помолчи. Мастер Фа Хи прав, ты это совсем не умеешь.

— Умею, когда сказать нечего. Просто такое бывает редко.

Но Вэй уже закрыл глаза и застыл, будто стал камнем. А я обратила внимание, что средний палец на левой руке у него слегка искривлён, будто был сломан и потом сросся неправильно. Бедняга... Вздохнув, переступила с ноги на ногу. Вэй продолжал изображать из себя каменного Будду... или Шиву — никогда не разбиралась в восточных божествах. Интересно, заметит, если я сейчас уйду?

— Даже не думай.

Подскочив, я устала на «окаменевшего» Вэя, только что снова прикрывшего глаз. Он подглядывал и видел, как я дёрнулась по направлению к монастырю!

— Может, всё-таки объяснишь... — начала я и растерянно замолчала.

Трава вокруг моего новоявленного «брата» зашевелилась, и из неё начали выползать похожие на мышей существа с зелёной шерсткой и длинными ушами, как у кроликов. Выстроившись гуськом, они мелкими шажками подбирались к вываленной мной кучке риса, подхватывали несколько рисинок и исчезали в кустах. Пять минут — и ни существ, ни риса как не бывало, а я наконец захлопнула приоткрывшийся от удивления рот.

— Это... что это было?

— Одна духовная практика — воздействие собственным разумом на более примитивный, — поднявшись, Вэй насмешливо сощурил глаза. — Может, попробовать на тебе?

Я тут же запустила в него пустой миской, которую он, конечно, поймал.

— Задира! Что же будет, когда чему-то научишься? Лови! — и, бросив мне миску, не оглядываясь, понёсся обратно к монастырю.

Миска шлёпнулась на траву у моих ног — я на неё даже не глянула. Реальность, в которую меня занесло, начинала казаться всё более интересной. Управлять животными силой мысли! Только представить! А физическая подготовка Вэя! Умей я хотя бы половину того, что явно умеет он, по возвращении в родную реальность, мне бы цены не было! Семь лет, конечно, много, но эти годы не пропадут даром. Здесь я научусь тому, что в моей реальности не умеет никто! Только вот родителей жалко...

— Эй, Юй Лу! Скоро дневные занятия. Опоздаем — накажут обоих. Или именно этого добиваешься?

Я вскинула глаза на остановившегося поодаль Вэя, подхватила миску и послушно заторопилась к нему.

— А что будет на дневных занятиях?

— Сначала беседа — думаю, продолжение о том, как выплавить в себе пилюлю бессмертия, потом тренировка...

— Какую пилюлю? — я даже остановилась.

— Бессмертия. Достижение его — высшая цель даосизма...

Его слова заглушили гулкие звуки, будто кто-то ударял в барабан, и Вэй досадливо вздохнул:

— Потеряли слишком много времени. Сейчас вымоешь миску и оставишь в своей комнате, а после обеда покажу тебе всё остальное. Поторопись! — и ускорил шаг.

Местом проведения «дневных занятий» оказался внутренний дворик с деревьями впечатляющих размеров.

— «Счастливое место для встречи бессмертных», — прочитала я выбитые на каменной стене иероглифы. — Бессмертные? Ваши божества?

— *Наши?* — вскинул брови Вэй. — Божества никому не принадлежат. Бессмертные — это люди, достигшие бессмертия. Здесь, среди столетних деревьев, они встречаются в определённые дни — когда спускаются с Небес, и любой человек с чистым искренним сердцем может их увидеть.

— Ну да, — фыркнула я. — Прямо болотные эльфы! Выйди в полночь к старому дубу, встань на голову, посмотри из-под левой подмышки — и увидишь, то, что не видят другие.

Вэй скосил на меня насмешливый взгляд.

— В такое верят в твоей реальности? А нашу называешь «отсталой»?

— Верили, — парировала я. — Когда находились на вашем уровне развития — пару тысяч лет назад.

И, вскинув голову, направилась к растрескавшемуся коричному дереву у противоположной стены дворика. Под деревом у самых корней лежала подушка, наверное, для учителя. Для учеников — деревянные настилы вроде скамей, но без ножек, расположенные полукругом перед деревом. На «скамьях» уже сидели ученики. Опустившись на одну из «скамей», Вэй скрестил ноги и кивнул на место рядом с собой.

— Это обязательно? — я посмотрела на скамью чуть поодаль, на которой сидела Киу, приветливо махнувшая мне рукой.

— Что обязательно? — не понял Вэй. — Сидеть?

— ...с тобой рядом, — уточнила я. — Хочу поговорить с Киу, увидимся после занятий, — и двинулась к новой приятельнице.

— Не вздумай заговаривать с ней о... том, что говорила мне! — торопливо выпалил в спину Вэй.

— Так боишься потерять «младшую сестрёнку»? — полуобернувшись, ехидно отозвалась я.

— Волновалась, что тебя накажут слишком сурово! — Киу с готовностью отодвинулась, освобождая мне место. — Но тынши — мудр. За время, данное им, ты привыкнешь! А мы тебе поможем. Видишь — у неё глаза цвета весеннего дождя! — последняя фраза предназначалась для девушки, сидевшей слева от Киу, и с любопытством меня разглядывавшей.

Сев на лавку, я недоумённо покосилась на Киу.

— Почему именно весеннего?

— Потому что только весной у дождя бывает такой красивый серебристый оттенок, — улыбнулась она.

— А тебя тоже не наказали? — поспешила я перевести разговор — повышенный интерес ко мне, как к «диковинной зверушке», уже начинал раздражать.

— Наказали, но не сильно. Это ничего, я была виновата.

— Если так говорят «старшие», — ехидно хмыкнула я. — А откуда знаешь, что ваш главный дал мне время на адаптацию? Быстро же здесь расходятся новости!

— Мы переговариваемся без слов, — вмешалась в разговор подруга Киу.

— Телепатически?!

Девушка пожала плечами, явно не понимая, что я имею в виду, и добавила:

— Я — Сонг. А ты — Юй Лу, мей мей[1] Вэя? Он выбрал тебе красивое имя!

— Ещё бы знать, что оно означает.

— Это тебе скажет он, — хихикнула девушка.

Я посмотрела на «старшего братика». Делая вид, что разговаривает с соседями по скамье, он то и дело бросал острые взгляды на меня — не иначе опасался, я всё же попрошу Киу стать моей старшей сестрой. Но тут все разговоры резко смолкли и ученики, как один, сложили кисти рук — правый кулак в левой ладони — и поклонились. Последовав примеру, я успела увидеть подплывшего к дереву Фа Хи. Хорошо хотя бы не «сверчок»!

Не заметила, когда он дал команду «вольно» — может, и правда телепатически? Адепты снова опустились на свои места, а «брат Фа Хи» расположился на подушке под деревом, обвёл всех взглядом и на мгновение задержал его на мне. Я приветливо махнула рукой, но Киу тотчас дёрнула меня за рукав.

— Так нельзя...

Фа Хи будто ничего не заметил. Сложил руки на животе и начал «лекцию». Сначала речь вроде бы шла о методиках дыхания, и я обратилась в слух — для балета это очень пригодится. Но, проронив несколько понятных мне фраз, наш учитель перешёл на жуткую тарабарщину, смысл которой полностью остался за пределами моего понимания... Якобы дыхание человека делится на внешнее и внутреннее. Внутренний воздух, выходящий из «поля киновари», нужно беречь. Потеря одного из шести цуньей[2] этого воздуха сокращает жизнь на тридцать лет — интересно, сколько вообще живут местные? Чтобы сохранить внутренний воздух, его нужно уметь поглощать и циркулировать по телу, при этом постоянно сглатывая яшмовый сок — ещё бы знать что это, а потом бить в небесный барабан пятнадцать раз...

— Какая жесть... — слова выскочили по-русски помимо моей воли.

Фа Хи замолчал, взгляды всех адептов устремились на меня. Почти все смотрели с недоумением, только в глазах Киу застыла озабоченность, а в глазах Вэя плясали

искорки сдерживаемого смеха и любопытство: что я ещё выкину.

— У тебя появился вопрос? — спокойно спросил Фа Хи.

— Да... — я кашлянула. — Мне обязательно всё это слушать?

— «Всё это»? — вскинул он брови.

— Не думаю, что это пригодится мне в жизни, — покачала я головой.

Знакомое тихое хрюканье — после окончания занятий выскажу Вэю всё, что думаю о его привычке развлекаться за мой счёт! Фа Хи притворился, что ничего не услышал, и лишь строго проговорил:

— «Всё это» — основы нашего учения. Путь к бессмертию лежит через самосовершенствование духа и тела. Для этого необходимо владеть соответствующими практиками.

— Для чего практики? Душа и так бессмертна.

— Души не могут существовать без телесной оболочки, — возразил Фа Хи. — Не будет тела — души рассеются.

— Души? — опешила я. — И... сколько их у вас?

— У каждого человека три верхних души-хунь и семь нижних-по. В момент смерти хунь уходят на Небо, а по — к Жёлтым источникам, где влачат жалкое существование во мраке бесконечной ночи. Остальные тридцать шесть тысяч духов, населяющих человеческое тело, рассеиваются без следа. Поэтому важно укреплять тело, ибо только бессмертное тело служитместилищем душ и духов вечно.

Мои мысли свернулись в тугой узел, концы свободно болтались — в такт покачивающимся ветвям гигантской корицы.

— Моя бабушка, воспитанная в православной вере, перестанет со мной общаться, если узнает, что я просто присутствовала на этом... уроке.

Снова сдавленное хрюканье.

— Тогда лучше ничего ей не говорить, — резонно рассудил Фа Хи и повернулся к Вэю. — Через неделю она должна знать основные понятия концепции Дао. Если сделает хотя бы одну ошибку, будешь наказан.

Вэй сложил кисти рук в привычном жесте и, пытаясь скрыть подёргивающееся от сдерживаемого смеха лицо, поклонился чуть не до земли.

— Твой старший брат поможет понять наше учение, — добавил Фа Хи. — От твоего усердия зависит его благополучие.

— Тогда можете сразу снять с него кожу, — дёрнула я плечами. — У меня уже есть вера моего народа, и менять её я не собираюсь.

— И не нужно. Но не думаю, что вера твоего народа запрещает узнавать новое, — и, уже обращаясь ко всем, продолжил:

— Самосовершенствование для обретения бессмертия — долгий и кропотливый процесс. Существует формула: выплавлять эссенцию-цзинь нужно, преобразуя её в энергию-ци, выплавлять энергию-ци, преобразуя её в... — мой мозг перешёл в режим экономии энергии.

И в этом я должна разбираться через неделю? Если здесь практикуют телесные наказания, с целостностью кожи Вэю точно придётся распрощаться. Скосила на него глаза — наивный болван мне ещё и подмигивает! Скользнула взглядом по другим адептам. Лица — сосредоточенные, в глазах — благоговение. Неужели они в самом деле *понимают*, о чём проповедует Фа Хи? И никаких записей — значит, всё запоминают? До сих пор у меня никогда не было ощущения собственной бестолковости, а здесь... Я горестно вздохнула. Поскорее бы «практическая» часть. Но она всё не начиналась... Окончательно перестав следить за «уроком», я унеслась мыслями к моей реальности, к родителям, которые сейчас наверняка ставят на ноги все местные службы. Увидеть их хотя бы на секунду, сказать, что со мной всё хорошо...

— ...тиран приказал рассечь дяде грудь и вырвать его честное сердце, — пробился сквозь мои мысли голос Фа Хи. — Но Бигань сам вынул из рассечённой груди своё сердце, бросил его на землю и покинул дворец племянника. Святой мудрец Цзян Цзый влил в Биганя чудодейственное снадобье, позволявшее жить без сердца. Бигань больше не вернулся в императорский дворец и, не имея подверженного страстям сердца, стал...

— ...настоящим чудовищем! — вырвалось у меня.

Снова все взгляды устремились ко мне, и я пояснила:

— Человек, лишённый сердца, не может испытывать ни привязанности, ни раскаяния, ни жалости — ничего.

— Этому учит вера твоего народа? — поинтересовался Фа Хи. — Ещё раз заговоришь

без разрешения — будешь наказана, — и, уже обращаясь ко всем, продолжил:

— Освобождение от страстей означает объективность и справедливость. Человек делается подобным Небу, не знающему ни привязанностей, ни родства...

— Но мы-то не небо! — снова не выдержала я. — Если нет ни привязанностей, ни страстей, зачем вообще жить? Тем более вечно.

— Причин много, — невозмутимо ответил Фа Хи. — А ты только что заговорила без разрешения снова. После окончания беседы, когда все отправятся на тренировку, останешься здесь — стоять в позе всадника. Вэй будет считать до ста. Когда досчитает, присоединитесь к остальным.

Моё первое наказание? И, похоже, далеко не последнее. Покосилась на Киу — она сочувственно поджала губы, на Вэя — лукавый огонёк в глазах. Неужели его настолько забавляет всё, что я делаю, хотя в результате наказан и он? Ему наверняка интереснее тренироваться, а не считать до ста, пока я буду в позе всадника — ещё бы знать, как она выглядит. Что ж, хочет представления — пожалуйста. Я подняла руку. Фа Хи, продолжавший увлечённо нести бред, сделал вид, что не заметил. Я подняла руку выше, помахала ею в воздухе. Он вздохнул и повернулся ко мне.

— Да, Мулан?

— Теперь меня называют Юй Лу, мей мей Вэя, — поправила я. — Что такое «яшмовый сок»?

— Это спросишь у своего гэгэ[3] после беседы, — и продолжил:

— Обретение истинных сокровищ духа означает...

Я снова подняла руку. Фа Хи замолчал, выдерживая паузу, а потом строго обратился ко мне:

— К тебе проявили большое снисхождение, Юй Лу, мей мей Вэя. Не злоупотребляй им. Беседы о Пути Дао обязательны для всех. Слушай, запоминай возникающие вопросы, а после занятий задай их Вэю. Угроза наказания тебя, очевидно, не пугает, даже если оно затрагивает и тех, кто в твоих проступках не повинен. Но подумай о том, что другие *хотят* узнать не интересующее тебя, и, прерывая меня, ты, в первую очередь, вредишь им.

Слова Фа Хи произвели на меня впечатление. Заговорив со мной подобным тоном, не угрожая, но убеждая, он очень напомнил моего отца. Я пробежала глазами по лицам адептов. Только на физиономии Вэя — любопытство, на остальных — явное неодобрение и осуждение. Это и понятно — меня бы тоже бесило, прерывай кто-нибудь нашего препода по литературе, моему любимому предмету. Сложив кисти рук, я поклонилась и, обращаясь ко всем, проговорила:

— Извините, что мешала вам постигать Путь Дао. Больше не буду прерывать учителя.

Напряжённые лица расслабились, некоторые адепты даже кивнули, а в глазах Фа Хи, прежде чем он отвернулся, я успела заметить промелькнувшее одобрение. Нечто похожее светилось и в глазах Вэя — легко же их впечатлить. Но, обещание есть обещание — уже и не пытаясь вникнуть в жуткую бессмыслицу, я стоически молчала до конца «беседы».

Когда Фа Хи поднялся со своей подушечки, я с трудом удержалась, чтобы не запрыгать от радости. В нашем классе все срывались со стульев, едва звенел звонок, но тут адепты вели себя на удивление организованно. Не спеша поднялись, поклонились и гуськом засеменяли за шифу. Киу шепнула «скоро увидимся», Сонг дружелюбно кивнула, остальные уже будто мне забыли. Только одна щуплая девчушка тихо выдохнула, проходя мимо:

— Я тоже понимаю не всё, что говорит шифу. Но тебе повезло. Вэй — очень

умный... — и тут же, увидев моего приближающегося «брatца», покраснела и поспешно засемила вслед за остальными.

— Твоя поклонница? — кивнула я на неё.

Вэй рассмеялся.

— Тебя это удивляет?

— Нет, — дёрнула я плечами. — Вкусы у всех разные.

— А какие у тебя?

— Тебе-то что? — фыркнула я. — Как выглядит эта поза всадника?

— Вот это рвение! — впечатлился Вэй. — Я-то думал, будешь просить меня облегчить наказание, а учителю сказать, будто провёл его со всей строгостью!

— Соврать за меня? — вскинула я брови. — Может, ещё и попрошу, но не из-за такой ерунды. Так что за поза?

Лукаво прищурившись, Вэй широко расставил ноги, прижал согнутые в локтях руки к торсу и присел так, что бёдра оказались почти параллельно земле.

— Гран-плие?! — радостно выпалила я. — В балете эта позиция — одна из основных!

— Балете? Том «порхания», которое показывала мне прошлой ночью? — насмешливо улыбаясь, мой гэгэ выпрямил колени. — Что ж, попробайся.

— Нечего пытаться! Балетом я занимаюсь приблизительно столько же, сколько ты своим кунг-фу! — и, грациозно взмахнув руками встала в стойку. — Начинай считать.

— Не торопись, — лукавый огонёк так и мелькал в тёмных глазах «брatца». — То, что ты сейчас делаешь — не поза всадника.

Подойдя, он опустил мои руки и, согнув их в локтях, прижал к моему туловищу.

— Носки вперёд, а не как у тебя. Как вообще удерживаешься на ногах, выворачивая ступни подобным образом? И пятки не должны отрываться от земли.

— Какая уродливая поза! — фыркнула я.

— Зато правильная, — он легко шлёпнул меня по спине. — Интересно, сколько так продержишься?

— Интересно, когда начнёшь считать? — парировала я.

Продолжая улыбаться, Вэй расположился на траве напротив меня и лениво протянул:

— Один... два... три...

Считал он неторопливо, а я не разогрелась, и это начало давать о себе знать, когда Вэй досчитал до тридцати. Но сдаваться я не собиралась и, сделав глубокий вдох, переставила руки во вторую позицию — развела в стороны, образуя от локтя до запястья полукруг.

— Опять «балет»? — хихикнул Вэй. — Мне всё любопытнее посмотреть, что ещё ты умеешь, кроме «порхания»!

— Много всего! Не забыл, для чего ты здесь?

— Проследить за выполнением твоего наказания, — самодовольно отозвался он.

— Чтобы считать до ста!

— А... точно. Тридцать один... тридцать два...

— Издеваешься? — возмутилась я. — За время, пока приседал мне на уши, мог бы уже дойти до сорока, не меньше!

— Куда я приседал? — расхохотался Вэй.

— Ну подожди, когда будешь учить меня концепции Дао! — пригрозила я. — Что, говоришь, с тобой будет, если сделаю хотя бы одну ошибку?

— Ничего, что со мной ещё не было, — хрюкнул Вэй. — Ладно, так и быть. Тридцать

три, тридцать четыре, тридцать пять...

— Придушу, как только выйду из этой стойки, — зло процедила я.

— В самом деле думаешь испугать меня своими угрозами, цветочная тычинка?

— Ты же когда-нибудь спишь? — сузила я глаза. — Если в одно прекрасное утро не хочешь проснуться побритым налысо, продолжай считать!

Конечно, Вэй зашёлся в новом приступе хохота, а потом продолжил счёт с... тридцати шести. Когда он дошёл до восьмидесяти, мои ноги начали ощутимо дрожать, но я только стиснула зубы. Ещё не хватало показать подобную слабость перед Вэем, не сводившим с меня насмешливого взгляда! Досчитав до девяноста, он на секунду замолчал, подмигнул мне и объявил:

— Сто! Поднимайся!

— Уже? — удивилась я.

Выпрямила колени, но, ноги, ставшие будто ватными, снова подогнулись, и я бы, вероятно, упала, не подхвати меня мгновенно подскочивший Вэй.

— Всё из-за того, что ты заставил меня стоять в дурацкой позе дольше положенного! — утвердившись на ногах, я его тут же оттолкнула.

— Я продолжал считать в уме, пока говорил с тобой, — улыбнулся он. — Поэтому досчитал вслух до девяноста. На самом деле это сто. Не думала же, что буду так истязать мою мей мей!

Он явно собирался щёлкнуть меня по носу, но в этот раз я увернулась.

— Впечатляет! — восхитился он.

— Ещё раз сделаешь это... — угрожающе начала я.

— Побреешь меня налысо, пока буду спать?

— И не только! А где проходит тренировка?

Вэй неопределённо качнул подбородком куда-то за пределы двора и насмешливо уставился на меня.

— Но ты справилась с наказанием слишком быстро. Шифу не поверит, что ты действительно простояла в позе всадника всё время, не прерываясь.

— Поверит, — раздался из-за ближайших деревьев спокойный голос, и Вэй, дёрнувшись, поспешно сложил перед собой кисти рук и согнулся в поклоне чуть не пополам. А я с удивлением воззрилась на неторопливо приближавшегося к нам тьяньши.

— Ты... наблюдал за нами?

— Не всё время, — уклончиво ответил он. — Но достаточно, чтобы увидеть твою выносливость и силу воли. Не всякий вновь принятый ученик смог бы выполнить то, что выполнила ты, и при этом не поддаться на предложение чересчур заботливого старшего брата «смягчить» наказание.

— Ничего он мне не предлагал.

— Если ты не сумела разгадать предложение, не значит, что его не было, — суровый взгляд обратился к потупившемуся Вэю. — Для этого ты просил стать её старшим братом? Чтобы во всём ей потакать? Твоей младшей сестре это не поможет, а навредит.

— Прости, тьяньши, — Вэй поклонился ещё ниже.

Я же смотрела на него приоткрыв рот. Попросил?!

— Отправляйтесь на тренировку, — распорядился тьяньши и поплыл обратно в тень деревьев.

Вэй, мгновенно выпрямившись, поманил меня рукой и шустро зашагал прочь.

— Ты *попросил*, чтобы тебя назначили моим гэгэ?! — выпалила я, едва мы оказались за пределами дворика. — А мне сказал, тебя заставили!

— Это ты решила, что меня заставили, — невозмутимо отозвался Вэй. — Я ничего подобного не говорил.

— Если и не говорил, то намекал, — хмыкнула я. — Но зачем?

Замедлив шаг, он лукаво покосился на меня.

— Ты забавная. С тобой весело.

— Из-за меня тебя будут наказывать через день — вот веселье!

— Может, поначалу, — беспечно отозвался он. — Уверен, ты быстро освоишься. Да и суровых наказаний не будет — слишком уж они тобой дорожат.

— Почему? — растерялась я. — Из-за того, что я — славянка?

Но Вэй только бросил своё обычное «Догоняй!», понёсся вперёд сломя голову.

Тренировка проходила в лесу — на полянке неподалёку от стен монастыря... и я перестала жалеть, что пропустила начало. Когда мы пришли, адепты самозабвенно ползали на четвереньках, сминая траву и разгоняя муравьёв. Я так и застыла с приоткрытым ртом, а потом растерянно посмотрела на Вэя.

— Это... что?

— Упражнение — «тигр выходит из пещеры», — из-за дерева выступил Фа Хи. — Присоединяйтесь.

Следуя примеру и «инструкциям» Вэя, я опустилась на траву... и присоединилась к уже ползающим. Упражнение предписывало передвигаться на четвереньках вперёд и назад по двенадцать раз в каждом направлении. Борясь с желанием захватить чем-нибудь тяжёлым Вэю, давящемуся рядом от смеха, я прилежно выполнила всё, что требовалось, собралась было подняться, но «братец» дёрнул меня обратно.

— Куда собралась? Следующее упражнение — «изогнувшийся тигр», тоже выполняется на земле.

...а потом было «тигр бьёт лапами по земле», «тигр качает хвостом», «тигр трёт голову», «тигр боится огня»... и наконец — «тигр прыгающий в горах», когда грязные, как прах, адепты наконец поднялись на ноги и начали, словно бесноватые, прыгать во всех направлениях одновременно. Видела бы меня сейчас наша балетмейстер! Но тут вместо неё был невозмутимый Фа Хи, объявивший пятиминутную передышку, после которой велел всем разбиться на пары и выполнять упражнение «Цао Гоцзю снимает сапоги», а сам направился ко мне.

— Физические нагрузки для тебя привычны. Но манера движений отличается от всего, что я видел до сих пор. Покажи мне, что умеешь.

Я с готовностью отряхнула пыль с колен. Хотя бы временная отсрочка от необходимости снимать чьи-то сапоги! Вариация Эсмеральды, одна из последних разученных мною — пожалуй, то, что нужно. Неплохо бы ещё музыку, но я столько репетировала, что, в принципе, справлюсь и так.

— Обычно танцую это на пуантах и с бубном в руках, — на всякий случай пояснила я Фа Хи и стала в позицию.

После первых же пируэтов все взгляды обратились на меня, несмотря на однозначное указание Фа Хи продолжать разувать Цао Гоцзю. А я представила, что нахожусь сейчас не на поляне со смятой травой, а в нашем зале с зеркальными стенами, и на меня смотрят не местные дикари, никогда не видевшие балета, а наша балетмейстер и девчонки,

дожидаящиеся очереди отрепетировать свою вариацию. Музыка действительно не понадобилась — я слышала её в собственном сознании, и уже не замечала ни кустов, ни деревьев, ни Фа Хи, ни адептов. Ещё один пируэт и немного акробатики: двойное сальто вперёд, тройное назад, парочка твистов и наконец заключительная стойка на руках, обе ноги в воздухе, одна вытянута параллельно полу, другая согнута в колене. Выдержав паузу, я перетекла из этого положения в стоячее и театрально поклонилась. Большинство адептов смотрело на меня, как я прошлой ночью смотрела на Вэя — слегка приоткрыв рот. Конечно, ловкостью их не удивишь, но движения и правда сильно отличались от тех, к которым они привыкли. Вэй, поймав мой взгляд, по своему обыкновению подмигнул. Но тут прозвучал спокойный голос Фа Хи:

— Возвращайтесь к упражнению. Ты тоже, Юй Лу.

Тренировка возобновилась. И ещё ни одному звонку в школе я не радовалась так, как обрадовалась сейчас гулким ударам барабана, возвестившим её окончание...

После было «омовение», если можно так назвать стряхивание пыли с одежды и ополаскивание рук и лица в озере неподалёку. А потом — обед. Вэй усомнился, что без его помощи смогу найти мою комнату, где оставила миску, и я, чтобы доказать обратное, отправилась за ней самостоятельно, но всё же заблудилась в лабиринте переходов и попала в комнату далеко не сразу. А дорогу в трапезную вообще нашла только по запаху еды и влетела в зал последней. Почти все уже сидели на местах, только возле «буфета» ещё копошилось несколько адептов, и я поспешила к ним присоединиться. Еда выглядела куда аппетитнее, чем за завтраком. Кроме риса и тушёных овощей — жареная рыба, фрукты и чай. Взявшись за деревянную лопаточку, чтобы положить себе рыбы, я почувствовала лёгкий толчок в бок и с удивлением воззрилась на стоявшего рядом Вэя. Неужели ждал, пока я появлюсь?

— Сядешь со мной, — доверительно шепнул он и, отвечая на мой недоумевающий взгляд, добавил:

— Доем за тебя, если опять оставишь еду в миске.

— Доедать за другими нельзя, — так же шёпотом отозвалась я. — Иначе к тебе перейдут все их болезни и дурные привычки.

И, мысленно покатываясь со смеху из-за его округлившихся глаз, шлёпнула рыбину в миску. Бабушка рассказывала что-то похожее, но я в подобное не верила — просто хотела поддразнить Вэя. И это удалось! Его глаза частично вернулись в орбиты только, когда мы подошли к столу.

— В это верят там, откуда ты... — тихо начал он, но поймав взгляд кого-то за моей спиной, кашлянул и поспешно опустился на одну из подушечек на полу, кивнув мне на подушечку рядом.

Прежде чем последовать приглашению, я обернулась, уже догадываясь, кого увижу. Так и есть — «сверчок», смотревший на нас с явным неодобрением. Очень захотелось выкинуть что-нибудь — позлить мастера, к которому испытывала сильнейшую неприязнь. Но рядом с Пенгфеем стоял Фа Хи, вызвавший моё уважение своим обращением во время беседы... и я молча села на подушечку. Расставив мисочки, пробежала мимолётным взглядом по сотрапезникам. Адепты за этим столом отличались от тех, что сидели рядом со мной за завтраком. Почти все — парни приблизительно возраста Вэя. Прямые осанки, невозмутимые лица, сжатые губы. На меня некоторые поглядывали украдкой, но большинство делали вид, что не замечают. Местная «элита»? Интересно, как они отнеслись к неожиданной причуде приятеля стать «старшим братом» чужеземки с «диковинной» внешностью? Всё-таки

досадно, что за обедом здесь нельзя разговаривать. В самом конце стола я заметила девчушку, подошедшую ко мне после урока. Рассеянно ковыряясь в мисочках, она мечтательно таращилась на Вэя. Подтолкнув «братца» локтем, я скосила глаза на его «поклонницу», и он сверкнул ей приветливой улыбкой, от чего та зарделась, как вишня, тут же уставившись в миску. А Вэй, с самодовольным видом подмигнув мне, сложил вместе ладони — время вознести молитву. Я опять забормотала «Отче наш» — не собираюсь молиться местным богам! — и, закончив молитву, принялась за еду. В этот раз порции я брала сама, и еда была вкусной — в моих мисках не осталось ни крошки. Обед уже подходил к концу и мог бы закончиться без инцидентов — если бы не мастер Пенгфей. Очевидно, наша неприязнь была взаимной, но, в отличие от меня, присутствие Фа Хи его не смущало. Поднявшись со своего места, «сверчок» направился ко мне и демонстративно заглянул в мои миски. Стерпеть подобное было выше моих сил и, не успел мастер Пенгфей отвернуться, я подхватила ближайшую ко мне миску и несколько раз не менее демонстративно её лизнула. А потом невозмутимо подсунула ему — под привычное хрюканье Вэя. Лицо мастера застыло, взгляд стал ледяным.

— Будете наказаны. Оба, — ровно произнёс он и поплыл обратно к своему месту.

Я собиралась было подскочить и возмутиться, но Вэй дёрнул меня обратно на подушечку и погрозил пальцем.

— Да что за... — начала я, но он без церемоний зажал мне рот пятернёй и очень красноречиво качнул головой.

Наверное, поэтому хотел, чтобы села рядом — иметь возможность воздействовать на меня физически! Я возмущённо сбросила его ладонь, но повторять попытку подать голос не стала. Брезгливо вытерла рот и, насупившись, отодвинулась. Наши соседи по столу делали вид, что ничего не произошло, только почитательница моего гэгэ не сводила с «кумира» тревожного взгляда. Удар палки о стол возвестил о конце трапезы, и все послушно поднялись со своих подушечек. Тюрьма строгого режима да и только!

— Вэй, Юй Лу, — послышался голос старика-тьяньши.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — буркнула я сквозь зубы фразу, которую любили цитировать родители.

— Каким бы ни было наказание, это того стоило! — наклонился ко мне Вэй. — Где тебя воспитывали до сих пор?

— В вольере со сто одним щенком-далматинцем, — огрызнулась я и направилась к «судье» и «присяжным» — тьяньши и застывшим рядом с ним мастерам.

[1] *Мей мей* (кит.) — младшая сестра.

[2] *Цунь* — китайский дюйм.

[3] *Гэгэ* (китайск.) — сташий брат.

* * *

— Всё ещё считаешь, что со мной весело, «гэгэ»? — вытерев лицо рукавом, я крепче сжала растрёпанную метлу на длинной деревянной ручке. Орудовавший такой же метлой Вэй поднял на меня глаза и, по своему обыкновению, подмигнул:

— Ещё как весело, мей мей! Сейчас бы выводил завитки и линии на уроке каллиграфии,

которую всегда ненавидел, а вместо этого...

— ...глотаешь пыль на свежем воздухе? Что ж, тогда... — я энергично замахала метлой, и поднятая пыль полетела в сторону Вэя.

Тот закашлялся, но тут же схватился за свою метлу и послал не меньшую «тучу» в моём направлении, заставив закашляться и меня. Возмутившись, я заработала метлой с удвоенной энергией, Вэй не сдавался, и вскоре внутренний двор, который, в качестве наказания, нам было поручено вымести, потонул в клубах пыли, а мы, кашляя и хохоча, продолжали махать мётлами, пока не начали задыхаться.

— Видишь... а ты сомневалась, что будет... весело! — Вэй с трудом перевёл дух.

— Да уж, каллиграфия с этим точно не сравнится! — я вытерла слезившиеся глаза. — Хотя лично я предпочла бы «выводить линии и завитки», а не очищать этот хлев.

— Хлев? — прыснул от смеха Вэй. — Жаль, что тебя не слышит тьяньши! Хотелось бы посмотреть на его лицо, узнай он, как ты называешь святая святых монастыря!

Я недоумённо огляделась. Просторный двор, посередине — странного вида бронзовое сооружение, из которого торчит драконья морда. Выложенная камнями тропинка ведёт от сооружения к неказистой двухэтажной постройке — дракон как будто пытается заглянуть внутрь неё.

— И что здесь святого? — повернулась к Вэю.

— Как что? Храм Нефритового Императора! — он махнул рукой на постройку.

— И кто это? Ваш легендарный правитель?

— Правитель! — фыркнул Вэй. — Августейший Нефритовый Император — выше всех божеств и бессмертных. Его трон — на самом высоком тридцать шестом Небе, откуда он управляет всеми мирами. Он знает обо всех вещах и явлениях во Вселенной. Ему подчиняются небесные полководцы, духи-генералы, божественные чиновники...

— Вы действительно верите, что на небе есть место чиновникам?! — перебила я. — Вот ужас!

— Почему? — растерялся Вэй.

— Потому что им место не на небе, а за решёткой, — так всегда говорил мой папа.

— За решёткой? — ещё больше растерялся Вэй.

— Да, и в аду, — добавила я — так считает бабушка.

— А... что такое ад?

— Место, где мучаются души грешников.

— Как мучаются?

— Ну, подробностей я не знаю. Вроде бы их варят в котлах с кипящим маслом, заставляют лизать раскалённые сковородки...

— Зачем? — округлил глаза Вэй.

— Наказать за грехи в земной жизни.

— Чтобы они не повторяли их в следующей?

— Нет у нас следующих жизней, — дёрнула я плечом.

— Тогда в чём смысл наказания?

— В том, чтобы его избежать. Если знаешь, что тебя ждёт после смерти, не будешь делать особых гадостей при жизни.

Вэй издал звук, похожий на кряканье.

— Что? — хмыкнула я. — Законы людей действуют так же!

Но Вэй с кряканья уже перешёл на привычное хрюканье.

— И наши убеждения ты называешь... как ты тогда сказала?

— Жесть, — по-русски отрезала я.

Вэй тут же попытался повторить незнакомое слово — получилось неплохо, и довольно захихикал.

— По крайней мере, *наши* души не рассеиваются после смерти — и куда только смотрит ваш Нефритовый Император! — фыркнула я.

— Хочешь, сама у него спросишь? Его святилище перед тобой. Но только чистый сердцем может войти в него, не вызвав гнева Всевышнего, — поманив за собой, Вэй направился к сооружению с мордой дракона. — Это — волшебная курильница. Видишь эту дорожку? Нужно, закрыв глаза и вытянув руку вперед, пройти по ней от святилища к дракону и, не открывая глаз, возложить ладонь ему на лоб. Справишься?

— Для чего мне это? — хмыкнула я.

— Чтобы проверить полноту своей добродетели Дэ и войти в храм.

— Кто сказал, что я хочу туда войти?

— Никто, но... — лицо Вэя приняло лукавое выражение. — Может, дело не в отсутствии желанья, а в том, что ты боишься не суметь?

— Ничего я не боюсь!

— Тогда попробуй.

— Хорошо, — я опустила на землю метлу и сложила на груди руки. — После тебя.

Раздавшийся смех слегка ошарашил нас обоих. За смехом последовал голос:

— Не очень-то ты справляешься с обязанностями старшего брата, Вэй!

К курильнице направлялись двое парней — во время обеда они сидели за одним столом с нами. Но от равнодушия, веявшего от них тогда, не осталось и следа — оба с нескрываемым любопытством таращились на меня.

— Думаешь, ты бы справился лучше, Сяо Ци? — отозвался мой гэгэ.

— Не знаю, — пожал плечами тот. — Ты не оставил никому из нас возможности попытаться. А Фа Хи настолько благоволил тебе, что сразу позволил стать её старшим братом.

Другой парень согласно кивнул, но Вэй только махнул рукой.

— На самом деле я оказал вам всем услугу! — и шутливо толкнул меня локтем. — Этот дикарёнок неуправляем!

— Вы... тоже хотели стать моими братьями? — оставив шпильку Вэя без внимания, я во все глаза смотрела на новых знакомых. — Почему?

Парни рассмеялись, как-то странно переглянулись с Вэем и по очереди представились: Сяо Ци и Ичэн — закадычные приятели моего гэгэ, а теперь и мои.

— Очень приятно, — вежливо проговорила я.

— Хотите помочь нам убрать территорию? — махнул метлой Вэй.

Парни расплылись в хитрых улыбках.

— Кажется, ты и твоя мей мей собирались заняться чем-то более интересным, — Ичэн скосил глаза на курильницу. — Когда ты последний раз проверял полноту своей Дэ, Вэй?

— А ты? — парировал тот.

— У Ичэна, в отличие от тебя, нет младшей сестры, которой нужно показать пример, — вставил Сяо Ци.

Похоже, мой «братец» и его приятели собирались перекидываться колкостями до бесконечности, но мне уже стало любопытно: неужели подойти с закрытыми глазами к

дракону настолько трудно? Или с этим связано какое-то поверье, и суеверные болваны попросту боятся? Не говоря ни слова, я двинулась к святилищу — мои препирающиеся «однокашники» заметили это, когда я уже почти подошла к стене.

— Всё-таки решилась? — Вэй тут же ринулся следом и, подбежав, сдёрнул с себя широкий пояс. — Закрывай глаза!

— А это зачем? — кивнула я на пояс.

— Должен же я убедиться, что не будешь подглядывать!

— Больше ничего не придумал?

Он развёл он руками.

— Можешь, конечно, снять свой пояс или верхнюю...

— Ладно, ладно! — раздражённо оборвала его я.

Только раздеться перед ними не хватает! Внимательно осмотрелась, стараясь запомнить положение курильницы, и смежила веки. А Вэй с готовностью обернул пояс вокруг моей головы и легонько шлёпнул по плечу:

— Иди!

И я пошла, вытянув вперёд руки. Шаг, ещё шаг — вроде бы иду по прямой, я ускорила и услышала сдержанное хихиканье Вэя — «братец» следовал за мной тенью.

— Можешь не сопеть над ухом? — проворчала я. — Мешаешь сосредоточиться!

— Наоборот, помогаю! — отозвался он. — Если и дальше будешь так мчаться — налетишь на курильницу!

— Думала, в этом и суть.

— Суть — коснуться ладонью головы дракона, а не снести всё сооружение.

Я раздражённо закатила глаза под поясом, скорее бы его снять! По моим расчётам, до курильницы оставалось шагов десять, не больше. Но вот сделан одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый... а курильницы нет как нет. Я остановилась в нерешительности.

— Уже её прошла?

— Нет, ещё немного, — пронёсся над ухом лукавый шёпот Вэя.

Заподозрив неладное, я всё же устремилась вперёд, уже раздумывая, как отыграюсь, если он задумал какую-то каверзу. Четырнадцатый шаг, пятнадцатый, шестнадцатый... Ну когда уже?

— Вэй?

Тишина. Почувствовав движение в воздухе, я, разозлившись, размахисто шарахнула рукой... и ладонь задела что-то мягкое и тканевое. Одежда Вэя?

— Так и знала, что... — яростно начала я, срывая с глаз его пояс, и замолчала на полуслове.

Рядом стоял Фа Хи с заложенными за спину руками. Вэй и иже с ним, потупившись — чуть поодаль. Курильница осталась позади, я разминулась с ней совсем немного — буквально на расстояние вытянутой руки.

— Мало кому это удаётся с первого раза, — Фа Хи кивнул на курильницу. — Тем более если рядом — желающие развлечься, а не помочь.

Суровый взгляд пробежал по моим «приятелям», ещё ниже склонившим головы.

— Я тоже была не против развлечься, — пожала я плечами. — Иначе бы на это не согласилась.

— Не сомневаюсь. Следуй за мной. Остальные закончат подметать двор. Сяо Ци, Ичэн, поможете Вэю.

Те поклонились, а Вэй, сложив в привычном жесте кисти рук, почтительно обратился к Фа Хи:

— Прости, шифу. У Юй Лу остался мой пояс. Могу я...

— Нет, не можешь, — торжественно заявила я. — В следующий раз подумаешь, прежде чем его снимать!

Приятели «братца» одновременно дёрнулись, видимо, пытаюсь сдержать смех, а Вэй сделал строгое лицо:

— Мне нужен мой пояс, Юй Лу. Это не...

— ...смешно? — подхватила я. — А по-моему, очень. Мой черёд «веселиться», — и повернулась к Фа Хи. — Куда идти?

— Шифу! — протестующе протянул Вэй.

— Ты слышал свою мей мей, — невозмутимо отозвался Фа Хи. — Если отдал пояс, значит, посчитал, что ей он нужнее, — и двинулся к воротам, ведущим из дворика.

А я, мысленно хохоча над ошарашенным Вэем, демонстративно помахала в воздухе поясом, будто это был платочек, и поспешила за Фа Хи. Вдогонку понёсся уже не сдерживаемый смех Сяо Ци и Ичэна.

Фа Хи и я поднялись на небольшую скалистую площадку, со всех сторон окружённую деревьями.

— Интересное место, — я осмотрелась. — Спасибо, что не заставил отдать пояс, и... извини за то, что стукнула тебя возле курильницы. Думала, это Вэй.

— Он и собирался оказаться на моём месте, — остановившись у края площадки, Фа Хи кивнул на её середину. — Покажи ещё движения, каким тебя обучили в твоём мире.

— Хочешь подобрать подходящий для меня стиль рукопашного боя? — с любопытством спросила я.

— Ты должна быть в состоянии защитить себя. А мне нужно увидеть, что ты умеешь, чтобы решить, как лучше тебе помочь.

Я послушно вышла на середину площадки.

— Начни с движений, что показывала на тренировке, — распорядился учитель, и я стала в позицию.

Но в этот раз Фа Хи не был просто зрителем. Едва я вошла в ритм, вскидывая ногу в воздух и ударяя носком в воображаемый бубен, шифу сорвался с места и полоснул меня по щиколоткам невесть откуда взявшейся палкой. Не успев даже вскрикнуть, я подпрыгнула вверх, поджав обе ноги и избежав удара. И, крутанувшись в воздухе, снова опустилась на землю.

— Ты что?! — вопль немного смахивал на визг, но Фа Хи это не смутило.

— Не останавливайся! — коротко бросил он. — Я не причиню тебе вреда.

Новый взмах палкой, я снова подскочила, увернувшись... и вдруг вспомнила вечеринку в честь юбилея друга моего отца, наполовину грузина. Один из его племянников занимался национальными танцами, и под его началом мы — сын и дочь дяди Бадри, двое племянников и я — разучили казбегури[1] и под ритм барабанов исполнили танец для юбиляра. Одно из движений очень напоминало то, что сделал сейчас Фа Хи — подсечку «мечом», от которой я «спасалась», подлетая в воздух, а после пустилась во вращение на коленях под восторженные хлопки гостей. Кто бы мог подумать, что сделаю нечто подобное здесь, в этом забытом всеми богами месте, а зрителем будет доисторический китаец? Но, если на вечеринке моё кружение волчком было встречено с бурным восторгом, Фа Хи

пришёл в явное недоумение, пробившееся даже сквозь его привычную невозмутимость. Резко развернувшись, он снова попытался достать меня палкой, но я, вскочив на ноги, энергично задёрнула руками, как в лезгинке, чем, кажется, окончательно выбила его из колеи. Но уже не желая останавливаться, вспрыгнула на кончики пальцев и продолжила вращение на них, кружась по периметру площадки, подлетая в воздух, как грузинские джигиты, и размахивая воображаемыми мечами. Несколько мгновений Фа Хи наблюдал за мной, а потом отбросил палку и присоединился к танцу. Вращаясь вокруг и делая выпады то рукой, то ногой, он внимательно следил за моей реакцией. Как только я переходила к другим движениям, он тотчас подстраивался, продолжая атаковать, но не касаясь меня и пальцем. И до меня наконец дошло: он просто пытается понять мои движения и подстроить их под кунг-фу. Со стороны зрелище наверняка казалось безумным. Искажённый казбегури с элементами балета, а рядом — восточное единоборство со всеми относящимися к нему кульбитами.

— Довольно! — короткая команда сорвалась с губ Фа Хи, а сам он тут же остановился как вкопанный.

Я неторопливо закончила очередное вращение и театрально поклонилась. Лицо Фа Хи снова было невозмутимым, дыхание — ровным, будто не он только что носился за мной сломя голову.

— Хорошая реакция, неплохая физическая подготовка, способность быстро переключаться, — подвёл он итог. — Но слишком много лишних движений, и от этого страдают скорость и точность. Тебе придётся много тренироваться.

— Совсем не против! — согласилась я. — Готова тренироваться даже вместо лекций о постижении Дао — всё равно никогда не постигну...

— Постигнешь, — прервал мои мечтания Фа Хи. — Если не хочешь погибнуть.

— Конечно, не хочу! Но постижение Дао вряд ли защитит от опасности.

— Защитит. Не только тебя — твой дух, — поддев палку носком ноги, Фа Хи поймал её на лету и направился обратно к монастырским строениям. — Тебе обязательно нужно научиться его скрывать. Здесь, на территории монастыря, действует защита, но её может оказаться недостаточно. Не говоря о том, что рано или поздно ты покинешь эти стены и сможешь полагаться только на защиту, которую наложишь сама.

— Как можно наложить защиту на дух? — торопясь за Фа Хи, я мимоходом потёрла ушибленное колено.

— Этому и учат уроки о Дао. Вэй уже начал объяснять тебе основы?

— Когда? — фыркнула я.

— В самом деле, — согласился Фа Хи. — Он был занят более важной миссией — завязать тебе глаза и заставить с ним столкнуться. Может, я поторопился, позволив ему быть твоим старшим братом.

— Правда, что и другие этого хотели? Сяо Ци и тот...

— Да.

— Но зачем им? — я растерянно развела руками.

— Ты — единственная представительница народа, принёсшего себя в жертву ради спасения этого мира. Назвать тебя младшей сестрой — большая честь.

— Ого! — восхитилась я. — Это, конечно, здорово, но... Никто не подумал, что славяне моего мира могут быть другими? А я могла оказаться...

— ...избалованным дикарёнком? Так и есть. Но, за неимением лучшего, приходится довольствоваться тем, что есть, — Фа Хи остановился возле небольшого водоёма посреди

живописного внутреннего дворика. — А теперь вымой лицо и руки и отправляйся в трапезную — может, наконец, придёшь к началу трапезы, а не к концу. Найдёшь дорогу?

— Найду... наверное, — рассеянно протянула я. — Мне кажется, или ты меня недолюбливаешь?

По аскетическому лицу монаха пробежала улыбка и он бесшумно заскользил прочь. А я поплелась к водоёму, внезапно осознав, насколько измотана — у меня даже не возникло желания вступить в словесную перепалку! Разувшись и закатав штанины, я забралась в водоём, сполоснула руки... немного подумала и, раздевшись совсем, погрузилась в воду до подбородка. «Ванна» в прохладной воде меня немного взбодрила, и к трапезной — снова нашла её по запаху еды — я вышла действительно в числе первых. Быстрый взгляд — ни Вэя, ни его приятелей — может, до сих пор подметают «святая святых» монастыря?

— Юй Лу! — ко мне подскочила Киу. — А где Вэй?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Сядем вместе?

Киу замялась.

— Я... не могу сидеть за столом старших братьев без приглашения. А твоё место рядом с Вэем.

— Вот ещё! — возмутилась я. — Моё место там, где я сама выберу! А кто эти старшие братья?

— С двумя ты уже познакомилась — возле храма Императора, — раздался над ухом насмешливый голос. — А место твоё там, где выберу я, а не ты, мей мей.

Я повернулась к бесшумно подобравшемуся ко мне Вэю и смирла его насмешливым взглядом.

— Нашёл замену поясу?

— Как видишь, — расплылся в улыбке гэгэ. — И не имею ничего против, если оставишь тот у себя. Пусть напоминает обо мне.

— Как будто можно забыть — ты постоянно рядом! — фыркнула я и вошла в трапезную.

Не имея сил спорить, всё-таки села за стол, за который дёрнул Вэй — побороться за право выбора можно и позже. Сидевшие напротив Сяо Ци и Ичэн больше не делали вид, что в упор меня не видят и наперебой замигали и заулыбались. Я тоже ответила приветливой улыбкой и расставила перед собой мисочки. Точно возненавижу рис, пока нахожусь здесь! Что бы только ни отдала за булочку с изюмом, рогалик или бублик...

— Если что, я доем, — едва слышно шепнул мне Вэй. — Твоих болезней не боюсь, а «дурные привычки» интересны!

— Тогда приготовься к лунатизму и пробуждению от собственного храпа, — осадил его я и подтянула к себе первую миску.

Ужин прошёл без инцидентов. «Сверчок» наконец оставил меня в покое, а я, ковыряя рис, даже не поднимала головы от миски. После ужина была очередная «беседа», от которой распрямлялись извилины, а потом — вечернее чтение молитв под руководством «сверчка». Но, если во время беседы я ещё удерживала глаза открытыми, чтение молитв меня сломило. Оно проводилось на берегу озерца, расположенного на территории монастыря. Лишь лёгкий шелест листвы обступавших озерцо деревьев нарушал покой этого очень живописного места. На меня всё это подействовало, как снотворное: не успел мастер Пенгфэй произнести первую строку какого-то хвалебного гимна, я уже уронила голову на грудь. Ещё слышала монотонное бормотание, становившееся всё бессвязнее, тише... и, наконец, тишина окутала меня полностью.

Раздражающий чужеродный звук повторился уже раза три — будто сдувался пробитый мяч. Я недовольно поморщилась, не открывая глаз, но тут что-то щёлкнуло меня по носу и я громко вскрикнув... проснулась. То же озеро, деревья, сгустившиеся сумерки. На меня устремлены неодобрительные взгляды адептов — может, мой вопль разбудил и их? Рядом — Вэй, сотрясающийся от беззвучного смеха. Точно побрею налысо, чтобы больше не смел щёлкать меня по носу! А передо мной, грозно сдвинув брови, возвышается мастер Пенгфей.

— Буду наказана? — предположила я, протерев глаза. — Только завтра, ладно?

— Стань в позу лучника.

— В какую позу?

— Вэй, — скомандовал «сверчок», и мой гэгэ поднялся на ноги, жестом показав, чтобы я сделала то же.

— Всё-таки придушу тебя! — сквозь зубы процедила я.

— Ты начала издавать звуки, будто сломанный пайсяо[2], я *должен* был тебя разбудить, — хихикнул Вэй. — Думал, ты пошутила о том, что храпишь!

— Я не храплю! Просто голова болталась где-то возле пупка — *поэтому* воздух из носа выходил со свистом!

Вэй слегка дёрнулся, видимо, подавляя новый приступ смеха, и предостерегающе скосил глаза на вновь обернувшегося к нам Пенгфея.

Поза лучника оказалась вариацией позы всадника, только упор делался на одну ногу, выставленную вперёд. Остальные возобновили бормотание молитв, а мы с Вэем, поочерёдно меняя «опорные» ноги, упражнялись до конца чтения. А потом наступил долгожданный «отбой», и Вэй заботливо проводил меня до порога моей комнаты.

— Неужели этот жуткий день всё-таки закончился? — вздохнула я.

— Почему жуткий? — удивился Вэй. — Из-за наказаний?

— Кого интересуют наказания? Ваша реальность...

— ...варварская? — подсказал он. — Что ж тогда вполне подходит такому дикарёнку, как ты!

Он шутливо взлохматил мне волосы, я только слабо отмахнулась — даже не было сил отстраниться.

— Отдохни, дикарёнок, — Вэй уже отвернулся, собираясь уходить, но я вдруг вспомнила:

— Ты обещал сказать, что означает «Юй Лу»!

— Обещал — если будешь меня слушаться, а ты...

— Не скажешь — не буду на него отзываться! — отрезала я.

Вэй вскинул брови и погрозил пальцем. Я демонстративно сложила на груди руки, и он рассмеялся:

— Ладно, скажу. Это значит «капля росы»...

— То есть, «росинка»? Ещё бы назвал «песчинка» или... «пылинка»! И на это я отзывалась весь день?!

— Ну и вздорная ты, — покачал он головой. — И продолжаешь перебивать старших. От этого нужно отучиться. «Юй Лу» означает «капля росы, похожая на жемчужину». Это из-за твоих глаз. Но, если больше нравится «росинка», буду называть тебя так!

— Нет, не вздумай... — угрожающе начала я.

Но гэгэ уже щёлкнул меня по лбу и нырнул во тьму коридора.

— Увидимся на рассвете, росинка!

Приглушённое хрюканье и — тишина. А я, раздражённо выдохнув, вошла в свой «пенал» и без сил повалилась на матрац.

[1] ***Казбегури*** — грузинский мужской танец.

[2] ***Пайсяо*** — древний музыкальный духовой инструмент.

— Вишенка! Где ты, солнышко?

Я хорошо спряталась! Мама прошла мимо уже раза три, но меня не увидела.

— Оставь её, — голос отца. — Когда проголодается, сама выйдет.

Однажды он провёл меня так — сделал вид, что ушёл, а на самом деле ждал за дверью. Во второй раз я на эту хитрость не поведусь! Тут где-то поблизости начинает звонить колокол, родители тревожно оборачиваются и смотрят прямо на меня, не видя. Отбросив игру, я поднимаюсь из своего укрытия, машу им рукой, но они всё равно меня не видят.

— Пап, ма... — начинаю я, но что-то встряхивает меня за плечи, и я слышу требовательное:

— Просыпайся, соня! Хотя бы раз встала самостоятельно!

Я подскочила, растерянно уставившись на присевшего рядом Вэя.

— Поднимайся! — скомандовал он. — Не заставляй снова тащить тебя в комнату для омовений.

— Не хочу я ни в какую комнату! — снова рухнув на матрац, я накрылась покрывалом. — Хочу спать! Надоела ваша дикая...

Но гэгэ уже привычно ухватил меня поперёк туловища. Я попыталась вырваться, но на Вэя это подействовало не больше, чем прошлым утром и утром до того. Подхватив в охапку, он выволок меня за порог.

Раннее пробуждение всегда было для меня пыткой, но вставать до восхода солнца — новый уровень зверства! По звонку местного «будильника» — колокола, всем надлежало немедленно покинуть постели и отправиться в комнату для омовений. С ночи моего водворения в монастыре прошло почти две недели, а я так и не свыклась с этим варварским распорядком.

— Пойдёшь сама? — Вэй всё-таки протащил меня несколько шагов по переходу. — Или нести дальше?

Вокруг уже сновали другие адепты, и я взяла себя в руки.

— Сама!

Повторять шоу первого утра, когда мой гэгэ приволок меня в комнату для омовений и прямо в одежде «уронил» в купальню с ледяной водой, не хотелось. Но, думаю, присутствовавшие при этом не забудут сцену долго. Я визжала так, будто в меня вселились все злые духи даосского пантеона, и в комнату сбежала половина монастыря. Потом мне было стыдно, особенно перед Вэем — вырываясь, я укусила его за руку, тогда-то, оторопев, он и скинул меня в воду. Искренне повинившись, я пообещала, что впредь буду вставать по первому требованию, но нарушила обещание на следующее же утро. В сон тянуло ужасно, а являвшегося по мою душу Вэя на самом деле хотелось придушить. Тем более что мне постоянно снились родители, и каждый раз Вэй будил меня прежде, чем я успевала с ними заговорить...

— Интересно, сколько будешь спать, если дать тебе волю? — он легко шлёпнул меня по затылку.

Я попыталась стукнуть его, но «братец», конечно, увернулся.

— Помнишь, что я говорил? Тебе придётся ОЧЕНЬ долго тренироваться, чтобы сделать со мной то же! — и, рассмеявшись, унёсся прочь.

Я побежала следом, и в комнату для омовений мы влетели одновременно.

Вообще, тренировалась я много и фанатично. Фа Хи в самом деле начал отрабатывать со мной совершенно необыкновенный стиль — взрывную смесь из моих балетных движений и техник кунг-фу. Я старалась изо всех сил, и, хотя отношение Фа Хи ко мне оставалось таким же отстранённым, иногда казалось, он готов меня похвалить. Правда, слова одобрения так ни разу и не сорвались с его губ, но меня это особо и не заботило. Физические упражнения доставляли истинное удовольствие — в отличие от духовной галиматии, которой истязали мой мозг в промежутках между тренировками.

Чтобы не подставлять Вэя, я до отказа напичкала голову «основами Дао», которые он должен был мне преподать. И, хотя смысл «основ» так и остался за пределами моего понимания, привычка зубрить не подвела — я с честью выдержала обещанный Фа Хи «экзамен», ответив правильно на все заданные им вопросы. Но это ничуть не приблизило меня ни к способности общаться телепатически, ни к умению управлять разумом животных. Фа Хи хмурился, качал головой, пытался донести до меня важность даосского учения, но я продолжала считать его бредом, мысленно отключалась на беседах и неизменно засыпала на медитациях...

— Эй, росинка, поторопись! — Вэй дёрнул меня за рукав. — Хватит елозить по лицу, оно и так бледнее лунного света!

— По сравнению с чьим? — ехидно отозвалась я и плеснула на него водой.

— Ну подожди, маленькая дикарка... — угрожающе начал Вэй, но я уже со смехом выскочила из комнаты, чуть не сбив с ног оказавшуюся на пути Жу, почитательницу моего гэгэ, тенью следовавшую за ним повсюду.

Вэй был не единственным кумиром местных девчонок. Все «старшие» — те самые парни с прямыми осанками и невозмутимыми лицами, за столом с которыми мне «посчастливилось» сидеть, пользовались здесь большой популярностью. Чем, кроме возраста, была вызвана популярность некоторых из них, оставалось для меня загадкой. Но Киу тайно сохла по Ичэну, а Сонг — по Лиангу, тощему молчаливому парню, всегда державшемуся особняком. Общавшиеся со мной «старшие» переняли покровительственную манеру Вэя и поначалу озабоченно заглядывали в миски, проверяя, всё ли я съела. Моя борьба за право выбора, с кем сидеть за одним столом, закончилась бесславно. Вэй заявил, что отказ сидеть с ним рядом приравнивается к отказу принять его, как старшего брата, и в результате мне могут дать другого — или, может, этого я и добиваюсь? Я решила, что не хочу другого старшего брата, и с тех пор безропотно садилась возле сияющего, как новая монетка, Вэя на всех общественных «мероприятиях». А Киу рассказала по секрету: Сяо Ци до сих пор не смирился, что не он стал моим гэгэ. По его мнению, Вэй слишком мне потакает и тем самым вредит моему духовному развитию. «Братец» расхохотался, когда, желая подразнить, я передала ему эти слова, и лукаво сощурил глаза:

— Ты ведь хотела сидеть с Киу?

— Хотела. И что?

— Увидишь, — загадочно улыбнулся он. — Только подыграй мне!

В тот же день он завёл разговор со «старшими», чтобы Киу за трапезами отныне сидела с нами. Те отнеслись к идее без энтузиазма, особенно Сяо Ци, не видевший в этом смысла. Тогда Вэй со вздохом покачал головой: что ж, ничего не поделаешь, придётся разочаровать меня, занесённую в эту чужую реальность и так сдружившуюся с Киу. Я тоже горестно вздохнула, подыгрывая, и не поверила ушам, когда Сяо Ци тут же горячо заверил, что на

самом деле не имеет ничего против присутствия Киу. А потом, повернувшись ко мне, сочувственно проговорил, что понимает, как мне тяжело, и готов сделать всё, чтобы я не чувствовала себя одиноко. Я вежливо поблагодарила его, одним глазом наблюдая за давившимся от смеха Вэем — не знаю, как не расхохоталась сама. А позже, оставшись без свидетелей, мы с гэгэ наконец дали волю смеху.

— И он ещё говорит, я потакаю тебе! — с трудом перевёл дух Вэй. — Кстати, общаться с кем-то, кроме старшего брата, можно только с согласия старшего брата!

— Кто это придумал? — фыркнула я.

— Я только что, — расплылся в улыбке Вэй. — Если Сяо Ци попытается заговорить с тобой в моё отсутствие, немедленно сообщи мне.

— В твоё отсутствие? Имеешь в виду, когда сплю? Ведь всё остальное время ты *присутствуешь*.

— Потому что тебя нельзя оставлять без присмотра! — Вэй попытался щёлкнуть меня по носу, но я увернулась и погрозила ему пальчиком:

— Ещё несколько тренировок с Фа Хи — и по носу будешь получать ты!

— Скорее солнце взойдёт на западе!

— Тогда же и перестанешь таскаться за мной по пятам? — съехидничала я.

Вэй действительно всегда маячил поблизости. Исключением были только мои тренировки с Фа Хи и таинственные «уроки», которые «старшие братья» получали отдельно ото всех в строении, удалённом от основной территории монастыря. Вэй будто воды в рот набирал, всякий раз, когда я его об этом спрашивала, и только смотрел на меня чуть затуманенными глазами, будто накурился дури. Неужели здесь такое действительно практикуют? Хотя... это бы объяснило существование некоторых ритуалов, которые можно придумать только под кайфом. Например, ежеутреннее «глотание солнца». Впервые услышав это абсурдное название от Вэя, решила, что тот шутит. Но, вскарабкавшись по узкой горной тропинке к открытой всем ветрам площадке, заподозрила неладное. Мастер Шуи — тощее, похожее на богомола создание гораздо моложе остальных учителей, раздал всем по листку зелёной бумаги, на котором киноварью был выведен квадрат с иероглифом, обозначающим «солнце». На этом иероглифе следовало сосредоточиться, а потом сглотнуть его образ, после чего нужно было девять раз постучать зубами, «удерживая образ солнца в сердце». Выслушав с приоткрытым ртом инструкцию, я мельком глянула на адептов. Они старательно сглатывали, а потом не менее старательно стучали зубами — довольно странное зрелище в лучах восходящего солнца. Вэй насмешливо ткнул меня локтем и кивнул на листок:

— Не можешь проглотить?

Я оттолкнула его руку, поднесла листок к лицу... и надсадно закашлялась, заглушив доносившийся отовсюду стук зубов. Мастер-богомол тут же оказался рядом.

— Что случилось?

— Ничего... — я вытерла со лба воображаемый пот. — Кажется, подавилась солнцем.

Вэй по своему обыкновению хрюкнул и отвернулся, скрывая улыбку, но на лице мастера не дрогнул ни один мускул. Отцепив глиняную бутылочку, болтавшуюся у него на поясе, он протянул её мне.

— С первого раза солнце проглотить трудно. Но, если запьешь, будет легче.

Я чуть не закашлялась по-настоящему — неужели этот тщедушный мастер, к которому я отнеслась с таким пренебрежением, способен шутить, как обычный человек? Что ж... Взяв

бутылочку, отхлебнула глоток и поморщилась — содержимое оказалось горьковатым.

— Что это?

— Вода с лечебными травами. Чтобы предотвратить возможное несварение.

Я так и прыснула от смеха и, вернув бутылочку, возразила:

— Солнце ведь нужно удерживать в сердце, а не в желудке. Так откуда несварение?

— Попади оно сразу в сердце, ты бы им не подавилась, — невозмутимо ответил учитель и подняв голову, распорядился:

— Продолжайте.

Все снова застучали зубами, а я, пытаясь сдержать душивший меня смех, пробормотала:

— Твоим голосом будто Фа Хи говорит.

— Так и есть, — улыбнулся он. — Мастер Фа Хи предупредил о тебе и посоветовал, как себя вести. И оказался прав.

С того утра мастер Шуи стал моим любимым шифу после Фа Хи, и, внутренне содрогаясь от смеха, я раз за разом усердно стучала зубами вместе с остальными...

— Догнал! — Вэй налетел сзади — очевидно, путавшаяся под ногами Жу задержала его в комнате для омовений ненадолго. — Далеко собралась?

— Вэй! Юй Лу! — с расстояния нескольких шагов нам махала Киу.

Махнув ей в ответ, я покосилась на Вэя.

— Сегодня её первая трапеза в компании твоих приятелей. Как думаешь, Ичэн этому обрадуется?

— Почему он должен этому радоваться? — удивился Вэй.

Я только закатила глаза.

— А понимаю, — улыбнулся он и пожал плечами. — Не знаю, увидим! Кстати, этой ночью луна будет полной. Хочешь покажу что-то незабываемое?

— Конечно! — оживилась я.

— Только вот... — Вэй хитро посмотрел на меня. — Спать придётся меньше обычного, а тебя и так разбудить невозможно.

— Завтра встану сразу! — искренне пообещала я.

Мой гэгэ с сомнением прищурился.

— Честно, — заверила я. — Или не видеть мне полной луны до следующего полнолуния!

Вэй рассмеялся, легко толкнул меня плечом и понёсся по направлению к подъёму на площадку, где нам предстояло глотать солнце.

День проходил как обычно. Сказал бы мне кто недели две назад, *что* я буду понимать под «обычно», точно решила бы, говорящий не в себе. А теперь... Трапезы, тренировки и беседы о пути Дао, чередующиеся с уроками каллиграфии, уже стали рутиной. Я надеялась, «сближение» Киу с объектом её интереса хотя бы как-то разнообразит день, но ничего подобного не произошло. Оба сидели, как куклы, и даже не смотрели друг на друга. Сплошное разочарование! Но ещё оставалась ночь и обещанное Вэем «что-то незабываемое», и я набралась терпения.

* * *

— Эй, Юй Лу! Росинка...

Я протёрла глаза и приподнялась с матраца — всё-таки задремала, хотя собиралась бодрствовать до прихода Вэя.

— Ну и соня, — покачал он головой. — Идём?

Я шустро поднялась с матраца, и Вэй всплеснул руками.

— Куда подевалась моя мей мей, которую невозможно поднять с постели?!

— Смотря ради чего поднимаешь. Так и будешь сопеть рядом?

— Несносное же ты созданье! — вздохнул он и, поманив за собой, выскользнул в коридор.

Переход, потом лестница, снова переход и ещё одна лестница — Вэй держал меня за руку, чтобы не отставала, а я восхищалась лёгкости, с какой он находил дорогу в темноте.

— Почти на месте, росинка!

— Может, хватит называть меня так? Называй уж Юй Лу — «жемчужина» всё же лучше, чем «капля росы»...

— «Капля росы, как жемчужина», — уточнил Вэй. — На целую жемчужину ты пока не тянешь — слишком щуплая.

— Ну и грубиян! — обиделась я. — Мог бы сказать «тонкая», а ты... — и не закончила фразу.

Мы вышли на плоскую крышу одной из башенок, и Вэй подвёл меня к самому краю. Внизу раскинулось озерцо — то самое, на берегу которого мы читали молитвы. Сейчас оно выглядело... незабываемо! Свет полной луны удивительного голубоватого оттенка отражался от его глади, и струился вверх, распространяя вокруг мерцающее сияние. Казалось, над нами зависла инопланетная тарелка, и озеро — волшебный мираж, порождённый вырывающимся из неё лучом. Вэй бросил вниз камешек, и по мерцающей глади пошли серебристые круги, а я восторженно ахнула:

— Это так...

— ...незабываемо? — самодовольно подсказал Вэй и кивнул вниз. — Хочешь искупаться?

— Да! — выпалила я.

Вэй рассмеялся.

— Я пошутил!

— А я — нет!

Самодовольство на лице моего гэгэ сменилось растерянностью.

— В самом деле хочешь прыгнуть?

— А ты боишься?

— За тебя.

— Я «выпала» из моей реальности в вашу. По сравнению с этим, прыжок в озеро — просто ерунда! Ты со мной?

В глазах «братца» уже мелькнул озорной огонёк.

— Как же иначе, росинка?

Почти одновременно мы вскарабкались на низкий парапет и, держась за полуразрушенные каменные зубцы, посмотрели друг на друга.

— На счёт три? — предложила я.

Вэй протянул мне раскрытую ладонь, и я вложила в неё свою.

— Кричать нельзя, — предупредил он.

— Лично я и не собираюсь!

И мы прыгнули в голубоватое сияние. Прыжок длился доли секунды — я чувствовала, как Вэй стиснул мою ладонь, но вода нас разъединила. С судорожным выдохом я ухнула в ледяную бездну и беспорядочно забарахталась в ней, стремясь вернуться к поверхности. Это удалось, и я с плеском вырвалась из водной глубины, а рядом точас показалась голова хохочущего Вэя.

— Всё-таки ты сумасшедшая! — задыхаясь, выпалил он. — Не думал, что и правда это сделаешь!

— Сам ведь предложил! И это — действительно незабываемо!

— Как будто с тобой может быть по-другому! — положив ладонь на мою голову, он шутливо окунул меня в воду.

Сбросив его ладонь, я возмущённо брызнула на него водой, но Вэй вдруг застыл, будто прислушиваясь, а потом резко повернул к берегу.

— Нужно уходить, Юй Лу, немедленно! Не отставай!

В голосе — откровенная тревога, и я поспешила за ним. Достигнув берега первым, Вэй буквально выдернул меня из воды и, подхватив в охапку, бегом понёсся к монастырю.

— Вэй, я могу идти...

— Тш-ш, не издавай ни звука! — шёпотом приказал он.

Я замолчала, вцепившись в его руку, намертво обхватившую моё тело. Что же случилось? Может, прыгать с башни нельзя, и нас заметили? Хотя, подумаешь, очередное наказание! Из-за подобной ерунды Вэй точно не стал бы переживать, а сейчас он очень обеспокоен. И, оказалось, не только он...

Монастырь, спящий, когда мы отправлялись в наше «незабываемое» приключение, теперь был словно растревоженный улей. Навстречу нам выскочил Лианг.

— Вэй, Юй Лу! Хвала Всемогущему Императору, вы невредимы! Все собираются у главных ворот! Вас обоих ждёт тьяньши!

Кивнув, Вэй ускорил шаг. Я неуверенно покосилась на его сосредоточенное лицо и спросила:

— Для чего все собираются?

Он только крепче прижал меня к себе и коротко бросил:

— Увидишь.

Мне захотелось его стукнуть. Явно надвигается опасность — и не маленькая, судя по тому, что крайне немногословный Лианг выдал целых три связных предложения! А мой гэгэ не посчитал нужным хотя бы что-то объяснить! Раздражённая, я уже собралась брыкнуться, чтобы высвободиться из его хватки, но Вэй вдруг замедлил шаг, сам выпустил меня и почтительно поклонился, сложив перед собой кисти рук.

— Тьяньши! Прости, если...

— Сейчас не время, — оборвал его старик. — Оставайся со своей младшей сестрой и не отходи от неё. Они уже здесь.

— Кто?! — выпалила я.

— Оставайтесь здесь, — повторил старик и двинулся к главным воротам, возвышавшимся в нескольких метрах от нас.

Почему-то они были распахнуты настежь, хотя их всегда запирали на ночь. Перед воротами, словно караул, выстроились мастера, вокруг нас с Вэем — ряды адептов... Что же в конце концов происходит?

— Тьяньши! — выпалила я вслед старику, но он даже не замедлил шага, а рядом со мной

послышался спокойный голос Фа Хи:

— Узнаешь всё, когда опасность минует. А пока оставайся на месте, как тебе велели.

— Ты тоже будешь здесь? — уточнила я.

— Да. И не только я.

К нам уже подошли Сяо Ци, Ичэн, Лианг и ещё несколько «старших». Сяо Ци осуждающе посмотрел на Вэя, но тот только усмехнулся и, стиснув мою ладонь, шепнул:

— Не бойся, мей мей, я буду рядом.

— Может, *не* будь тебя рядом, твоей мей мей и не пришлось бы сейчас бояться, — строго проговорил Фа Хи.

Вэй опустил голову, а я презрительно фыркнула:

— Кто сказал, что я бою... — и замолчала.

Из тьмы за распахнутыми воротами донеслись приглушённое рычание, жутковатый вой, треск ломаемых веток. По знаку тьяньши, все опустили на землю и приняли позу медитации. Вэй тотчас дёрнул вниз и меня.

— Теперь не двигайся и не производи ни звука, — тихо распорядился Фа Хи. — Малейшее движение разрушит силу защитных чар и погубит всех, — и смежил веки.

Вэй ободряюще подмигнул мне и тоже закрыл глаза, а я растерянно огляделась. Неподвижные фигуры, замершие, словно терракотовая армия: адепты — рядами, учителя и тьяньши — полукругом перед воротами, Фа Хи и «старшие» — кольцом вокруг нас с Вэем. Рычание приближалось, и от «живых статуй» начало исходить едва заметное свечение. Вытаращив глаза, я смотрела, как оно поднимается вверх подобно дымке, куполом накрывает монастырские строения и ворота. Это и есть защита, о которой говорил Фа Хи? И тут я внутренне дёрнулась от неожиданной мысли: я же не закрыла глаза! Ни «малейшего движения» — значит, и моргать нельзя, не говоря о том, чтобы закрыть их сейчас! Рычание совсем близко, темнота за стенами монастыря будто ожила... и я подумала, что опасность моргнуть мне, пожалуй, не грозит. Существа, появившиеся в просвете ворот, походили на людей только умением передвигаться на двух ногах. В остальном это были монстры. Оскал острых зубов, длинные когти на руках, отталкивающие лица, испещрённые татуировками, оранжевые сполохи глаз. Вооружённые странным оружием с чёрными лезвиями, некоторые — «пешие», некоторые — верхом на козлорогих волках вроде тех, что напали на меня в первую ночь в этой реальности. Остановившись перед воротами, существа начали принюхиваться и облизываться, как животные. Я затаила дыхание, ожидая атаки. Но твари медлили, продолжая нюхать воздух, и я вдруг поняла: они *не видят* ни ворот, ни учителей, ни адептов. Светящаяся дымка не просто защищает, она скрывает монастырь и всех в нём от их глаз. Кстати о глазах... мои начали слезиться — я едва удерживалась, чтобы не моргнуть. Чудовища продолжали кружить перед воротами, отходили и возвращались вновь, отрывисто перекрикивались гортанными звуками, рычали и скалили зубы. Но я уже почти не обращала на них внимания, сосредоточив все усилия на одном: не моргнуть. Это было пыткой — глаза уже жгло, а твари всё ходили и ходили вокруг... И вдруг пронзительный визг прорезал ночной воздух — не знаю, как удержалась, чтобы не вздрогнуть — а монстры развернулись и, рыча, понеслись прочь. Всё дальше и дальше треск веток... и я-таки вздрогнула, почувствовав лёгкое прикосновение к плечу.

— Юй Лу, — тихий голос Вэя.

Остальные тоже зашевелились и начали подниматься на ноги. А я бешено моргала не в состоянии остановиться. Приобняв за плечи, Вэй попытался заглянуть мне в глаза, но увидев

моё лицо, развернул к себе полностью и ласково зашептал:

— Росинка... Испугалась? Они бы не причинили тебе вреда, никто из нас бы этого не...

Фыркнув, я сбросила его руки и вытерла слезившиеся глаза.

— Я не испугалась! Просто наконец-то могу моргать...

Вэй оторопел.

— Моргать?..

— Да, — поднявшись, я искоса глянула на стоявшего рядом Фа Хи. — Ты сказал: "ни малейшего движения", а я не закрыла глаза, как все... и потом не моргала, чтобы не нарушить защиту, глаза начали слезиться... — смахнула остатки слёз... и с трудом удержалась, чтобы не стукнуть зашедшегося в хохоте Вэя.

— Ты не... моргала всё это... время? — с трудом выдохнул он.

— Видела их? — вмешался Сяо Ци. — И совсем не испугалась?

— Честно говоря, мне было не до того. Если бы моргнула...

— ...ничего бы не произошло! — продолжая смеяться, Вэй потрепал меня по волосам.

Я раздражённо оттолкнула его руку и повернулась к Фа Хи:

— Ты же сказал...

— ...что нельзя двигаться, — невозмутимо проговорил он. — О моргании я не говорил ничего. Но твоя выдержка достойна похвалы. А у тебя сейчас пройдёт желание смеяться, — обратился он к Вэю.

Мой «братец» тотчас будто подавился смехом и виновато кашлянул.

— Почему? — не поняла я.

Адепты расходились, словно ничего не произошло, а к нам неспешно двигался тынянши в компании остальных учителей. При виде них Вэй помрачнел ещё больше.

— Что?.. — начала я, но Фа Хи махнул рукой, чтобы я замолчала, и поклонился приближающейся группе.

Мы с Вэем поспешили последовать примеру. Когда я снова подняла глаза, передо мной стояли только тынянши, Пенгфей и Фа Хи, а рядом, словно телохранители, — Вэй и Сяо Ци со склонёнными головами.

— Расскажи, что произошло, Вэй, — строго проговорил тынянши, и мой гэгэ «отмер».

Не отрывая от земли глаз, он признался, что, желая показать полную луну, отвёл меня к озеру, а потом мы прыгнули в воду с башни, и он почувствовал приближение Тёмных...

— Тёмных? — перебила я. — В смысле богов? Это были боги?!

— Храни молчание, — обжёг меня ледяным взглядом тынянши. — Тебе позволят говорить, если в этом будет необходимость. Продолжай, Вэй.

Тот тихо вздохнул и закончил рассказ тем, как мы вернулись на территорию монастыря, добавив, что неосмотрительно подверг меня опасности и признаёт свою вину.

— При чём здесь ты? — снова не выдержала я и удостоилась ещё одного ледяного взгляда.

— Не надо, Юй Лу, — тихо проговорил Вэй. — Я действительно виноват.

— Но в чём?

— В том, что, зная о происках Тёмных Сил и твоём неумении скрывать свой дух, пренебрёг всеми предосторожностями и вывел тебя за пределы стен ночью, — жёстко проговорил тынянши. — Он вовлёк тебя в забаву, взбудоражившую твой дух настолько, что сила его прорвалась сквозь наложенную на монастырь защиту и привлекла сюда посланцев Тёмного Народа. Из-за легкомыслия он подверг опасности не только тебя, вверенную его

попечению, но и остальных. Тёмные превратили бы монастырь в груды камней, не пощадив никого внутри этих стен.

Я молчала, приоткрыв рот. Эти твари приходили за *мною*?! Вэй покорно склонил голову — ещё ни разу не видела его таким серьёзным.

— Я виноват, тьяньши, и готов понести любое наказание.

— Не сомневайся, оно будет суровым, — холодно произнёс старик. — Кроме того, ты показал себя недостойным защитником своей младшей сестры и отныне лишаешься права быть её старшим братом. Сяо Ци, — тот слегка приосанился, — теперь эта почётная обязанность переходит к те...

— Миинуточку! А моё мнение никого не интересует? — от возмущения я мигом забыла обо всех принятых здесь правилах поведения.

Присутствующие явно опешили от такой дерзости — я перебила не просто старшего, а *тьяньши*. «Сверчок» собирался меня осадить, уже приоткрыл рот, но я подбоченилась и выдала:

— Я не щенок, которого можно передавать из рук в руки, как вздумается! Мой старший брат — Вэй, и так будет, пока я не покину это ваше святилище... или пока он сам от меня не откажется!

— Никогда этого не сделаю, — прошептал Вэй.

Тьяньши махнул рукой, заставив замолчать снова собиравшегося вмешаться Пенгфей, и тем же ледяным тоном проговорил:

— Я долго мирился с твоей несдержанностью и непочтением, но всему есть предел. Начинаю сомневаться, что за данный мною срок ты способна измениться. Сегодня я всё же не отступлю от своего слова, и ты не будешь наказана. Но подчинишься. Твоим старшим братом будет Сяо Ци. А теперь отправляйтесь в свои комнаты.

— Нет! — возражение прозвучало даже более категорично, чем я хотела. — Моим старшим братом останется Вэй и другого я не приму — без обид, Сяо Ци. Если не оставите его, значит, не будет никакого. Продолжите настаивать на Сяо Ци или ком-то ещё, нашествие этих существ покажется игрой по сравнению с тем, что буду устраивать я. И можете не пугать наказаниями — я их не боюсь. И на каждое отвечу по-своему!

— Ты смеешь угрожать тем, кто старше и мудрее тебя? — пошипел Пенгфей, но тут же замолчал, повинувшись новому движению руки тьяньши.

— Старше — да, мудрее... — я повертела в воздухе ладонью. — Мудрые бы не навязывали мне старшего брата насильно — извини, Сяо Ци.

Тот только качнул головой, хотел что-то сказать, но его опередил Вэй:

— Прости Юй Лу, тьяньши. И позволь мне исправить ошибку и доказать, что я всё же достоин считаться её защитником. То, что произошло сегодня, не повторится. Я даю в этом слово и за себя, и за мою мей мей.

— Выслушай и меня, тьяньши, — поклонился Сяо Ци. — Я ошибался, считая, что достоин быть старшим братом Юй Лу больше, чем брат Вэй. За короткое время он сумел добиться того, чего я, после всего сказанного сегодня, и не надеюсь достичь: её доверия. Прошу освободить меня от обязанности считаться её старшим братом. Но почту за честь защищать и поддерживать их обоих — если позволишь.

В устремлённом на него взгляде Вэй мелькнула благодарность, но мастер Пенгфей свёл на нет всю трогательность момента:

— Тьяньши, это неслыханно... — начал он, но старик снова его оборвал:

— Довольно. Я принял решение и оно — окончательно, — строгий взгляд обратился к Вэю. — Твоя провинность велика, но я готов позволить тебе загладить её при одном условии, — взгляд на меня. — Ты должна изменить своё поведение. Если хочешь, чтобы Вэй оставался твоим братом, больше ни разу не перебежишь старшего, ни разу не заговоришь без разрешения, не заснёшь на медитации и перестанешь считать себя выше остальных. До сих пор ты делала вид, что принимаешь наши правила. С этого момента ты должна действительно принять их. При первом же нарушении Вэю будет запрещено к тебе приближаться, твоим наставником станет мастер Пенгфей, и наказания будут проводиться со всей суровостью. Я хочу, чтобы ты поняла: на любую угрозу найдётся ответная угроза. Но истинная мудрость: уступить, когда противостояние бессмысленно. Сейчас уступаю я в надежде, что в следующий раз мудро поступишь ты, — и, не добавив ни слова, двинулся прочь.

За ним потянулись негодующий «сверчок» и так и не проронивший ни звука Фа Хи — хорош наставник! Вэй и Сяо Ци поспешно поклонились и выпрямились только, когда я насмешливо хмыкнула:

— Они уже ушли. Так и будете стоять всю ночь?

Вэй тут же повернулся к Сяо Ци.

— Спасибо, брат. Я у тебя в долгу.

— Судя по тому, что здесь произошло, — Сяо Ци скосил лукавый взгляд на меня, — это я у тебя в долгу. Боюсь и представить, что твоя мей мей сделала бы со мной, стань я её старшим братом. Кажется, она действительно неуправляема — никем, кроме тебя.

— Думаю, я просто пытаюсь управлять ею меньше, чем остальные, и она меня терпит, — Вэй сделал вид, что хочет щёлкнуть меня по носу, и рассмеялся, когда я отдёргнулась.

— Доброй ночи вам обоим, — пожелал Сяо Ци.

— Прости, что не приняла тебя в качестве гэгэ, и говорила... то, что говорила, — неуверенно улыбнулась я.

— Ты же всё время извинялась, так что это не оскорбление, — махнул тот рукой и, развернувшись, побежал к монастырским строениям.

А я, покосившись на Вэя, смахнула со лба воображаемый пот.

— Фух, ну и ночка! Утром же позволят поспать подольше?

— Вряд ли, — Вэй тоже двинулся в направлении монастыря. — И, если помнишь, ты обещала встать сразу.

— Обещала, обещала, — проворчала я и, глянув на запертые ворота, поспешила вслед за ним. — А зачем открывали ворота, когда ждали этих тварей?

— Для создания идеальной защиты энергия должна струиться беспрепятственно. Заперев ворота, мы бы заперли и энергию в этих стенах.

— И как действовала защита? Пусть твари не видели ворот, но почему они перед ними остановились?

— Потому что, вместо ворот, видели скалу.

— Ловко, — пробормотала я. — Так эти твари... действительно приходили за мной?

— Да.

— Почему? Для чего они меня ищут?

— Думаю, лучше этого не знать.

Обычно болтливый, как трещётка, сейчас гэгэ словно считал свои слова. Лицо его было

довольным, по губам то и дело пробегала улыбка, и я не выдержала:

— Так и будешь отделяться односложными ответами? И перестань, наконец, так глупо улыбаться!

— А как мне тогда улыбаться, мей мей? — уголки его губ снова дёрнулись вверх, в глазах появилось лукавое выражение.

— Это из-за того, что я заступилась за тебя?

— Заступилась? — он рассмеялся. — Ты грозила тьяньши всеми карами, если он не позволит мне остаться твоим старшим братом! Вот уж не думал, что ты настолько ко мне привязана, дикарёнок! — он толкнул меня плечом.

Я тут же попыталась шарахнуть его, но, конечно, промахнулась и с издёвкой фыркнула:

— Должен же был кто-то набраться смелости и высказать возражение вслух, а не молча стоять рядом, уткнувшись взглядом в землю!

Думала, его задеть, но Вэй только улыбнулся шире, на лице — то же счастливое выражение.

— И не смотри на меня с таким самодовольным видом! — взорвалась я.

— Хочешь, расскажу легенду, как возникло чжунго ушу? — вдруг спросил он.

На мгновение я растерялась от такой резкой смены темы, но тут же нахмурилась и буркнула:

— Нет!

— Напрасно. Услышав её, может, больше не пыталась бы меня ударить.

— Когда-нибудь не промахнусь! — огрызнулась я и, ускорив шаг, влетела в строение, где располагались комнаты адептов. — И можешь не провожать, сама найду дорогу!

— Росинка!

Вэй тоже ускорился и догнал меня на пороге моей комнаты, лицо его стало серьёзным.

— Если ты не слышала, не значит, что я молчал, «уткнувшись взглядом в землю». Я мысленно молил тьяньши не забирать тебя из-под моей опеки, пока он не закрыл для меня своё сознание. Но мои просьбы конечно бы ничего не дали, если б не... Не ожидал, что ты... — словно растеряв все слова, он вдруг обнял меня и прижал к груди. — Спасибо, росинка.

Я настолько растерялась, что даже не подумала обнять его, и только хлопнула глазами, когда Вэй, отодвинувшись, легко коснулся моего носа кончиком указательного пальца.

— Это вместо щелчка — тебе же не нравится, когда я так делаю, — улыбнулся он.

Я справилась со ступором, моргнула ещё раз и совсем невпопад спросила:

— Так о чём была та легенда?

— Тоже переводишь разговор? — рассмеялся Вэй. — Быстро учишься! Ну да ладно, расскажу!

Легенда возникновения чжанго ушу — боевого искусства приютившего меня монастыря — полностью отражала даосскую философию о не-деянии и невмешательстве в естественный ход вещей. Якобы один из полulegenдарных основателей монастыря увидел однажды во дворе перед храмом, как журавль пытается перекусить змеей. Та, конечно, не хотела мириться с участью стать обедом и всячески увёртывалась от атак пернатого. При этом настолько впечатлила наблюдавшего за сценой мудреца, что он рассмотрел в этой отчаянной борьбе за жизнь воплощение даосской идеи одоления преград и достижения победы путём уступок. «Змеиные» увиливающие движения легли в основу боевого искусства, кардинально отличающегося от остальных стилей, больше основанных на силе, дающей

способность раздробить рукой камень.

Уворачиваться мой гэгэ умел в совершенстве и не без причины считался непревзойдённым среди учеников мастера Фа Хи. Но теперь после очередного самодовольного заявления, что стукнуть его мне не удастся ещё долго, превзойти «братца» стало моей целью. Не-деяние, невмешательство, уступки — в какой-то мере похоже на христианское непротивление злу. Только тут уступаешь, чтобы лучше примериться и нанести удар, когда противник меньше всего этого ждёт — очень полезная философия. Правда, мне начать «уступки» пришлось совсем не с каверзных ударов... и уже на следующее утро.

* * *

Пробуждение было непривычным. Никто не тряс меня за плечо, не называл «соней» и не угрожал волоком доставить в комнату для омовений. Я просто открыла глаза, что-то почувствовав, и тут же подскочила на своём «ложе».

— Ш-шифу? Что ты здесь...

— Поднимайся, — приказал Фа Хи. — Жду тебя перед храмом Императора, — и бесшумно скользнул за порог.

Протирая глаза, я потащила в комнату для омовений. В переходах — ни души. Неужели все уже ушли глотать солнце, и Вэй меня не разбудил? Ополоснув лицо, я, зевая, вышла во дворик и поняла, почему коридоры были пустыми. Никто не ушёл глотать солнце — его не было и в помине. Фа Хи вытащил меня из постели ещё до колокола! Застонав, я походкой зомби направилась к храму Императора. Мой учитель ждал возле курильницы.

— Это наказание за то, что непочтительно говорила с тьяньши? — недовольно буркнула я. — И как у тебя получается будить взглядом?

— Годы тренировок с ленивыми учениками, — как всегда невозмутимо проронил он.

— Я не ленивая! Просто невыспавшаяся. После всего, думала, дадут поспать подольше!

— Остальным — да. Но не тебе.

— Вот как? — насупилась я. — Это — дискримина...

— Тьяньши обвинил во всём произошедшем ночью твоего старшего брата, — резко оборвал меня Фа Хи. — Но вина Вэя — лишь в желании произвести на тебя впечатление. Основная вина — на тебе.

— Из-за того, что подбила его прыгнуть с башни? — потупилась я.

— Нет. Из-за того, что отказываешься принять Дао и — не закатывай глаза — упорядочить бурлящие в тебе энергии. Твой дух — сильнее, чем я предполагал. Научиться скрывать его — необходимо. Но ты упрямо отвергаешь практики, способные тебе помочь.

— Потому что считаю их бредом! — не выдержала я. — У каждого — своя религия, ваша мне непонятна! Как можно проглотить солнце? Зачем гонять по рту слюну и стучать зубами? У меня — всего одна душа, и она — бессмертна, а бессмертия тела не бывает! Человек — смертен, и это не изменить никому!

На лице Фа Хи не дрогнул ни один мускул.

— Я не буду с тобой спорить — сейчас для споров нет времени. До сих пор я терпел твоё упрямство, но прошлой ночью из-за него угрозе подверглись все в этом монастыре. Повториться такое не должно. Думаю, я знаю, как упорядочить твои энергии и научить

управлять ими, но ты должна в этом помочь.

Я приглашающе махнула рукой.

— Во сне ты зовёшь родителей почти каждую ночь.

— *Каждую*, не почти. Но откуда ты... — и тут же догадалась, — Вэй! Ну подожди, предатель!

— Он беспокоится о тебе. Может, даже больше, чем следует, — заступился за ученика Фа Хи. — Почему, думаешь, они тебе снятся?

Я пожалала плечами — не собираюсь обсуждать мою тоску по родителям с этим псевдо-психологом.

— Ты — их единственное дитя, о судьбе которого они ничего не знают. Вероятно, ты чувствуешь их боль, она не даёт тебе покоя, и по ночам, когда дух освобождается от контроля разума, твоё сознание устремляется к ним, желая утешить. Состояние медитации соединяет сон и бодрствование, освобождает дух и позволяет сознанию проникнуть туда, куда не может проникнуть тело — в реальность, где остались твои родители...

— Хочешь сказать, я смогу связаться с ними? — выпалила я. — Сообщить, что со мной всё в порядке?

— Я говорил тьяньши, что быстро от привычки перебивать ты не отучишься, и просил не упоминать это среди условий, при которых Вэй останется твоим старшим братом, — покачал головой Фа Хи. — Но Мудрейший не послушал.

— Ты говорил с... тьяньши? — удивилась я. — Когда?

— Когда он пытался назвать твоим старшим братом Сяо Ци. И так, медитация...

— Этой ночью? — уточнила я. — Телепатически? А я-то злилась, что ты не сказал ни слова в защиту Вэя! Значит, по твоей просьбе тьяньши всё же оставил меня под его опекой? Спасибо!

— Перебьёшь меня ещё раз, будешь стоять в позе всадника всю следующую ночь, — не меняя тембра голоса заявил Фа Хи. — Я посоветовал оставить тебя под опекой Вэя потому что он кажется единственным, кто в состоянии с тобой совладать, не прибегая к угрозам. И мне стало жаль Сяо Ци. Неделя твоим гэгэ — и разум несчастного не удалось бы восстановить никакими исцеляющими практиками. Следуй за мной, — и заложив руки за спину, направился к храму.

Я засемила следом, с трудом удерживаясь, чтобы не спросить, насколько серьёзными были угрозы тьяньши разъединить нас с Вэем в случае моих проступков. Остановившись у стены храма, Фа Хи кивнул на темневшую посреди двора курильницу.

— Представь рядом с ней своих родителей. Представь, они зовут тебя, чтобы обнять после долгой разлуки.

Я посмотрела на курильницу и вздохнула. Если бы родители действительно оказались здесь, папа наверняка бы попытался определить возраст «этой штуки» и захотел знать имя мастера. А мама восхитилась бы резьбой, сокрушаясь, что современные умельцы разучились создавать такие красивые вещи. А потом оба повернулись бы ко мне... Я почти услышала голос матери:

— Солнышко, посмотри, какая красота! — и почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

— А теперь закрой глаза и иди. Коснись головы дракона, — раздался рядом тихий голос Фа Хи.

Я смежила веки и, не обращая внимания на сорвавшиеся с ресниц слезинки, двинулась

вперёд. Шла наугад, даже не пытаясь держать линию. Перед глазами так и стояли смеющиеся лица родителей, продолжавших осматривать курильницу. Вот папа остановился перед головой дракона и повернулся ко мне.

— Смотри, какой у него грозный вид! Хочешь, погладить? Может, подберет?

Я протянула руку и, коснувшись, холодной поверхности, распахнула глаза. Передо мной — курильница, моя ладонь — на голове дракона.

— Так я и думал, — ко мне подошёл Фа Хи. — Твоему духу нужно направление, но до сих пор я искал его не там, где следовало. Иди за мной.

Я молча смахнула слёзы и, не оглядываясь, поспешила за Фа Хи.

Вэй объяснял, что даосы всегда строили монастыри в недоступных лесистых горах — не только из соображений безопасности, но и из желания отделиться от остального мира и как можно больше приблизиться к небесам. Монастырские кумирни и храмы «разбрасывались» по склонам, так что иногда путь от одного к другому занимал весь день. Монастырь, в который попала я, был, по словам Вэя, одним из самых крупных, но до сих пор я не заходила дальше озера, в которое прыгнула прошлой ночью. Место, куда Фа Хи привёл меня сейчас, явно не было указано в туристических путеводителях. Небо уже светлело, когда мы начали подниматься по узкой и извилистой, точно тело змеи, лестнице, а дойдя до верха, я восторженно ахнула. Широкая площадка выходила к... облакам! Они клубились у невысокой фигурной ограды, словно гигантские хлопья ваты. Подлетев к краю, я погрузила руку в невесомую белизну и, сияя, повернулась к Фа Хи.

— Это так невероятно! Как высоко мы над уровнем моря?

— Какое это имеет значение? Это — Храм Далеко Простирающихся Небес, мало кто сюда приходит. Я буду ждать тебя здесь каждое утро.

— Для... чего?

— Для медитации и духовного самосовершенствования. Твой дух действительно очень сильный — я вновь убедился в этом только что. И теперь я знаю, как помочь тебе управлять им. Будешь следовать моим указаниям — сможешь отправить сознание в твою реальность и поговорить с родителями.

— Правда? — прошептала я.

— Обещаю.

Я кивнула, но тут же озадаченно посмотрела на ведущую вниз лестницу.

— Мне приходится сюда до или после глотания солнца?

— Вместо. И я поговорю с братом Пенгфеем, чтобы ты приходила сюда и вместо чтения молитв.

— Серьёзно? — я даже подпрыгнула от радости. — Думаешь, он меня отпустит?

— Думаю, поблагодарит за то, что тебя забираю, — Фа Хи указал на свёрнутые циновки, сложенные в углу. — Начнём.

Послушно расстелив циновки, я брякнулась на свою и довольно покосилась на Фа Хи.

— Знаешь, иногда я по-настоящему рада, что именно ты — мой шифу.

— Иногда я думаю, Небо меня не влюбило, посылая учеников вроде тебя.

— Может, тогда не так уж оно объективно и справедливо, как вы учите? — пожала я плечами.

Фа Хи ничего не ответил, просто опустил на циновку рядом со мной и распорядился:

— Закрой глаза.

Но, прежде чем смежить веки, я успела заметить пробежавшую по его губам улыбку.

— Двадцать — девятнадцать! «Крадущиеся тигры» побеждают! — мой голос на мгновение перекрыл свист воздуха и позвякивание монеток, падающих на каменные плиты.

— Не радуйся победе прежде, чем она одержана, мей мей! — мимо вихрем пронёсся раскрасневшийся Вэй. — Одно очко ничего не значит!

Мы играли в игру, похожую на баскетбол. Только вместо колец с корзинами — два вертикально подвешенных медных диска с квадратными отверстиями, в середине которых — маленькие колокольчики. Вместо мяча — монетки. Звон от попавшей в колокольчик монетки — очко. Надпись на дисках гласит: «Медь звенит — счастливое предзнаменование!». Если попасть монеткой по колокольчику с определённого расстояния, обретёшь много счастья — раньше таким образом здесь развлекались верующие во время Праздника Весны. Но теперь, когда монастырь стал закрытым для посетителей, диски использовали для тренировки меткости у адептов. Мне пришло в голову сделать из монотонного метания монеток в отверстия командную игру, и идею поддержали все, даже мастер Пенгфей. Но теперь попасть в отверстие было гораздо сложнее, ведь каждое «защищалось» соперничающей командой, являвшей чудеса ловкости, лишь бы не допустить противника к своему колокольчику. Первые команды я окрестила «Крадущиеся тигры» и «Затаившиеся драконы». После появились «Боевые лилии», «Серые журавли», «Глотающие нефрит»... С первой игры я была «Крадущимся тигром», а Вэй, на спор вызвавшийся победить меня в предложенной мною же игре, перешёл к «Затаившимся драконам» и так там и остался. В той игре победили «Драконы» — ужасное пятно на репутации «Тигров». Потом победа переходила от команды к команде, но Вэй уверял, что «Драконы» выигрывали чаще.

— Юй Лу, справа!

Окрик Киу заставил обернуться — как раз вовремя, чтобы отбить атаку Фенга. Не воспользовавшийся тем, что я отвлеклась, Лианг молнией бросился к «нашему» диску и метнул монетку. Звон колокольчика и ликующий голос Вэя:

— Одно очко, росинка! — он потряс в воздухе указательным пальцем.

— Ну уж нет! — увернувшись от их «защиты», я крутанулась в воздухе винтом и, пролетев мимо гэгэ, швырнула монетку. — *Двадцать* одно!

Звон колокольчика, за которым последовал разочарованный вопль Вэя — двадцать одно очко было максимальным счётом.

— Не расстраивайся, брат, — Сяо Ци хлопнул Вэя по плечу и, подмигнув мне, добавил:

— Что же делать, если мы сильнее?

Вэй оттолкнул руку приятеля и под общий смех сделал вид, что погнался за ним, но вместо этого подскочил ко мне и, воспользовавшись элементом неожиданности, бросил монетку мне за шиворот.

— Двадцать два! — и, хохоча, унёсся прочь.

— Это не считается!

Возмутившись, я собралась рвануться следом, но Киу удержала меня за рукав и, хитро улыбаясь, протянула монетку.

— Сегодня ведь тренировка на колодцах? Вот и вернёшь долг.

Злорадно ухмыльнувшись, я стиснула монетку в ладони.

— Ну держись, братец!

«Тренировки на колодцах» проводились во дворике перед Святылищем Трёх Чиновников, отвечавших за воздушную, земную и водную стихии. Пять колодцев каким-то непостижимым образом сообщались между собой: когда черпали воду из одного, вода в остальных тоже колыхалась. На каждый колодец забиралось по два человека. Суть тренировки — в том, чтобы, удерживаясь на «горловине» и используя боевые приёмы и способность уворачиваться, сбросить противника в воду или на землю. «Партнёры» менялись, и всякий раз, когда тренировалась с Вэем, я неизменно оказывалась в воде. Но, если сегодня удастся засунуть монету ему за шиворот прежде, чем свалюсь в колодец, буду считать это маленькой победой! Наше с Вэем шутовское соперничество буквально во всём уже стало чем-то вроде всеобщей забавы — на нас даже заключали пари. Теперь я знала всех адептов, с половиной сдружилась, но с Вэем мы были по-настоящему неразлучны, и, стоило одному ненадолго появиться без другого, наши общие приятели начинали спрашивать, что случилось и не поссорились ли мы.

С ночи моего появления в монастыре прошло... не знаю точно сколько времени. Поначалу, словно узник замка Иф, я ещё чертила на стене моего «пенала» палочки-дни, но забросила это занятие, дойдя до пятидесяти шести. Комета, висевшая в небе несколько недель и всякий раз напоминавшая о моей реальности, давно исчезла. Не имея возможности следить за временем, я переживала, что пропущу момент её появления через семь лет. Но Фа Хи успокоил меня, уверив, что сможет точно рассчитать его, и я сосредоточилась на настоящем. Дни в стенах монастыря протекали однообразно, и, освоившись, я принялась из всех сил их «разнообразить». Стащив на уроке каллиграфии несколько листов бумаги, нарисовала портреты моих родителей, нескольких персонажей из любимых аниме и развесила рисунки по стенам «пенала», скрыв под ними «календарь» из палочек. Киу, увидев мои художества, захотела портрет Ичэна в анимешном стиле. Сонг, ни в чём от неё не отстававшая, — портрет Лианга. За Киу и Сонг потянулись и их подруги, и вскоре анимешные рожицы кумиров висели в «пеналах» почти всех девчонок. Вдохновлённая успехом, я нарисовала карикатуры на учителей, не пощадив и тьяньши. Картинки разошлись по монастырю, как огонь по сухой траве, и, хотя всё было под большим секретом, каким-то образом дошли до тьяньши. Вэй давился от смеха, слушая Сяо Ци, неизвестно откуда узнавшего о том, как далеко летела слюна мастера Пенгфея, до глубины души задетого подобным неуважением. Но тьяньши повёл себя в лучших традициях Фа Хи. Разложив перед собой карикатуры, покачал головой: Пенгфей действительно получился хуже всех, и его возмущение понятно. Что до самого тьяньши, он своим изображением доволен, и никого наказывать не собирается.

— Тебе повезло, что тьяньши отнёсся к этому так снисходительно, — строго проговорил Сяо Ци и тут же доверительно наклонился ко мне. — Нарисуешь такие же на Лианга и Вэя? Только им не говори!

С карикатурой на Лианга я справилась быстро, но, когда очередь дошла до Вэя, рисование застопорилось. Лицо моего гэгэ казалось таким... красивым, и изуродовать его просто не поднималась рука. В конце концов я пририсовала ему бородку, усы и изменила причёску — должно хватить для карикатуры. Но, немного подумав, нарисовала и просто портрет Вэя — для себя, удавшийся гораздо лучше остальных. Несколько минут смотрела на тонкие черты, лукавые тёмные глаза «брата», губы, готовые дрогнуть в улыбке... и, почему-то смутившись, скатала рисунок в трубочку и спрятала его среди одежды. Вэю знать о нём необязательно.

Увидев карикатуру, гэгэ долго хохотал, а потом, в качестве компенсации за «такое неуважение», потребовал, чтобы я нарисовала мой портрет, но не карикатурный, а настоящий. Я, фыркнув, отказалась, и с тех пор вынудить меня нарисовать собственный портрет стало такой же навязчивой идеей Вэя, как моей — превзойти его в ловкости. Вот и сейчас он наверняка попытается поставить портрет «на кон» в состязании на колодцах. И не ошиблась. Стоило нам стать в позы, «братец» лукаво подмигнул:

— Если проиграешь...

— ...ты выиграешь! — оборвала его я. — И никаких «призов» к победе не прилагается!

— Ну и злобное же ты созданье, — покачал он головой.

— Если так, для чего тебе мой портрет?

— Чтобы по ночам метать в него шэнбяо[1], — хмыкнул Вэй, и «схватка» началась.

На первых тренировках все мои силы уходили на то, чтобы уворачиваться от атак Вэя, но постепенно я научилась не только парировать удары, но и нападать. Правда, в этот раз моей целью было не просто сбросить гэгэ вниз, а ещё и «вернуть долг» — я крепче стиснула в ладони монетку. Выпад, парирование удара, ещё один выпад. Наши движения напоминали танец — резковатый, но по-своему красивый. И мне вдруг пришло в голову: парные тренировки у остальных адептов смотрятся иначе. В моих движениях ещё слишком много балета, а движения Вэя... мягкие, почти ласковые, как если бы он хотел не ударить меня, а погладить. А ещё он очень преображается во время подобных «танцев»: глаза блестят, на щеках — лёгкий румянец, губы подрагивают в улыбке. Тренируясь в одиночку, он никогда так не выглядит. На мгновение я замешкалась, сбитая с толку этим «открытием», и к моей груди тотчас устремилась ладонь Вэя. Он мог сбить меня с колодца одним толчком, но рука его вдруг замерла, а лицо стало сосредоточенным, будто он к чему-то прислушивался... и до меня тоже донеслись отрывочные мысли адептов. Медитации с Фа Хи и попытки послать восточку родителям не прошли даром. Передавать собственные мысли я пока не научилась, и ещё не очень хорошо улавливала чужие, но того, что услышала теперь, хватило, чтобы понять: что-то произошло. Растерянный взгляд на Вэя — он только успокаивающе улыбнулся. И тут же раздался ровный голос Фа Хи:

— Продолжайте тренировку.

Если б что-то серьёзное, адептов бы уже наверняка отправили к воротам, а так... едва успела увернуться от выпада Вэя, но всё же потеряла равновесие. Падая, уцепилась за его рукав, попыталась дотянуться до воротника, чтобы закинуть за шиворот монетку, и гэгэ тоже не удержался на ногах. Шумный всплеск — и мы оба булькнули в воду. Когда вынырнули, на лице Вэя читалось лёгкое замешательство — «купаться» в колодце ему ещё не приходилось.

— Вэй, больше не теряй бдительности. Юй Лу, цель тренировки — сбить противника вниз, а не утянуть за собой, — тут же подошёл к нам Фа Хи. — Фенг, Киу, вы следующие. Потом Бао и Жу, потом снова Вэй и Юй Лу.

Отряхиваясь от воды, мы отошли от колодца, и я досадливо ахнула:

— Только не это!

— Заметила, что вымокла? — насмешливо хмыкнул Вэй.

— Нет! — я растопырила пальцы на обеих ладонях. — Потеряла монету, которую собиралась запустить тебе за шиворот!

Гэгэ покотился от смеха.

— А я-то гадал, с чего ты так в меня вцепилась!

— Хотела показать красоты подводного мира! — огрызнулась я.

— Дикарёнок, — покачал он головой. — А ещё просилась с нами в деревню!

Походы в деревеньку у подножия гор, на которых раскинулся монастырь, были для адептов настоящим событием, крайне редким и от того ещё более ярким. Я бы тоже многое отдала, чтобы ненадолго выбраться за пределы монастырских стен, но мне покидать их, по понятным причинам, запретили. Вэй великодушно пообещал принести какой-нибудь сувенир, но всякое напоминание, что вместо веселья со сверстниками, я проведу весь день с Фа Хи за «тренировкой духа», здорово портило настроение. Я раздражённо махнула на Вэя мокрым рукавом, и тот, демонстративно вытерев лицо, попытался меня утешить:

— Может, и мы не пойдём — из-за неожиданных гостей.

— Каких гостей? — выпалила я. — Из-за этого все всполошились? Кто-то пробрался на территорию монастыря?

— Не пробрался — скорее, явился открыто. Не знаю, кто они, но... — Вэй скосил на меня лукавый взгляд. — Можем выяснить этой ночью. Ты со мной?

— Конечно!

— Только сейчас сосредоточься на тренировке, иначе мастер Фа Хи поймёт, мы что-то замышляем!

Я с готовностью закивала. Сразу после устроенной Вэю взбучки и угроз дать мне другого гэгэ, мы вели себя, как два пушистых единорожка, не ввязываясь ни в какие авантюры и, по возможности, соблюдая правила. Но с тех пор прошло время, на наше «родство» больше никто не покушался, и мы осмелели. И всё же это было первое «крупное» приключение с ночи, когда наше купание в озере закончилось нашествием на монастырь монстров. Когда Вэй, наконец, скользнул в мою комнату, от нетерпения я уже только что не ходила на руках.

— Готова? — шепнул он. — Идём!

Теперь и я научилась передвигаться бесшумно, как Вэй, и уже неплохо ориентировалась в лабиринте переходов. Словно две тени, мы пронеслись по коридорам, выскочили во внутренний дворик перед храмом какого-то небесного чиновника, и вдруг гэгэ дёрнул меня за огромную статую льва, охранявшую вход в храм от всякой нечисти, и приложил палец к губам. А буквально через секунду-другую мелькнула тень, за ней ещё несколько, и мы услышали тихий голос тьяньши:

— ...нельзя здесь оставаться. Мы дадим всё необходимое, но вы должны покинуть монастырь немедленно.

— Я мог бы заставить оказать мне гостеприимство, старик, — грубый голос принадлежал незнакомцу с царственной осанкой и поистине исполинским ростом.

— Это — цитадель Дао, священное место, — строго проговорил тьяньши. — А также обитель юных последователей Дао, обученных в лучших традициях чжунго ушу. Не забывай об этом, циньван[2].

— Теперь ты мне угрожаешь? — усмехнулся незнакомец.

— Всего лишь показываю, насколько пусты твои собственные угрозы. Мы не вмешиваемся в ссоры царей, но ты своим пребыванием здесь можешь навлечь беду на эту обитель.

Они прошли мимо льва, за которым притаились мы с Вэем: тьяньши с чванливым незнакомцем, Фа Хи, Пенгфей и несколько воинов в кожаных доспехах. Выждав, пока последний воин скроется во тьме, Вэй повернулся ко мне и возбуждённо зашептал:

— Это Сунь Ливей, мятежный брат императора! Вот уж не ожидал увидеть его здесь!

Наверное, скрывается после очередного набега на селения халху!

— Халху? — удивилась я, вспомнив, что здесь так называют монголов. — Зачем?

— Тш-ш, — Вэй приложил палец к губам. — Уйдём, пока нас не увидели.

Снова бесшумный полёт теней по переходам — на этот раз в направлении моей комнаты. Оказавшись перед её порогом, я разочарованно вздохнула.

— Приключение так себе. Стоило ради этого подниматься с постели!

— Ты шутишь? — вскинул брови Вэй. — Сунь Ливей — самый разыскиваемый человек в ханской империи! Каган Тендзин пообещал за его голову столько золота, сколько она весит!

— Кто такой каган Тендзин?

— Хан ханов — что-то вроде императора у халху. Между ним и нашим императором Тао — мир, но он очень непрочен. Когда-то племена халху вторглись в нашу империю и заняли земли, принадлежавшие нам с незапамятных времён. Вот эти горы и земля вокруг них — в завоёванных халху владениях, но из уважения к религии Дао, халху оставили их монастырю, и теперь это что-то вроде нейтральной территории, не принадлежащей ни императору Тао, ни кагану.

— Неожиданно благородно с их стороны, — хмыкнула я.

— В твоём мире они тоже существуют?

— Да, но у нас войны с ними ушли в далёкое прошлое.

— Здесь славяне были единственными, кого боялись халху. И не только халху. Славян вообще боялись, и, узнав тебя, я понимаю, почему, — Вэй явно собирался щёлкнуть меня по носу, но вдруг напрягся и, втолкнув меня в «пенал», задвинул за нами дверь.

— Что? — начала я, но он быстро зажал мне рот рукой, а в следующее мгновение в коридоре раздался звук шагов.

Я оттолкнула его руку.

— Ненавижу, когда ты так делаешь!

— Иногда это — единственный способ заставить тебя замолчать, — приоткрыв дверь, Вэй прислушался. — Наверное, тьяньши послал учителей убедиться, что никто не бродит по коридорам и случайно не наткнётся на непрошенных гостей. Думаю, пока мне лучше побыть здесь.

— Правда? Может, останешься и до утра? — съязвила я.

— Почему нет? — задвинув дверь, Вэй скользнул вглубь «пенала». — Когда-то я позволил тебе переночевать в моей комнате — самое время вернуть любезность!

— Ну и нахал ты, — покачала я головой.

— А ты — маленькая злока, — я услышала шелест, когда гэгэ улёгся на мой набитый травами матрац. — Так и будешь сидеть возле двери?

— И куда мне, по-твоему, деться, если ты уже занял постель?

— Не занял, здесь ещё полно места!

Снова шелест, и рука Вэя дёрнула меня за плечо. Мгновение — и я уже растянулась на матраце рядом с ним.

— Видишь? — шепнул он. — Места хватает и для двоих. Может, мне вообще переселиться? Всё равно прихожу каждое утро, чтобы вытащить тебя из постели!

— А как же пустота и безмятежность, так необходимые для самопознания и невозможные в «переполненном помещении»? — ехидно напомнила я его слова.

— С тех пор, как стал твоим старшим братом, я забыл, что такое безмятежность, чего

уж жалеть о пустоте! — не остался в долгу Вэй.

— Никто не заставлял тебя им становиться! Сам вызвался!

— А потом пожалел много раз. Но после того, как ты яростно требовала у тьяньши меня оставить — разве мог разбить твоё сердечко...

— Всё! — разозлилась я. — Убирайся из моей комнаты и немедленно!

— Росинка... — тихо рассмеявшись, Вэй притянул меня к себе. — Не злись, я же просто дразнил тебя.

Я хотела ткнуть «братца» локтем в бок, но вдруг почувствовала, как его губы легко коснулись моего лба, и оторопело застыла.

— Не злись, — шёпотом повторил Вэй. — Не знаю, что делал бы, отдай тебя тьяньши другому... старшему брату. Наверное, осаждал бы его комнату днём и ночью, пока он не отменил бы своё решение.

Снова прикосновение губ, теперь уже к моей щеке, и я растерялась окончательно. В классе у меня были почитатели, приглашавшие в кино и приносявшие сладости. А папа часто шутил, что сыновья его друзей приходят к нам в гости вместе с родителями только из-за меня. Мама смеялась, я отмахивалась и, хотя видела, что одному-другому действительно нравлюсь, никогда не выходила за рамки приятельских отношений ни с одним из знакомых парней. Так, как с Вэем, я не дружила ещё ни с кем. И ещё никто не пытался меня поцеловать... Я почувствовала, как кровь приливает к щекам — хорошо, что в темноте этого не видно.

— Росинка, ты что, уснула? — Вэй легко встряхнул меня за плечо.

— С твоим сопением под ухом? — я отодвинулась.

Вэй очень тихо вздохнул и неуверенно предложил:

— Если хочешь, я уйду.

— А если тебя увидят в коридоре?

— Но могу и остаться, — тут же с готовностью согласился он.

На самом деле я не знала, хочу, чтобы Вэй ушёл или остался. С ним было очень уютно, но в то же время как-то... неловко. Глаза уже привыкли к темноте, и, повернув голову, я различила его лицо, устремлённые на меня поблёскивающие глаза и, смутившись, спросила первое, что пришло в голову:

— Почему тьяньши выгнал этого типа? Если он — брат императора, разве его не обязаны принимать везде?

— Сунь Ливей был изгнан из столицы, — Вэя, казалось, ничуть не удивила резкая смена темы. — Наша империя сильна, но халху сильнее, и император Тао предпочитает сохранять с ними мир, хотя мнение его разделяют не все. Сунь Ливей пытался разжечь войну, и его изгнали. Но он продолжает вредить каганату[3], как только может. Он и его сторонники нападают на селения халху, губят их урожаи и грабят караваны торговцев.

— Поэтому каган назначил награду за его голову?

— Да. Потому и тьяньши отослал его прочь. Если бы халху узнали, что Сунь Ливей остался в монастыре, нам бы не поздоровилось.

— А что же ваш император?

— Император Тао стар и никогда не пытался по-настоящему пресечь действия брата. Если однажды каган пойдёт на нас войной, это будет из-за Сунь Ливея и нежелания императора проявить жёсткость по отношению к нему.

— А ты бы проявил? — поддела его я.

Вэй рассмеялся.

— Не знаю. У меня ведь нет братьев, есть только старшая сестра и младшая сестрёнка, которая сводит меня с ума! — он легко ткнул пальцем мне под рёбра.

И я, смутившись, вместо того, чтобы разозлиться, отодвинулась на самый край матраца.

— Откуда тебе столько известно об императоре и его семье?

— Это знают все, — Вэй вздохнул. — Будем спать?

— Да. Спокойной ночи.

— И тебе, мей мей.

Повернувшись к нему спиной, я натянула покрывало и закрыла глаза, но не спала. Какое-то время прислушивалась к ровному дыханию Вэя, пытаюсь привыкнуть к тому, что он рядом, в моей постели. Хотя... что с того? И, подумав, поцеловал в лоб! Мы очень сдружились, возможно, у него ко мне в самом деле братские чувства... и замерла, почувствовав, что он шевельнулся. Тихий шорох, дыхание Вэя на моей шее... а потом его губы очень нежно коснулись моей щеки, пальцы пробежали по волосам, и он поднялся с матраца. Лёгкое движение воздуха, когда дверь открылась и снова закрылась — и я осталась в комнате одна.

[1] *Шэнбяо*, досл. "дротик на верёвке" — китайское метательное оружие.

[2] *Цинван* — этим термином в Китае называли сыновей (кроме наследника) и братьев императора.

[3] *Каганат* — государство кочевых племён (монголов-халху), глава которого носил титул «каган» — хан ханов.

* * *

Утро началось, как обычно — под приветствие «Просыпайся, соня!» и потряхивание за плечо. Я протёрла глаза и уставилась на как всегда не в меру бодрого Вэя.

— Так и ночевал тут? — махнула на место рядом с собой.

— Да, — кивнул Вэй. — И всё ещё подумываю к тебе переселиться!

На самом деле я долго не могла уснуть после его ухода и знала, что в мой «пенал» он больше не возвращался. Так зачем врать, что ночевал в моей комнате? Зевнув, я поднялась с матраца и, направляясь в коридор, проронила:

— Для чего переселяться? Чтобы с полночи уходить к себе и уверять, что спал здесь?

Вэй тут же вылетел следом.

— Ты... слышала, как я ушёл?

— А если бы и слышала? — сощурила я глаза.

— Так слышала или нет? — нахмурился он.

Я только рассмеялась, попыталась щёлкнуть по носу его, но Вэй перехватил мою руку, легко потянул меня к себе...

— Вэй, Юй Лу! Слышали, что прогулка в деревню откладывается на несколько дней? — раздался голос Сяо Ци.

Гэгэ тотчас выпустил мою руку и как ни в чём не бывало повернулся к приятелю.

— Нет. А почему?

Сяо Ци пожал плечами. А Вэй многозначительно посмотрел на меня, будто говорил: «Я

же предупреждал».

Я ждала, что гэгэ вернётся к теме ночёвки в моей комнате, но вечером он, как обычно, попрощался со мной на пороге и на моё поддразнивание, не желает ли зайти внутрь, шутовски ответил, что я брыкаюсь во сне и не даю спать ему. Я хотела было признаться, что не спала, когда он поцеловал меня, и посмотреть на его реакцию, но почему-то в последний момент передумала. После той ночи в нашем общении что-то изменилось. Вроде бы мы по-прежнему подтрунивали друг над другом, шутили и смеялись, но во всём этом чувствовалась какая-то неловкость. Теперь я замечала, как часто Вэй задерживается на мне взглядом, как лучатся его глаза, и как он улыбается, когда на меня смотрит — мягко, ласково... другим он улыбается совсем иначе. Меня это смущало, приводило в восторг и пугало одновременно. А ещё я понимала, что и Вэй нравится мне больше всех, с кем я когда-либо общалась. Когда адепты, а вместе с ними и Вэй, таки отправились в деревню, я почувствовала себя ужасно потерянной, и Фа Хи, на весь день забравший меня в Храм Далеко Простирающихся Небес сразу это заметил.

— Сосредоточься, Юй Лу, — строго проговорил он. — Вэй вернётся к вечеру, и ты его увидишь. А пока направь мысли на более важные вещи.

— Откуда ты знаешь? — насупилась я. — Неужели всё так очевидно?

По аскетичному лицу моего учителя мелькнула снисходительная улыбка.

— Я ведь не слеп.

— Думаешь, и я ему нравлюсь?

— Неважно, что думаю я, — как всегда ушёл от ответа Фа Хи. — Важно, что думаешь ты. Закрывай глаза и начинай считать вдохи.

— Он попросил нарисовать для него мой портрет, — зачем-то поделилась я.

— Так в чём дело? Нарисуй, если попросил. Но не начнёшь сейчас считать вдохи, вместо встречи с ним, будешь стоять в позе обезьяны до окончания вечерних молитв.

— Ладно, ладно... Тему эту начал ты, — огрызнулась я, но всё же поспешила закрыть глаза.

Может, из-за того, что скучала по Вэю и чувствовала себя непривычно одиноко, в этот раз образы родителей получились особенно чёткими. Они уже, конечно, потеряли надежду найти меня и вернулись в Питер. Встречу моих родителей с бабушками и дедушками моё сознание пропустило — слишком тяжело, слишком болезненно... Но теперь самая острая боль уже, наверное, прошла, и они пытаются вернуться к нормальной жизни. Я представила нашу просторную гостиную, светло-серый диван с яркими подушками, на котором мы любили валяться и смотреть телевизор. Сейчас комната кажется пустой, а диван — огромным. На нём, поджав ноги и оперевшись на спинку, застыла тонкая фигура — моя мама. На плечах — кремовое покрывало, в руках — книга. Но она не читает, просто смотрит на страницы. Лицо лишено выражения, волосы — в беспорядке, хотя до сих пор, мне казалось, она даже спит, сохраняя идеальную причёску. Во всём её облике столько грусти, что я не сдерживаюсь и громко выкрикиваю:

— Пожалуйста, не плачь, со мной всё хорошо!

И она вдруг вскидывает голову. Лицо из апатичного становится потрясённым, она роняет на пол книгу, поднимается и оглядывается по сторонам.

— Ты меня слышишь? — неуверенно шепчу я.

И она дрожащим голосом переспрашивает:

— Солнышко... это ты?

Её лицо, фигура, вся комната вдруг начинают расплываться, будто я смотрю на них сквозь стекло, по которому потоками стекает дождь. Но ещё слышу голос матери:

— Солнышко... не уходи... пожалуйста, поговори со мной ещё...

И, прежде чем наша гостиная окончательно растворяется в мутной пелене, я истерично выкрикиваю:

— Я жива! Я вернусь через семь лет! Обещаю...

Видение исчезло. Я снова — в Храме Далеко Простирающихся Небес, по щекам катятся слёзы, а рядом со мной — Фа Хи в медитативной позе.

— Ты, наконец, преодолела барьеры, Юй Лу, — донёсся до меня его голос. — Это достойно похвалы.

Всхлипывая, я подняла на него глаза.

— Она... действительно меня слышала? А я... её видела?

— Да, — ответил Фа Хи, но губы его не шевельнулись. — Теперь ты можешь создать собственную защиту...

— Не хочу защиту, — перебила его я. — Хочу увидеть её снова, всё объяснить...

— Сейчас твой дух истощён эмоциями, но ты вернёшься сюда завтра и попытаешься не поддаться им, как поддалась сегодня. А теперь закрой глаза и слушай мой голос.

Слишком измотанная, чтобы спорить, я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на том, что говорит Фа Хи. Но слова не имели никакого смысла:

— Достигший совершенства патриарх

от границы Вэйлюй

поднялся к небу.

Во дворце Умин

осветил чёрную пагоду.

Показалась её верхушка.

Серебряная река

течёт вниз, поистине сокровенно —

глиняный котёл, жёлтый двор,

природа и судьба соединились...

Потом я перестала искать смысл, и начала представлять упомянутые образы. Чернеющую верхушку пагоды, серебряную ленту реки, огибающую жёлтый двор. Но постепенно все образы начали сливаться в одно расплывчатое сияющее нечто, и я чувствовала, как сама растворяюсь в нём. Печаль из-за родителей, волнение из-за Вэя, раздражение из-за бессмысленного набора слов Фа Хи — всё ушло. Мне было уютно и спокойно, как не было уже давно. И сознание начало отключаться, словно отдавая меня во власть сияния, окутывавшего всё сильнее и сильнее... Но тут в тишине прозвучал повелительный голос Фа Хи:

— Юй Лу. Посмотри на меня.

И я, на мгновение задохнувшись, открыла глаза. Тот же Храм Небес, рядом — Фа Хи, невозмутимый, как всегда. Но уже смеркается. Я растерянно потёрла глаза.

— Как долго я была в отключке?

— Не дольше, чем было необходимо, чтобы наложить защиту.

— На мой... дух?

— Да, — Фа Хи поднялся с циновки. — Сегодня ты очень продвинулась в духовном совершенствовании, Юй Лу. Теперь можешь отдохнуть и повидаться с Вэем. Он уже ждёт.

— Он вернулся? — подскочила я.

Собралась прощмыгнуть мимо Фа Хи к лестнице, но он остановил меня движением руки и кивнул на расстеленные циновки.

— Хотя бы раз сделал это сам! — закатила я глаза.

Но всё же послушно свернула циновки и, сложив их в углу, понеслась вниз по лестнице, мысленно отмахнувшись от прозвучавшего в сознании голоса Фа Хи:

— Будем считать, я не слышал твою последнюю фразу. Неужели никогда не научишься элементарному почтению?

Вихрем влетев во дворик, я чуть не сшибла с ног того, к кому неслась — Вэя, и от неожиданности резко затормозив, чуть сама не растянулась на земле.

— Росинка! — он явно собирался меня обнять, но я уже восстановила равновесие и сделала вид, что бежала вовсе не к нему.

— А, Вэй... привет! Не думала, что вы уже вернулись.

Гэгэ тут же опустил руки и прищурился.

— Ты мне не рада? А я скучал по тебе, дикарёнок.

— А мне было некогда, — соврала я и вздохнула. — Похоже, пропустила вечернюю трапезу...

— Хочешь есть? Могу в этом помочь! — Вэй тряхнул небольшим кожаным мешком, висевшим у него на плече. — Как и обещал, принёс для тебя кое-что!

В животе предательски заурчало — ничего не ела с утренней трапезы, и, просияв «братцу» благодарной улыбкой, я деловито огляделась.

— Ещё бы куда-нибудь присесть...

— Я знаю подходящее место, — дёрнул меня за рукав Вэй.

Мы пришли в маленький парк с раскидистыми деревьями и небольшим Храмом Восьми Бессмертных. Вэй устроился под деревом и приглашающе кивнул на место рядом с собой.

— Почти стемнело, — поёжилась я, опускаясь на траву.

— Скоро взойдёт луна. То, что я хотел тебе подарить, будет лучше видно в лунном свете.

— Думала, это — что-то съедобное, — разочарованно протянула я.

Вэй рассмеялся, вынул из мешка два круглых плоских пирога величиной с ладонь и подал один мне.

— Спасибо! — я взяла протянутый пирог. — Пахнет аппетитно!

— Внутри начинка из дыни со специями. Называется «пирог для жены».

Я поперхнулась откушенным кусочком.

— Как называется?..

— Это из легенды, — Вэй будто не заметил моего удивления. — У одного мужчины была очень ленивая жена, которая не любила двигаться. Однажды мужчине нужно было уехать на несколько дней и, чтобы жена не умерла от голода, он сделал круглый пирог с фруктовой начинкой и подвесил его над её головой.

— Надеюсь, это помогло?

— К сожалению, нет. Вернувшись, мужчина обнаружил жену мёртвой. Она съела только половину пирога — ведь, чтобы съесть и остальное, нужно было поднять голову.

Я снова поперхнулась и, с трудом проглотив кусочек, расхохоталась:

— Ну и легенда! И чему она учит? Что не нужно лениться? Или что при выборе невесты нужно включать мозг и не жениться на таком овоще?

Вэй тоже рассмеялся и легко толкнул меня плечом.

— Может, он любил её.

— Если так, с психикой у него ещё хуже, чем у неё!

— С психикой? — Вэй смешно сморщил лицо.

— Со способностью соображать, — «перевела» я. — Как можно любить такое растение? Надеюсь, эту легенду ты выдумал!

Мы продолжали болтать, пока я доедала подарок.

— Пирог — очень вкусный, — похвалила я, проглотив последний кусочек. — Почему не ешь свой?

— Он тоже для тебя. И ещё кое-что...

Вэй пошарил в мешке и загадочно улыбнулся.

— Закрой глаза.

Я вскинула брови, но послушалась. Чуть вздрогнула, когда гэгэ осторожно взял меня за руку, и почувствовав, как он что-то надел на запястье, открыла глаза. На запястье темнел браслет из похожего на пластик материала.

— Он из черепахового панциря, — пояснил Вэй. — Помнишь, я говорил про лунный свет? Смотри!

Он приподнял и немного повернул моё запястье, чтобы на браслет упал свет возшедшей луны. Я восхищённо ахнула: на ободке браслета проступили грубоватые изображения из крошечных светящихся камешков.

— Очень красиво! Спасибо, буду носить его всегда!

Вэй просиял довольной улыбкой и провёл кончиками пальцев по камешкам на браслете:

— Уточки юаньян[1] сделаны из кусочков лунного камня и...

— Уточки? — я посмотрела на браслет внимательнее. — По мне так больше похожи на тюленей. Но всё равно красиво.

— Тюленей! — фыркнул Вэй. — Конечно, это уточки! Знаешь, что они означают?

— Нет, — захихикала я. — Но, говорю тебе, это — тюлени!

Вэй махнул рукой.

— Ладно, пусть будут тюлени, упрямое создание! — и, поднявшись, качнул головой в сгустившуюся тьму. — Идём, иначе завтра тебя опять не добудисься.

Подхватив оставшийся «пирог для жены», я поспешила вслед за гэгэ. Он, как обычно, довёл меня до порога «пенала» и подмигнул.

— Увидимся завтра, мей мей.

Я кивнула, посмотрела на пирог и ни с того ни с сего призналась:

— Мне тоже тебя не хватало. Но мой дух теперь защищён, и в следующий раз пойдём в деревню вместе!

Вэй ничего не ответил. Только расплылся в улыбке и бесшумно унёсся прочь. А я зашла в комнату и, растянувшись на матрасе, подумала, что, пожалуй, можно исполнить просьбу «братца» и нарисовать для него мой портрет. На этой мысли и заснула.

[1] «Юаньян» в Китае называют уток-мандаринок.

Портрет получился так себе — может, потому, что я торопилась: улизнув с урока каллиграфии в Храм Далеко Простирающихся Небес, опасалась не успеть на обед. Но общее сходство всё же угадывалось. Свернув листок трубочкой, я с улыбкой посмотрела на подаренный Вэем браслет. За завтраком все сидевшие рядом за столом многозначительно переглянулись, заметив его на моём запястье, а Жу, никогда не терявшая кумира, а вместе с ним и меня, из поля своего зрения, горестно вздохнула и отвернулась. Нужно всё-таки спросить у Вэя, что означают похожие на тюленей уточки... и тут же, словно вторя моим мыслям, за спиной раздался его голос:

— Вот ты где, неутомное создание!

Я так и подскочила, выронив рисунок. Вэй, улыбаясь, его поднял.

— Напугал до смерти! — раздражённо выдохнула я. — И, как результат, сам поднимаешь с пола подарок, который иначе вручила бы тебе я.

— Подарок? Для меня? — Вэй развернул листок и залип взглядом на рисунке, а губы раздвинулись в глуповатой, но абсолютно счастливой улыбке.

— Получилось не очень, — небрежно дёрнула я плечом. — Но для метания шэнбяо, думаю, сойдёт.

Он оторвался от моего изображения, поднял глаза, и в них мелькнула растроганность.

— Для этого ты сбежала с каллиграфии? Чтобы нарисовать это для меня...

— Нет, решила, что слишком долго жила без наказаний, — съязвила я. — А как ты узнал, где...

Мгновенно оказавшись рядом, Вэй прижал меня к груди, и я забыла, что хотела спросить.

— Спасибо, росинка, всегда буду хранить его, — прошептал он, вдруг наклонился и прильнул губами к моей щеке.

Я вспыхнула до корней волос, хотела отодвинуться, но Вэй после секундного колебания, будто что-то для себя решив, мягко удержал меня.

— Росинка...

Его ладонь легко пробежала по моим волосам, задержалась на щеке, а я... перестала дышать, когда приоткрывшиеся губы гэгэ очень нежно коснулись моих. Поцелуй длился лишь несколько секунд — пока я не пришла в себя и не отпрянула. Сердце стучало, я чувствовала, как пылает лицо... и, кажется, впервые не знала, как себя повести. Вэй мне нравился, очень, и я догадывалась, что чувство взаимно. Но просто не ожидала его проявления сейчас... вот так...

— Напугал тебя? — на щеках Вэя тоже проступил румянец. — Наверное, нужно попросить у тебя прощения, но я хотел это сделать так давно...

— Поцеловать меня? — обрела я дар речи. — Я не испугалась... просто...

— Ты — совсем ещё дитя, — с нежностью улыбнулся он. — Словно хрупкий не распутившийся бутон. Я должен дать тебе время расцвести по-настоящему, прежде чем попрошу принять меня.

— Принять тебя? — вконец смущённая, я растерянно хлопнула глазами. — В смысле...

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Вероятно, моя семья согласится не сразу, но я — единственный сын и никого другого не...

— Ж-женой? — оторопело переспросила я.

Вэй рассмеялся и ласково погладил меня по щеке.

— Говорю же, ещё дитя. Но не бойся, я буду ждать, сколько потребуется. Ты — моя росинка с глазами удивительного цвета. И я хочу смотреть в них до последнего дня моей жизни.

...или до следующего появления голубой кометы. Я рассказывала Вэю о родной реальности и считала, что моё намерение в неё вернуться для него очевидно. Но теперь он говорит о жизни здесь... с ним. Я в смятении потупилась и, наткнувшись взглядом на браслет, невпопад спросила:

— А... что означают уточки?

И снова подняла глаза, когда Вэй, мягко взяв меня за руку, прошептал:

— Моя любимая и я —

Два улыбающихся лица рядом, —

Смотрим на пруд,

Покрытый снегом, и следим

За снующими по нему уточками юаньян.

Пары этих уточек неразлучны на протяжении всей жизни. Они всегда заботятся друг о друге. Зимой, когда другие птицы улетают в тёплые страны, юаньян остаются. Они просто прижимаются друг к другу — и ни снег, ни холодный ветер им не страшны. Украшения с их изображением мужчины дарят своим избранницам. Я выбрал тебя, моя росинка... — его взгляд стал пытливым, он чуть сильнее сжал мою руку, будто спрашивал «А ты — меня?».

Но я молчала, слишком переполненная эмоциями, чтобы говорить. Неотрывно глядя мне в глаза, Вэй очень легко потянул меня к себе, медленно наклонился к моему лицу, и я... не отстранилась. Тихо выдохнув, закрыла глаза, почувствовала, как его губы бережно коснулись моих... но безмятежную тишину буквально взорвал звон колокола — гулкий, тревожный, отозвавшийся в сознании десятками голосов адептов, словно все заговорили разом. Сильно дёрнувшись, я стукнулась лбом о лоб Вэя. Распахнув глаза, поймала его взгляд, такой же ошарашенный, как и у меня.

— На монастырь напали... — в его голосе слышалось недоверие. — Идём, Юй Лу!

Слома голову мы понеслись вниз по лестнице. Мне хотелось зажать уши, чтобы не слышать потока возбуждённых голосов. Не понимала, о чём они говорят, понимала только, что всё плохо... и ещё одно слово повторялось снова и снова: халху.

Пробежав по дорожкам, отделявшим Храм Небес от основных строений монастыря, мы выскочили к Храму Восьми Бессмертных, и беспорядочные отголоски чужих мыслей в моём сознании сменили другие, реальные звуки: отдалённый звон оружия и крики. Я невольно замедлила шаг, но Вэй подхватил меня в охапку:

— Не останавливайся, Юй Лу!

— Напали действительно... халху? — выдавила я.

— Да! Бешеные степные псы!

Нам навстречу начали попадаться адепты, растерянные, ошеломлённые...

— Вэй! Юй-Лу! — откуда-то вылетела перепуганная Киу, за ней — Сонг.

— Где Сяо Ци? — коротко бросил Вэй. — Ичэн, Лианг?

— Здесь! — раздался за нашими спинами голос Сяо Ци. — Ищали вас, неразлучных уточек! Нужно торопиться! Тяньши велел всем уйти выше в горы, куда варвары не доберутся, а оттуда тайными тропами можно спуститься к деревне.

— А где Фа Хи? — встревожилась я. — То есть... мастер Фа Хи?

— Все шифу остаются здесь — защищать ворота и переходы, пока остальные не окажутся в безопасности. Нам нужно к Восточным Воротам, оттуда самый короткий путь к улице Белых Облаков!

Улица Белых Облаков — тонкая извилистая тропа, серпантинном уходящая на вершину горы, на склоне которой располагался монастырь. Пройти по ней, не свернув себе шею, могли лишь те, кто хорошо знал дорогу. Тропа начиналась за храмами Верхнего уровня, построенными выше строений, где жили и тренировались адепты. К Восточным Воротам выходил дворик перед храмом Небесного Полководца Огня, и сейчас он был переполнен — адепты стекались в него со всего монастыря. А за Восточными Воротами шла схватка — крики и звон мечей, которые я слышала ранее, доносились именно отсюда.

— Вэй... — тоненький голосок прорвался сквозь окружающую нас какофонию звуков. — Я так рада...

К нам выскочила Жу, но тут глаза девушки скользнули по обвившимся вокруг меня рукам гэгэ, и улыбка её погасла.

— Следуй за нами, — деловито распорядился Вэй и, кивнув Сяо Ци, начал проталкиваться к святилищу, но вдруг остановился.

Перед нами возникла фигура тьяньши. На фоне всеобщей суматохи старик выглядел странно спокойным, почти умиротворённым. Все торопливо поклонились, сложив кисти рук в привычном жесте, но он коротко произнёс:

— Сейчас не время для церемоний. Вы — носители Дао и обязаны выжить. Сделайте всё, чтобы жертва ваших наставников не оказалась напрасной. Вэй, Сяо Ци, Ичэн, — его взгляд поочерёдно останавливался на каждом, — оберегайте Юй Лу.

Те снова поклонились, а Вэй прошептал:

— Ты же знаешь, я отдам за неё жизнь, шифу.

— Знаю, — согласился старик. — А теперь торопитесь. Южные Ворота пали, варвары скоро будут здесь.

Все тут же заволновались, в руках некоторых учеников замелькали шэнбяо и цзебянь[1]. А Вэй, быстро осмотревшись, дёрнул меня к статуе каменного дракона, «подпиравшего» стену, и бросил остальным через плечо:

— Лучше идти по крышам!

— Вэй... — я стиснула его вцепившуюся в меня руку. — Не знаю, почему меня нужно оберегать больше остальных, но ты ведь останешься со мной? А не будешь... задерживать халху, чтобы я могла уйти?

— Нет, росинка, — улыбнулся он. — Что бы ни случилось, с тобой я не расстанусь.

— Хорошо... — облегчённо выдохнула я. — Без тебя и не ушла бы.

Вэй, уже не таясь, прижался губами к моим и легко подтолкнул меня к статуе. Подпрыгнув, я взлетела на голову дракона, перескочила с неё на стену и обмерла: отсюда было видно, что происходит за воротами... Ведущая к ним узкая дорога казалась чёрной от заполнявших её воинов. А перед воротами — три фигуры в белом. В одной я узнала мастера Шуи, в другой — мастера Ву, учителя каллиграфии. Кружась, словно турецкие дервиши, они расшвыривали нападавших, как щенят, но тех было слишком много...

— Идём, Юй Лу! — вспрыгнувший на стену Вэй, дёрнул меня за рукав и мы, пригнувшись побежали прочь от ворот.

Киу, Сонг, Жу и остальные забирались на стену один за другим и следовали за нами. Я

оглянулась на защитников ворот... и слабо вскрикнула: одна из белых фигур упала, пронзённая копьём. Это был мастер Шуи...

— Юй Лу! — Вэй буквально потащил меня дальше. — Нужно идти!

И, чувствуя, как из глаз брызнули слёзы, я послушно двинулась, уже не понимая, куда бегу. Мастер-богомол, поивший меня отваром, чтобы было легче проглотить солнце... и мастер Ву, и остальные... неужели теперь не останется никого?

— Хочу увидеть Фа Хи... — всхлипнула я. — Хотя бы...

— Позже, — Вэй упрямо тянул меня вперёд.

Мы уже почти добежали до крыши храма, когда Восточные Ворота задрожали и начали сотрясаться от ударов. Перепрыгнув на крышу, я видела, как перед воротами с внутренней стороны выстроилась горстка учителей во главе с тьяньши. Дворик уже почти опустел — адепты разбежались, направляясь к храмам Верхнего Уровня, а воздух вдруг взорвался свистом и гиканьем, и я чуть не сорвалась с крыши, увидев ворвавшуюся во дворик орду. Улюлюкающие дикари, размахивающие кривыми саблями в изящном дворике перед китайским святилищем, будто сошли со страниц нашего учебника по истории. Шлемы, нелепые шапки с падающими на спину хвостами волков и лисиц, халаты неопределённого цвета, кожаные доспехи. Что-то со свистом пронеслось рядом с моим лицом, и я, отшатнувшись, потеряла равновесие. Вэй подхватил меня на лету и, вернув на крышу, подтолкнул вперёд. Свист повторился раз, другой, третий. За свистом послышался сдавленный стон, и Сонг, содрогнувшись, схватилась рукой за плечо, из которого торчала стрела. Ещё несколько горящих стрел вонзились в деревянную стену храма, и святилище, посвящённое Полководцу Огня, занялось пламенем.

— Не останавливайся, росинка! — выкрикнул Вэй. — Пожалуйста, не останавливайся!

Сяо Ци уже перепрыгнул с крыши на арку ритуальных ворот за святилищем и махнул рукой, чтобы мы следовали за ним. Киу и Ичэн подхватили под руки Сонг. Я видела, как разревелась Жу, а Лианг, схватив за руку, потащил её за собой, и как внизу, в занятом варварами дворике, тьяньши и последние защитники «цитадели Дао» стали в стойку... Весь этот кошмар не может быть реальностью. Но я *обещала* маме вернуться, а значит должна выжить, и, стиснув зубы, понеслась вперёд — за Вэем и Сяо Ци. Почти не разбирая дороги, перепрыгивала с крыши на крышу, балансировала на узких переходах, перебегала по стенам. Вэй то и дело оглядывался на меня и наконец объявил:

— Совсем немного, росинка, почти на месте!

Но тут в воздухе раздался знакомый свист, и бежавший впереди Сяо Ци покачнулся и рухнул на руки подлетевшего к нему Вэя. Тот не удержался, и оба скатились со стены вниз — во дворик перед каким-то святилищем. И я, не раздумывая ни секунды, спикировала вниз. С дальнего конца дворика уже бежали несколько халху. Вэй не пострадал и, тут же оказавшись на ногах, дёрнул вверх стонущего приятеля. Я подхватила Сяо Ци под руку с другой стороны, и мы втроём поковыляли к святилищу. Ичэн, Киу и Жу соскочили вниз вслед за нами, только Лианг и раненая Сонг продолжили путь. Ошеломлённая происходящим, я почти не понимала, что происходит, всё вокруг слилось в большое расплывчатое пятно. Вроде бы Киу и Ичэн вступили в схватку с преследовавшими нас халху, а Сяо Ци просил, чтобы его «оставили здесь»... а потом за нами захлопнулись двери святилища, и Вэй сильно встряхнул меня за плечи.

— Юй Лу! — слышала его голос, словно издалека. — Росинка! Посмотри на меня, пожалуйста... Росинка...

Я моргнула раз, другой, постепенно приходя в себя, и он облегчённо выдохнул:

— Ну и напугала же ты меня, мей мей...

— Это — шок... скоро пройдёт... — рассеянно отозвалась я и огляделась.

Мы — в святилище. Рядом — Сяо Ци с торчащей из груди стрелой и посеревшая от пережитого Жу.

— А где... — начала я.

— Ичэн и Киу отвлекли варваров, чтобы мы смогли пробраться в святилище незамеченными, — Вэй посмотрел на Сяо Ци. — Можешь идти, брат?

Тот вздохнул.

— Ты знаешь, что должен оставить меня здесь и позаботиться о своей мей мей... и о Жу, — Сяо Ци мимолётно глянул на почитательницу Вэя, и задержался взглядом на мне. — Постарайся выжить, Юй Лу... — его рука потянулась к моей и слабо сжала ладонь.

Я вскинула глаза на Вэя.

— Мы же не оставим его...

— У нас нет иного выбора, — возразил Вэй. — Сяо Ци не может бежать. У него будет больше надежды выжить, оставшись здесь. Халху не будут осматривать все здания, и рано или поздно уйдут. Тогда мы вернёмся и поможем ему. Нужно лишь перенести его в укромное место...

— Перенести! — вяло возмутился Сяо Ци. — Двигаться я ещё могу!

Он, пошатываясь, встал с помощью Вэя и улыбнулся мне:

— Надеюсь, скоро увидимся, розинка.

Вэй потянул Сяо Ци вглубь храма и проворчал:

— Может, помощь тебе и правда не нужна, если ещё хватает сил заигрывать с моей мей мей.

А я повернулась к будто окаменевшей Жу и легко тронула её за руку.

— Всё хорошо?

Девушка перевела на меня потерянный взгляд и неуверенно предположила:

— Мы не выберемся?

— Не знаю, — честно сказала я. — Но попытаться стоит.

Словно что-то вспомнив, она порылась в складках своей одежды и вынула подаренный Вэем браслет.

— Ты обронила...

Я инстинктивно схватилась за запястье и охнула:

— Точно... Спасибо, Жу!

Но только протянула за браслетом руку, дверь содрогнулась от удара, и я в панике подскочила, забыв обо всём.

— Вэй!

Гэгэ тут же вылетел из-за уставленного стауэтками и курильницами алтаря.

— Здесь есть другой выход! Идём!

Ещё удар и дверь развалилась, а мы, словно тени, мелькнули к запасному выходу. Слышали крики преследователей, не задержавшихся в святилище: хотя бы на время Сяо Ци — в безопасности. Пробежав через ритуальную арку, обогнули какую-то кумирню... и налетели на другой отряд рыскающих по улочкам халху. Я прошептала «Господи...», Жу судорожно вцепилась в мою руку. Но на лице Вэя не дрогнул ни один мускул.

— Я отвлеку их, а вы проберётесь вон в то...

— Нет! — я сбросила руку Жу и встала рядом с ним.

— Юй Лу... — простонал Вэй.

Но из-за кумирни уже выскочили наши преследователи. Они и те, что были перед нами, окружили нас, и мир вокруг меня снова стал расплывчатым пятном... Тренировки на колодцах и казбегури, упражнения с Фа Хи и танец с бубном — мои движения перетекали одно в другое, я инстинктивно уклонялась от ударов, не нанося ни одного в ответ. А потом услышала знакомый свист, совсем рядом, но что-то оттолкнуло меня. Не удержавшись на ногах, я растянулась на земле и мир вновь обрёл чёткие очертания. В шаге от меня стоял Вэй с торчащей из плеча стрелой — это он оттолкнул меня прочь... Снова свист — и, онемев от ужаса, я видела, как в него вонзилась ещё одна стрела и, дико закричав, вскочила на ноги, на волос увернувшись от блеснувшего рядом клинка. Варвар, выпустивший в Вэя две стрелы, снова натянул тетиву, и я бросилась к нему, не помня себя. Отпихнула чью-то руку, оттолкнулась от чьего-то колена и, взмыв вверх, обрушилась на не успевшего сориентироваться лучника. Он стукнулся затылком о вымощенную камнями улицу и затих. А я, подхватив с земли обронённый кем-то меч, метнулась к Вэю. Он ещё отбивался, но вяло, по подбородку сочилась кровь. Раненая Жу пыталась отползти обратно к кумирне, а я слишком поздно почувствовала опасность за спиной. Услышала отчаянный вопль Вэя, вслепую шарахнулась в сторону, но сабля, которая должна была поразить меня, вдруг со звоном упала к моим ногам, и я, обернувшись, оторопело выдохнула:

— Мастер Пенгфей...

— Помогите Вэю и Жу и уходите немедленно! — скомандовал он, мимоходом располозовав мечом атаковавшего его халху.

— Спасибо... — пискнула я.

Бросилась к Вэю и едва успела его подхватить — силы оставили моего гэгэ, он навалился на меня всем телом, я с трудом его удержала. Мастер Пенгфей продолжал орудовать мечом и халху перенесли всё внимание на него. Только бы Вэй пришёл в себя...

— Вэй! Очнись! Пожалуйста! — я тащила его прочь из последних сил. — Жу, помоги!

Девушка, хромая, подскочила и, вцепившись в свободную руку гэгэ, помогла тащить его.

— Росинка... — Вэй приоткрыл глаза и слабо кивнул вверх. — Нужно снова... забраться на стену... там — безопаснее...

— Там стрелы! — возразила я.

— А здесь ещё и мечи... Идём!

— Ты не сможешь... — начала я, но Вэй упрямо двинулся вперёд.

— Может, попытаться выдернуть стрелы? — всхлипнула я.

Он только качнул головой.

— Нельзя... кровь пойдёт сильнее.

Не знаю, как ему удалось вскарабкаться на стену, но когда мы втроём уже были на ней, из-за кумирни выскочило ещё десятка три халху, и Пенгфей выкрикнул:

— Уходите! Немедленно!

Снова засвистели стрелы, и я отвернулась, когда одна вонзилась в мастера «сверчка»... Скольких ещё я увижу сегодня в последний раз? Мы ковыляли по стене всё дальше, и наконец Вэй слабо махнул на величественную возвышавшуюся впереди арку.

— За ней Храмы Верхнего Уровня, а там совсем недалеко до Улицы Белых Облаков! Не думаю, что халху сюда... — из груди Вэя вырвался наконечник копья пробившего его со спины, и гэгэ, словно захлебнувшись, покачнулся.

Взвизгнув, я судорожно вцепилась в него, слышала, как за спиной слабо охнула Жу, а, когда обернулась, на стене её не было. Но Вэй был ещё жив, и, уже не обращая внимания на свистящие стрелы, я с силой дёрнула копьё... и, потеряв равновесие, кубарем скатилась со стены вместе с гэгэ.

— Росинка...

Оглушённая падением, я приподнялась, с надеждой заглянула в лицо Вэя... и слёзы хлынули безудержным потоком. Оно было бледным, неживым, из-под полуприкрытых век смотрели тусклые глаза. Мой гэгэ, мой лучший друг, мой защитник, мой... я зарыдала в голос, подвывая, и повторяя его имя. А потом, не в силах оставаться возле его безжизненного тела, пошатываясь, поднялась и понеслась прочь, не разбирая дороги.

Снова звон оружия и возгласы... Очнувшись, я вытерла глаза, не понимая, как вышла к показанной Вэем арке. А перед ней около трёх десятков халху бились с... Фа Хи. Ни разу не видела моего учителя в настоящей схватке. Восхищение ловкостью и скоростью, с какой он двигался, заставило на мгновение забыть о боли из-за смерти Вэя. Мой учитель был один, вокруг — с дюжину неподвижных тел врагов, но тех, что были живы, было слишком много. Фа Хи был обречён и, кажется, это знал. Но лицо его было невозмутимо, как всегда, движения — точны и смертоносны. Он наверняка мог скрыться, но остался здесь, продолжая эту безнадежную схватку...

Замерев в тени забрызганной кровью колонны, я видела, как из арки неторопливо выехал всадник. Не знаю, как он добрался сюда на лошади, но, судя по доспехам и горделивой осанке, был над варварами главным. Окинув небрежным взглядом место схватки, коротко бросил по-китайски:

— Этого оставить живым!

Фа Хи только усмехнулся.

— Живыми отсюда не уйдём ни я, ни ты, варвар.

Мой учитель вдруг подскочил и, пробежав по стене почти параллельно земле, крутанулся винтом, устремляясь к монгольскому начальнику. Свист рассекаемого воздуха, блеск меча. Монгол, явно не ожидавший нападения, шарахнулся в сторону вместе с лошастью и, не удержавшись, рухнул вместе с ней на землю. Фа Хи, приземлившись как ни в чём не бывало, отразил удары сразу трёх халху. Но я увидела, как один из варваров чуть поодаль, нарушая приказ, замахивается копьём, целясь в спину моего шифу — оружие труса, поразившее Вэя — и закричала так, что зазвенело в ушах. Фа Хи резко обернулся, по только что невозмутимому лицу мелькнуло смятение, и варвары воспользовались тем, что он отвлёкся. Держа перед собой щиты, набросились одновременно со всех сторон, а я, не помня себя, тоже понеслась к учителю. Помочь ему, конечно, не могла, но за этот ужасный день видела слишком много смертей и теперь не собиралась безучастно смотреть на ещё одну.

Звон мечей, всё-таки брошенное копьё, просвистевшее рядом с моим ухом. Я почувствовала, как локоть налетел на что-то твёрдое и оно подалось, когда я с силой ударила, как нас учили на тренировках — мой первый прямой удар, и как мой кулак размогил кому-то нос... но потом что-то сшибло с ног, меня грубо подхватили и чуть приподняли над землёй. Оглушённая, я усиленно моргала, стараясь удержаться в сознании. Меня держат за руки, растянув, как для распятия. Передо мной — Фа Хи, окружённый щитами и обнажёнными клинками, рядом — уже взобравшийся на лошадь начальник, а надо мной — занесённая сабля. Я яростно дёрнулась, попыталась укунить стиснувшую предплечье пятерню, но замерла, услышав спокойный голос Фа Хи:

— Жизнь за жизнь, — он бросил меч к ногам окруживших его врагов.

Я снова попыталась брыкнуться, и голос учителя зазвучал вновь — теперь уже в моём сознании:

— Не смей. И не произноси ни слова.

Начальник халху секунду разглядывал Фа Хи, потом повернулся ко мне и чуть сощурил глаза:

— А это что? Откуда оно родом?

— Из латинян, — ответил за меня Фа Хи.

— Ещё не видел ни одного из них так близко, — хмыкнул монгол. — Что ж, наверняка и кагану будет интересно взглянуть. Забрать обоих и поджечь всё. Возвращаемся! — и понёсся по направлению к восточным воротам.

[1] Цзебянь — китайское холодное оружие, представляющее собой цепь из нескольких металлических сегментов.

* * *

Меня дёрнули вверх, но я шарахнула коленом между ног одного из халху, от другого получила оплеуху, от которой потемнело в глазах. И опять до меня донёсся голос Фа Хи:

— Перестань сопротивляться, Юй Лу. Ты *должна* выжить.

А потом словно тёмная туча заволокла сознание. Я чувствовала, что меня куда-то тащат, швыряют на что-то твёрдое, и оно начинает двигаться... но уже не понимала ни где я, ни что со мной происходит. Вэй мёртв. Эта мысль билась в сознании снова и снова. Моя жизнь в монастыре, мои друзья... моё возвращение домой через семь лет... Я ведь *обещала* вернуться! Представила, как мама взволнованно говорит отцу, что слышала мой голос. Отец не верит, списывая всё на горе, и пытается её утешить. Но мама, конечно, расскажет всё бабушке. А бабушка решит, что моя чистая любящая душа не может вынести боли родных и упокоится с миром. Я представила, как они сидят в нашей гостиной, с выключенным светом и зажжёнными свечами. Мама, блестя глазами, говорит, что пойдёт к экстрасенсу — уже даже нашла подходящего, а бабушка уверяет, что это — грех и ни к чему хорошему не приведёт. И снова я, не выдержав, выкрикиваю, что со мной всё хорошо, и они обе вскидывают головы.

— Слышишь? — в глазах мамы блестят слёзы. — Я же говорила... Солнышко, это ты? Пожалуйста, не уходи...

— Я жива, но в другом мире... в параллельной реальности, не знаю точно, как назвать... — сбивчиво начинаю объяснять я. — Попала в неё, сорвавшись с вершины холма, и теперь должна оставаться здесь, пока снова не появится та голубая комета, и тогда смогу вернуться. Это будет через семь лет, в том же месте, в то же время. Вы же будете меня ждать?

— Конечно... конечно, моё сокровище, — кивает мама, заливаясь слезами. — Но не уходи сейчас, скажи что-нибудь ещё...

— Это невозможно, — крестится бабушка, и я обращаюсь к ней:

— Бабуля, я правда жива. Не плачьте, ладно? — но тут, как и в прошлый раз, их образы начинают расплываться, и я торопливо добавляю:

— А папе скажите, что тигра я так и не встретила. Но зато у меня есть учитель, с которым он бы наверняка поладил. Его зовут...

— *Юй Лу*, — повелительный голос Фа Хи буквально вырвал меня из полумрака нашей гостиной.

Я задохнулась, и, потеряв равновесие, шлёпнулась ладонями о... дно телеги. Я — в медитативной позе — не помню, как в неё села. Лицо — в слезах, на руках — кандалы. Рядом — Фа Хи с такими же «браслетами» на запястьях. Вокруг — пешие и конные варвары, а впереди — приближающиеся стены города.

— *Это Астай — столица халху*, — продолжал звучать в сознании голос Фа Хи. — *Нас везут к кагану. Уверен, твоя жизнь теперь в безопасности, но с необычной внешностью и юным возрастом ты окажешься в гареме кагана или одного из его приближённых, как только с тебя смоят грязь и кровь. Если хочешь этого избежать, сделаем, как я скажу. Каган и остальные должны считать тебя юношей — немым юношей, оставленным латинскими купцами в нашем монастыре. Мы назвали тебя Сан.*

Сейчас меня и правда можно принять за парня — волосы собраны в пучок на темени, как у всех адептов, независимо от пола. Слои одежды скрывают фигуру, в которой ещё нет особой женственности. Если сказать, что я — мальчик, кто будет это проверять? И на самом деле мне всё равно, кем считаться... Звякнув цепями, я протёрла глаза. Голова немного кружилась и хотелось пить. Я оглянулась на раскинувшуюся за нами степь. За ней вдалеке — очертания гор. Но эти совсем не похожи на покрытые лесом горы, по склонам которых разбросаны монастырские строения. На сколько же я выпала из реальности? Один из всадников понёсся вперёд — предупредить о нашем приближении? Я растерянно посмотрела на Фа Хи.

— *Поняла всё, что я сказал?* — мысленно спросил он. — *Если да, то кивни.*

Я слабо кивнула и перевела взгляд на стены столицы халху. Высокие, но не настолько, чтобы впечатлить меня после отеля Бурдж-эль-Араб в Дубае, в котором мы отпраздновали моё десятилетие. Какое волшебное было время... Но воспоминания были прерваны — мы въехали в ворота. А там... узкие улочки, убогие лачуги, растрёпанные женщины, готовящие какое-то варево в огромных котлах прямо перед порогом, целые оравы чумазных детишек, торговцы подсовывающие свой товар чуть не под морды лошадей... Но никакой агрессии по отношению к нам, скорее любопытство. Некоторые, глаза, подошли слишком близко, и наш конвой быстро разогнал их пинками и плётками. Это — и есть столица? Как же тогда выглядят простые селения?

Ещё одна стена и ворота, украшенные изображениями хищных птиц и скалящих зубы волков. Очевидно, за этими воротами начиналась настоящая столица — для «избранных». Дома из камня, садики, довольно чистые улочки... и ханский дворец, при виде которого наши конвоиры склонили головы, а я мысленно хмыкнула: абсолютно ничего особенного. Трёхэтажная пагода-переросток, вся в позолоте и разрисованная ярко-синими узорами. Перед входом все спешили, а нас с Фа Хи выволокли из телеги. Внутри дворец оказался таким же маловпечатляющим, как и снаружи: тёмные переходы, опять много позолоты — сразу видно, что здесь обитают варвары. Подталкиваемые конвоирами, мы подошли к очередной створчатой двери, распахнувшейся перед нами, будто автоматически, и я невольно замедлила шаг, увидев в дальнем конце длинного пеналообразного зала массивный трон и сидящего на нём. Меня тотчас подхватили под руки, поволокли вперёд, и я вообще перестала двигать ногами, начав вместо этого вертеть головой. Кричащие краски

расписанных стен и колонн, узкие окна. Попадающего сквозь них света недостаточно, везде расставлены каменные чаши, в них полыхает огонь, но в зале всё равно сумрачно. Вдоль стен выстроилась местная знать, воины, девушки в несуразных головных уборах. Уже ради одного этого стоит согласиться быть парнем — только бы не носить на голове такую нелепость. Меня грубо поставили на ноги, и я подняла глаза. Сооружение на ступенчатом возвышении в самом деле поражало количеством золота и размерами — куда до него Железному трону из «Игры престолов»! Но, пожалуй, что-то более скромное и не вместило бы небрежно развалившуюся на нём грузную фигуру в шёлковом одеянии цвета слоновой кости. Рядом с тронном в отдельном креслице восседала ханша, и я удивлённо моргнула, увидев убор, венчавший её голову — нечто похожее на сапог, перевернутый подошвой вверх, украшенный вышивкой и бусинками. Хотя сама женщина, на вид немногим старше моей мамы, была очень красивой. На ступеньках перед тронном на цветных подушках расположились несколько разодетых в шелка халху — видимо, особы приближённые к кагану. Но их толком не рассмотрела — в сознании прозвучал повелительный голос Фа Хи:

— *Опусти глаза.*

И я нехотя повиновалась. Пленивший нас главарь, поклонился и начал что-то втолковывать кагану на очень неблагозвучном языке, но каган прервал его коротким, похожим на хрюканье звуком и обратился по-китайски к Фа Хи:

— Бяслаг говорит, ты один убил тридцать моих солдат.

— Если Бяслаг говорит, значит, так и есть, — спокойно ответил мой учитель. — Я не считал.

— Осторожнее, монах!

Каган, подался вперёд на своём троне — я и не заметила, как снова уставилась на него. Неприятное обрюзгшее лицо, лысая макушка, но почему-то не сбритая "чёлка" на лбу и длинные волосы, заплетённые над ушами в две косички, свёрнутые в кольца и украшенные нитками жемчуга. Истинный властелин диких кочевников!

— Будь на моём месте менее снисходительный повелитель, твой язык уже лежал бы у меня на ладони, — запальчиво проговорил он.

Фа Хи ничего не ответил, и каган, откинувшись на спинку трона, скопил глаза на меня.

— А это?

— Один из моих учеников, — ровно проговорил Фа Хи. — Торговцы-латиняне, среди которых был и отец этого мальчика, останавливались в монастыре несколько месяцев назад. Мальчик захворал лихорадкой, и его оставили на наше попечение, опасаясь, что дорога его убьёт.

— Латиняне, — каган посмотрел на меня внимательнее. — К моему трону приходят представители всех народов, в том числе и латиняне. Ты похож и не похож на тех, кого мне доводилось видеть до сих пор. Как твоё имя?

Фа Хи уже открыл рот, собираясь ответить за меня, но я его опередила:

— Марко Поло.

Фа Хи едва слышно выдохнул, а каган продолжил допрос:

— Откуда ты родом?

— Из Венеции.

Надеюсь, с географией местной Европы этот расфранченный дикарь знаком не настолько хорошо, чтобы поймать меня на вранье, если в этой реальности Венеции не существует.

— Венеции? — он озадаченно наморщил лоб. — О таком селении не слышал.

— Селении! — фыркнула я. — Это — город на воде, очень красивый и необычный. По его улицам передвигаются не на маш... лошадях, а на лодках.

— Красивый? — переспросил каган. — Красивее, чем моя столица?

— Да, — не задумываясь, ответила я. — И намного.

По рядам присутствующих пронёсся ропот, а в моём сознании прозвучал предостерегающий голос Фа Хи:

— Не говори больше ничего.

Но каган, переглянувшись с ханшей, усмехнулся:

— А юнец — смел. Может, даже слишком. Скажи что-нибудь на своём языке.

Физически ощущая исходившее от Фа Хи напряжение, я невозмутимо выдала:

— Лашате ми кантаре, уна канцоне пиано, соно ун италиано веро, — папа обожает Тото Кутуньо. А в качестве последнего штриха добавила:

— О солие мио.

— Что это значит? — вмешалась в разговор ханша, и я рассмотрела, что глаза её — необычного желтоватого оттенка, как у рыси.

— Что-то про солнце, — дёрнула плечами. — Дословно не переведёшь.

— Занятный юнец, — снова усмехнулся каган и посмотрел на Фа Хи. — И дорог тебе, если ради его жизни ты пожертвовал свободой.

— Я бы пожертвовал свободой ради жизни любого из моих учеников, — отозвался Фа Хи.

— Мой предок Дэлгэр проявил милость, оставив твой монастырь нетронутым на завоёванной им территории, — сурово проговорил каган. — И теперь вы оплатили за эту милость, оказав приют злейшему врагу каганата — мятежнику Сунь Ливею, который...

— Это ложь! — вопль вырвался у меня сам собой.

Каган, казалось, окаменел от такой дерзости. Фа Хи едва слышно простонал:

— Замолчи, наконец...

По рядам приближённых кагана снова прокатился ропот, который тут же стих. Но наступившую тишину нарушил свист меча, и, не успев понять, что происходит, я растянулась на каменном полу. А оттолкнувший меня Фа Хи поймал чуть не переполовинивший меня клинок в цепи, опутывавшие его запястья, и выдернул его из руки главаря халху. Тот заревел и попытался ударить моего учителя, но Фа Хи с лёгкостью увернулся, продолжая оставаться между мной и расвирепевшим монголом. Но тут прозвучал грозный окрик кагана, и главарь упал на одно колено, прижав согнутую руку к груди и склонив голову. Благодарно глянув на Фа Хи, я поднялась на ноги.

— Прости моего ученика... — начал Фа Хи, но каган только махнул рукой и сурово обратился ко мне:

— Ты смеешь утверждать, юнец, что произнесённые мною слова — ложь?

Фа Хи явно собирался вмешаться, но я не дала ему такой возможности:

— Тебя ведь там не было, так как твои слова могут быть ложью или правдой?

— Тогда обвиняешь во лжи моего темника[1], Бяслаг-нойона[2]? — каган кивнул на коленопреклонённого главаря.

Фа Хи снова попытался заговорить, но каган махнул рукой, чтобы он замолчал, и тогда учитель мысленно обратился ко мне:

— Попроси прощения и не говори больше ничего, или погубишь себя окончательно!

Может, и правда следовало вести себя осмотнительнее. Но чванливые варвары убили моего Вэя... и многих других, и, кроме ярости, я не испытывала ничего.

— Если он утверждает, что тьяньши принял этого вашего Сунь Ливея, как дорогого гостя, и этим оправдывает нападение на монастырь, то да. Я обвиняю его во лжи, в беспричинном осквернении чужой святыни и смерти невинных. Я призываю на его голову гнев всех существующих богов и обещаю, что это злодеяние не останется безнаказанным. Ровно через год в этот самый день он отправится на высший суд, который не признает никаких оправданий и бросит его в море адского огня, в котором он будет жариться вечно!

Не знаю, что на меня нашло. Мало того, что впала в такой пафос, так ещё и приплела обещание, похожее на то, каким в "Анжелике" Жоффрей де Пейрак пугал приговоривших его судей. Фа Хи на мгновение прикрыл глаза — ещё не видела учителя настолько выведенным из обычного состояния невозмутимости. Кагана и каганшу вроде бы удивила моя страстная тирада, а Бяслэг-нойон вскинул голову и просверлил меня испепеляющим взглядом, в котором, мне показалось, мелькнул страх. И, уже не в состоянии остановиться, я направила указательный и средний пальцы в свои глаза, а потом ткнула указательным в темника, изображая жест "я не спущу с тебя глаз", каким мы часто развлекались в школе. Темник в бешенстве подскочил, каган угрожающе подался вперёд, но тут заговорил Фа Хи:

— Мой ученик... Марко говорит правду, великий хан. Сунь Ливей появился в нашем монастыре без приглашения, но тьяньши той же ночью отослал его прочь, отказав в приюте. Нападение на монастырь было неправомерным. Жизни моих братьев и учеников загублены напрасно.

— Хан ханов... — начал было Бяслэг, но каган что-то рыкнул сквозь зубы и, смерив нас с Фа Хи мрачным взглядом, распорядился:

— Этих двоих увести.

К нам тотчас подскочили стражники и, подхватив под руки, потащили прочь. Прежде чем меня выволокли за порог, я ещё видела Бяслэг-нойона, снова упавшего на колени перед тронном.

Из тронного зала нас доставили напрямиком в «камеру», отделённую от внешнего мира решёткой от пола до потолка, и, сняв оковы, удалились. Я начала растирать ноющие запястья и, поймав взгляд Фа Хи, фыркнула:

— Что? Сам ведь говоришь, я не умею держать язык за зубами, так что всё равно бы выдала, что не немая, рано или поздно.

Но учитель только покачал головой и опустил на пол. Я села рядом, подогнув под себя ноги, и вдруг, глянув на саднившие запястья, вспомнила:

— Браслет, которой подарил Вэй... так и остался у Жу... а у меня теперь нет даже памяти...

Перед глазами возникло мёртвое лицо моего гэгэ, потускневший взгляд и, захлебнувшись словами, я разревелась, закрыв лицо ладонями... и слабо вздрогнула, почувствовав на плече руку Фа Хи. Приобняв, он мягко привлёк меня к себе, и, судорожно вцепившись в одежду на его груди, я зарыдала ещё горше. Учитель ничего не говорил, не пытался меня утешить — просто держал так, в полуобъятии, позволяя выплакаться. И лишь когда мои рыдания перешли на всхлипывания, тихо проговорил:

— Ты значила для Вэя очень много. Уверен, он умер, защищая тебя. Поэтому не превращай его жертву в ничто. Будь осмотнительнее и не рискуй жизнью, как сделала это только что.

— Хорошо... — всхлипнула я. — После того, как отомщу за него.

— Кому? — вздохнул Фа Хи. — Кагану? Его империи? Всем халху?

— Бяслэг-нойону, — я шмурыгнула носом. — Напасть на монастырь было его решением и его приказом. Если каган его не накажет...

— Вероятно, темник — приближённый кагана, может, даже его родич — в любом случае, занимает высокое положение. И неважно, как поступит с ним каган, наказывать его — не твоя задача. Твоя задача — выжить.

Я вытерла рукавом глаза и дёрнула плечом.

— Посмотрим.

Фа Хи снова вздохнул, но сказать ничего не успел — к нашей камере подошли два варвара. В двери заскрипел ключ, на пол нам бросили охапку травы, поставили две миски с каким-то варевом, кувшин с водой и снова удалились.

— Похоже, каган не воспринял твою выходку, как оскорбление. Это хорошо, — проронил Фа Хи. — Поешь, умойся и отдохни.

Я подхватила с пола миски, одну подала ему, но он только качнул головой.

— Потому что это — пища врага? — догадалась я.

— Нет, — улыбнулся Фа Хи. — Потому что сейчас я не голоден, а пища может пригодиться позже. В темницах халху нет чётких часов для трапез.

— Тогда разделю и мою еду, чтобы хватило надольше, — я снова села с ним рядом.

— Не нужно. Разделим мою.

Благодарно посмотрев на учителя, я принялась за еду — похлёбка оказалась неплохой... или же я — слишком голодной. А поев и запив всё водой, я, помявшись, всё же задала вопрос, ответа на который на самом деле страшилась:

— Ты слышишь их мысли, шифу? Хотя бы кто-то... выжил?

— Нет, не слышу, — тихо проговорил он. — Но это не значит, что они мертвы. Наша святыня разрушена и осквернена. Связующего нас источника, из которого мы черпали силу, больше нет. Я могу мысленно говорить с тобой, потому что ты — рядом. Но голоса тех, кто остался возле руин, смолкли.

— Значит, и я больше не смогу поговорить с родителями? — ужаснулась я.

— Твоя связь с породившим тебя миром — иная, — возразил Фа Хи. — Она останется неизменной, даже если халху полностью разрушат нашу империю.

— Ненавижу их, — процедила я.

— Ненавидеть весь народ из-за одного кровожадного полководца — неразумно, — снова возразил Фа Хи. — А теперь — отдохни.

Повалившись на охапку трав, я послушно закрыла глаза и, чувствуя, как они снова наполняются слезами, мысленно пожелала:

— Спокойной ночи, гэгэ...

[1] Темник — командующий туменом, наиболее крупной единицей монгольского войска, равной десяти тысячам всадников.

[2] Н о й о н ы — предводители древних монгольских родов, представители аристократической знати, особо приближённые к хану.

Насчёт еды Фа Хи переживал напрасно. Я проспала весь остаток дня и ночь, а наутро подскочила от скрипа ключа и лязга двери нашей распахнувшейся «клетки». Нам снова одели на руки цепи и поволокли... обратно в тронный зал. В этот раз он был пуст, если не считать нескольких стражников и развалившегося на троне кагана.

— Твоя святыня разрушена и возвращаться тебе некуда, монах, — без предисловий начал он. — Я хочу, чтобы ты остался здесь. Твои умения велики. Научи своим секретам моих военных министров, и он, — каган кивнул на меня, — будет жить.

По лицу моего учителя мелькнула усмешка.

— Научить секретам, чтобы ты использовал их против моего же народа? Для этого нужно больше, чем просто обещание жизни. Мой ученик должен получить полную неприкосновенность, достойное жильё, и я буду продолжать обучать его. Моё общение с ним не должно быть ограничено ни в коей степени.

Каган расхохотался.

— Теперь вижу, от кого этот юнец научился дерзости!

— У него она — врождённая, обучать ей не было необходимости, — спокойно возразил Фа Хи. — И снисхождение к его манерам — тоже условие моего согласия на рабство.

Я ошеломлённо смотрела на учителя. Обучать врагов исконному искусству его народа — и он идёт на это... ради меня? Каган махнул рукой, будто слова Фа Хи очень его развеселили.

— Не рабства, монах. Службы, которую многие почли бы за честь. Но у вас, даосов, другие понятия, я это принимаю. И рад, что ты ценишь жизнь этого юнца, и мне не придётся его убивать. Парень кажется способным и смелым, такие мне нужны. Его учителем будешь не только ты. Величайшие мастера, наставники моих сыновей и сыновей моих министров, будут и его наставниками. Он обучится верховой езде, охоте и стрельбе из лука, языкам и письму. Снимите с них цепи!

Когда повеление было исполнено, каган кивнул на меня:

— Искушайте его, переоденьте и отведите к остальным! А с тобой, монах, я хочу поговорить ещё.

Меня поволокли прочь, но я, пытаясь поймать взгляд Фа Хи, торопливо выпалила:

— Шифу! Спасибо!

— Не стоит, — прозвучал в голове его голос. — У меня есть свои причины, чтобы так поступить.

Стражники притащили меня в комнату с медной, похожей на круглый котёл ванной и там оставили. А сновавшие в комнате прислужницы налили воды, принесли чистую одежду и двинулись ко мне с явным намерением раздеть, но я вывернулась из устремившихся ко мне рук и, метнувшись к ванне, приказала:

— Не трогайте меня, я разденусь сам! Выйдите!

Прислужницы переглянулись и, видимо, решив не связываться со своенравным чужеземцем, повиновались. А я, стянув одежду, забралась в «чан». Какое же блаженство наконец оказаться в горячей воде... Но слишком долго нежиться в ванне опасно — прислужницы могут вернуться раньше, чем я оденусь. Погрузившись в воду с головой и прополоскав волосы, я выбралась из "чана", поспешно промокнула тело лоскутом ткани,

очевидно, оставленным здесь в качестве полотенца, и начала натягивать свежую одежду на ещё влажное тело. Спешка оказалась не напрасной. Не успела я собрать мокрые волосы в пучок, как на пороге появились... стражники и, грубо подхватив меня под руки, куда-то потащили. Я, как могла быстро, перебирала ногами, не решаясь спросить, куда меня так сосредоточенно волокут. Но вот очередной переход закончился, меня втокнули в какую-то комнату и задвинули за спиной дверь. А я подняла глаза и остолбенела. На разложенных на полу подушках сидело не меньше двух десятков парней и девчонок. Перед каждым — низкий деревянный столик с широким листом бумаги, чернильницей и подставкой для кистей. Урок каллиграфии? Но учителя ещё нет. Я прочистила горло и вежливо проговорила по-китайски:

— Доброе утро! Меня зовут...

— Никого здесь не интересует твоё имя, сэму, — навстречу мне поднялся парень приблизительно моего возраста, но державшийся так, будто был лет на десять старше. Начисто выбритая голова, кроме пучка волос на макушке, одежда, украшенная богатой вышивкой, широкий пояс с золотыми заклёпками. Но я догадалась, кто передо мной, даже не из-за одежды и излишней заносчивости. Парень был как две капли воды похож на ханшу — вплоть до глаз желтоватого оттенка. И он полностью унаследовал её привлекательность — никогда ещё не видела такого красивого мальчика. Но, поймав на себе его враждебный взгляд, поняла: мы не поладим. Значит, нечего и пытаться, и я небрежно дёрнула плечами.

— Наверное, «сэму» — какое-то оскорбление? Уверен, оно бы меня задело, знай я что это. А ты — ханский сынок?

Лицо парня слегка дёрнулось, он гордо выпрямился и отчеканил:

— Я — принц Тургэн, наследник хана ханов Тендзина, потомок великого Дэлгэра...

— Ого! — перебила я. — И это всё ты один? А я — Марко, сын Никколо Поло и племянник Маттео Поло. Будем знакомы.

Одна из девочек у самой стены тихонько захихикала, прикрыв рот ладошкой, но принц только усмехнулся.

— «Сэму» означает «цветноглазый» — так мы называем чужеземцев вроде тебя, — и, обращаясь ко всем присутствующим, добавил:

— Мой отец слишком милостив, допустив *это*, — пренебрежительный кивок в мою сторону, — в наш круг. А я, как послушный сын, конечно, исполню его волю и позволю этому варвару дышать одним со мной воздухом...

— Варвару? — снова оборвала его я и даже подбоченилась. — Кого ты называешь варваром, косоглазый?

Возмущение переполняло — дикарь, в развитии недалеко ушедший от неандертальца, чьи соплеменники сравняли с землёй древнюю китайскую святыню и убили моего Вэя, называет варваром *меня*! Но, наверное, я произнесла нечто святотатственное. Устремлённые на меня раскосые глаза "свиты" принца в буквальном смысле округлились, став чуть ли не больше моих собственных. А сам принц лишился дара речи — захлопал ртом, как котик, издавая похожие звуки. Но я уже зашла слишком далеко, и отступить поздно — да и не хотелось.

— Что? — вскинула подбородок. — Побежишь жаловаться папочке, что "варвар" тебя обидел?

Сжав пальцы в кулачки, поднесла их к глазам, делая вид, что вытираю слёзы, и заскулила:

— Ме-ме-ме... варвар сказал, что у меня косые гла... — закончить "нытьё" не успела.

Рассвирепевший принц бросился на меня, как разъярённая гадюка, зашипев ничуть не хуже пресмыкающегося. Не готовая к нападению, я не успела отскочить, и он свалил меня с ног.

Но триумф каганёнка длился недолго. На тренировках мы отработывали освобождение из положения лёжа много раз — я тут же отбросила его коленом. Принц навзничь повалился на пол, опрокинув столик и расплескав тушь, заменяющую в каллиграфии чернила. Зарычав, попытался встать, но я уже накинулась на него сверху. Собралась придавить локтем горло и потребовать сдаться, но чьи-то сильные руки обручем обхватили со спины и оттащили от извивающегося отпрыска хана ханов. Тот немедленно подскочил, дёрнулся было ко мне, но разнявший нас тотчас выпустил мои плечи и встал между рассвирепевшим принцем и мной:

— Довольно, Тургэн. Ты сам его спровоцировал.

Я сначала подняла глаза, чтобы рассмотреть говорившего, а потом запрокинула голову. Ненамного старше принца, он был головы на две его выше, с широченными плечами и мускулистыми ручищами — неудивительно, что оторвал меня от моей «добычи», как пушинку.

— Уйди с дороги, Шона! — процедил принц.

— Понравилось лежать на полу? — я выглянула из-за плеча «миротворца».

Принц снова попытался на меня наброситься, но Шона снова меня заслонил и коротко бросил:

— Довольно.

Лицо принца побледнело, он яростно стиснул кулаки.

— Как ты смеешь приказывать *мне*, сын блудницы? Немедленно отойди или...

— ...принц не простит, что ты не позволил ему снова быть побеждённым чужеземцем, Шона, — насмешливый голос принадлежал широкоплечему парню с поистине отталкивающей внешностью.

Грубое скуластое лицо, взгляд — наглый, на узких губах — пренебрежительная усмешка. Рядом с ним сидела миловидная девушка с длинными заплетёнными в мелкие косички волосами, тотчас шикнувшая:

— Не вмешивайся в это, Очир!

Здоровяк на неё даже не глянул. Неторопливо поднявшись, вразвалку подошёл к нам и демонстративно уставился на принца. Тот только усмехнулся — видимо, стычки между ними были не редкостью:

— Хочешь сказать, *тебя* чужеземец так легко бы не одолел, Очир? Что ж, померяйся с ним силой.

— Я вам что, спортивный снаряд? — снова пискнула я из-за плеча моего «защитника». — И сила здесь ни при чём — всё дело в ловкости. А в ней ни одному из вас со мной не сравниться!

— Ты совсем не умеешь молчать, латинянин? — полуобернулся ко мне Шона.

— Ловкость? — презрительно хмыкнул принц. — Уворачиваются только трусы!

— А *не* уворачиваются — неудачники, привыкшие получать оплеухи! — возразила я.

— Дерзкие слова для того, кто прячется за чужой спиной! — усмехнулся Очир и обратился к моему защитнику с небрежностью, будто отгонял собаку:

— Ты стоишь у меня на пути.

— Тогда попробуй меня сдвинуть! — отрезал тот.

— Прекратите, наконец! — подскочившая со своего места девица с косичками

раздражённо топнула ногой. — Каган позволил латинянину быть здесь, значит, так тому и быть, нравится вам это или нет! Сейчас придёт мастер Тай, лучше всем сесть по местам!

По лицу принца промелькнула ядовитая ухмылка. Он обменялся едва заметным взглядом с Очиром, снисходительно кивнул и отвернулся, собираясь вернуться за столик. Но в то же мгновение Очир набросился на Шону, ударив кулаком ему под дых, а принц — на меня. Я увернулась от удара, сделав фляк назад и одновременно шарахнув принца ногой под подбородок. Он, охнув, опрокинулся на пол, а я, кувыркнувшись над его распростёртым телом, перелетела к Очире, уклонилась и от его удара и, чтобы проучить за вероломство, полоснула ногтями по отталкивающему лицу. Очир заревел, как раненый як, снова попытался меня стукнуть, но уже отдышавшийся Шона рухнул на него сверху, сбив с ног. А мне под ноги бросился принц, но я подпрыгнула в воздух, снова приземлилась... и, заподозрив неладное, повернулась к двери. На пороге, слегка приоткрыв рот, замер седоволосый китаец в длинной тёмной одежде. Увиденное явно застало его врасплох: Шона и Очир — клубком на полу, рядом — наследник хана ханов, пытающийся дотянуться до меня, перевернутый столик, разлитая тушь и безмолвствующие "зрители".

— Добрый день, — брякнула я и поклонилась, сложив перед собой кисти рук, как мы делали в монастыре.

Китаец только хлопнул глазами и тонким голосом поинтересовался:

— Что здесь происходит?

— Это всё его вина! — Очир кое-как высвободился из медвежьих "объятий" Шоны, и, вытерев поцарапанную щёку, в бешенстве ткнул в меня пальцем. — А ногти в ход пускают только дети и женщины!

— Или тигры, — парировала я.

— Ты начал драку? — строго обратился ко мне китаец. — И поднял руку на принца Тургэна?

— Поднял руку? — хмыкнула я. — Скорее положил его на...

— Меня никто не трогал, — жёстко заявил уже поднявшийся на ноги принц. — Это — недоразумение.

— Недоразумение? — прошипел Очир, но, поймав взгляд принца, замолчал и яростно уставился на меня, будто надеялся, что я немедленно упаду замертво.

— Оюун? — китаец перевёл вопросительный взгляд на девушку с косичками.

Но та поспешно опустила глаза, а принц вскинул голову:

— Тебе недостаточно моего слова, старик?

Китаец тут же поклонился.

— Прости меня, принц. Начнём урок.

— Сэму сядет туда, — ханский отпрыск махнул рукой на опрокинутый столик.

— Только если поделишься тушью, о бесстрашный потомок великого Дэлгэра! — с издёвкой возразила я.

— Я поделюсь с тобой тушью, — Шона легко подтолкнул меня к столику, чуть не сбив с ног.

Двинувшийся к своему месту Очир, процедил какое-то ругательство, проходя мимо меня. А я повторила жест, каким вывела из равновесия Бяслэг-нойона — "не спущу с тебя глаз". Хотела показать средний палец, но передумала — что-то подсказывало, для этого ещё будет немало поводов. Поставив столик на ножки и подобрав с пола кисти и листы, я перевернула испачканную тушью подушку и села. Шона, придвинув столик к моему,

поставил на край свой чернильный камень. А принц повелительно обратился ко всем:

— Любой, кто скажет о произошедшем хотя бы слово, будет сурово наказан. Это касается и тебя, мастер Тай.

Китаец снова поклонился и, подождав, пока каганёнок опустится на свою подушку, как ни в чём не бывало объявил:

— Сегодня начнём урок с изображения маленьких знаков. Возьмите кисть сяокай...

В ушах тотчас прозвучал голос мастера Ву: «Кисть сяокай ещё называют «миндальной косточкой». Она кажется хрупкой и незначительной, но без неё невозможно достичь почерка «тонкого золота»... и я до боли в пальцах сжала тонкую ручку кисти, стараясь проглотить подступившие к горлу слёзы. Урок обернулся пыткой. Раболепный китаец, так непохожий на всегда приветливого мастера Ву, вызывал отвращение, и под конец урока я его почти возненавидела. Как и моих новых "приятелей"-монголов, то и дело бросавших на меня неприязненные взгляды. Как же сильно "приветствие" здесь отличалось от того, как меня приняли в монастыре. И я снова судорожно сглотнула, стараясь сдержать слёзы — Вэй... Но тут же стиснула зубы. Я отомщу! Ещё не знаю, как, но отомщу — чего бы мне это ни стоило.

Урок закончился. Первым поднялся со своей подушки принц, потом Очир и девица с косичками, потом... я перестала следить и резко обернулась, почувствовав лёгкий толчок, будто что-то подсунули под мою подушку. Мимо проходила девчушка, хихикавшая, когда я перебила самовосхваление Тургэна и назвала своё якобы имя. Бросив на меня взгляд из-под полуопущенных ресниц, она улыбнулась и заторопилась прочь. А я, запустив пальцы под подушку, вытащила небольшой сложенный листок и, развернув его, прочитала: «Ты — очень смелый и ловкий, Марко. Сайна.»

— Кажется, ты приглянулся младшей дочери кагана.

Я подняла глаза на продолжавшего сидеть рядом Шону. Только сейчас как следует рассмотрела его лицо. Гораздо смуглее остальных, с широкими бровями и сильно выступающими скулами особой привлекательностью оно не блистало, но казалось гораздо мужественнее, чем у того же принца, не говоря уже о дурноликком Очире.

— И что теперь? — дёрнула плечами. — Просить у кагана её руки?

— Не вздумай! — фыркнул он.

— Это была шутка, — я свернула листок и сунула его за пазуху — потом выброшу.

— Надеюсь, что так, — комната уже опустела, и Шона тоже поднялся со своего места. — Но ты — чокнутый, а от таких можно ожидать что угодно.

— Говоришь, будто каждый день с такими общаешься, — я тоже подскочила со своей подушки.

— С какими?

— С чокнутыми.

Парень улыбнулся, сверкнув удивительно белыми зубами.

— Не с такими, как ты. Тебе будто действительно жизнь наскучила — одновременно задираешь наследников двух ханов.

— И Очир — чей-то наследник? — семена следом за исполином по переходу, я попыталась заглянуть ему в лицо.

— Он — старший сын хана Северной Орды Унура, младшего брата кагана. — Оюун — его сестра.

— Что-то не заметил сходства, — усмехнулась я. — Она похожа на мать, он — на отца?

— Откуда ты знаешь?

— Догадался, — хрюкнула я. — А ты?

— Что я? — мой собеседник слегка напрягся.

— Почему встал со своего места последним? Тургэн назвал тебя сыном...

— Я не собираюсь говорить об этом с дерзким чужеземцем! — неожиданно гаркнул мой недавний защитник. — Больше не заговаривай об этом, если не хочешь нажать себе ещё одного врага! — и ускорился, явно намереваясь оставить меня позади.

Я не стала догонять его и только крикнула в спину:

— Спасибо, что заступился за меня, я это не забуду!

Но он даже не замедлил шага и вскоре исчез за ближайшим поворотом, а я остановилась и осмотрелась. Тонкие резные стены, больше похожие на перегородки, раздвижные двери и... куда теперь? Не долго думая, просто побрела вперёд. Раза два свернула, следуя за ходом коридора, и вышла в красивый садик с беседками, прудиком и павлинами. Один, прохаживавшийся неподалёку, ни с того, ни с сего пронзительно заверещал и распустил хвост, потряхивая изумрудно-зелёными перьями.

— Принял меня за самку? — хмыкнула я. — Можешь не стараться, павлины мне никогда не нравились. Беспольные птицы... — и замолчала, заметив тёмную фигуру, мелькнувшую среди деревьев.

* * *

На всякий случай отступила в тень, а неведомый некто, наоборот, вышел на свет, и я только что не зашипела: это был Бяслаг-нойон. Рядом с ним — ещё один разодетый варвар, а за ними несколько вооружённых солдат. Как и предполагал Фа Хи, мерзавец, погубивший стольких невинных и моего Вэя, не был наказан каганом. Но от моей мести ему не уйти! Поглощённый беседой, он меня не видел, но я не сводила с него ненавидящего взгляда... и подпрыгнула от неожиданности, услышав за спиной тяжёлые шаги. Два стражника молча подхватили меня под руки и куда-то поволокли.

— Могу идти сам, просто заблудился! — попыталась вырваться я. — Дворец вашего хана — та ещё мышеловка!

Но мои слова не произвели на стражников никакого впечатления, и я покорила неизбежному — повисла в их руках, позволив тащить себя. Приволокли меня в... конюшню, где уже толпились мои новые "друзья" — отпрыски хана и его родственников, и несколько халху в простой одежде и с причёсками, как у кагана. Один сунул мне в ладонь поводья гнедой лошади, и я растерянно покосилась на неё. Верховом ездила два раза в жизни. Первый — на пони, когда мне было лет шесть, второй — с инструктором в прошлом году, когда лучшая подруга Элька начала учиться верховой езде и, рассказывая об этом мне, захлёбывалась от востора. Я тоже загорелась, и родители договорились о пробном уроке, в конце которого я поняла: верховая езда — не моё. А инструктор, замучившийся ловить меня на лету и возвращать в седло, наверняка перекрестился, когда мама сказала, что мы больше не придём...

— Там, откуда ты родом, нет лошадей?

От седла, которое сосредоточенно рассматривала, примеряясь, как лучше в него забраться, я подняла глаза на Шону, гарцующего рядом на сером коне, и хмыкнула:

— Уже перебесился?

— Кто? — не понял он. — Жеребец?

— Ты.

Шона, казалось, растерялся, а потом грозно сдвинул брови.

— Если думаешь, что можешь говорить со мной таким тоном из-за того, что сказал принц Тургэн...

— Очень меня интересует, что говорит твой принц! — перебила я. — И каким "таким" тоном? Нечего выискивать оскорбления там, где их нет. А теперь отойди, попробую забраться на этого Карагёза...

— Его зовут Хуяг.

Уже вдев одну ногу в стремя и занеся другую, чтобы сесть в седло, я прыснула от смеха и выпала из седла, повиснув на поводьях. Конь дёрнул шеей и недовольно захрапел, а Шона со своим жеребцом даже отступили на несколько шагов.

— Хуяг означает "броня", что в этом смешного?

Но тут к нам подлетел халху, сунувший мне поводья, и, ткнув в меня пальцем, распорядился, безбожно коверкая китайские слова:

— Ты — в лошадь.

— Забирайся в седло, — перевёл Шона и поскакал вперёд — остальные уже унеслись из конюшни.

Стараясь не обращать внимания на презрительный взгляд «наставника», я, кряхтя, вскарабкалась в седло и мысленно взмолилась всем ангелам, чтобы помогли мне вернуться в конюшню с целыми костями. Халху нетерпеливо кивнул на выход, и я дёрнула пятками, понуждая лошадь к галопу.

Коняшка оказался не чета смирной лошадке, на которой меня возил инструктор. Так и не поняла, как не выпала из седла, пока неслась, не разбирая дороги, по узким улочкам халхской столицы. В ушах звенело, дыхание срывалось, и я не сразу осознала, что вылетела в чисто-поле. Копья, воткнутые в землю, несколько всадников чуть поодаль и ещё толпа справа... Резкий свист скакавшего следом "наставника" — и мой конь остановился как вкопанный, а я влипла в его шею, опять каким-то чудом не вылетев из седла. В себя меня привёл крайне неприятный звук — ехидный смех, и, оторвавшись от лошадиной шеи, я увидела принца и его свиту, скаливших зубы. Но я сделала вид, что меня это не касается, и демонстративно зевнула, тут же получив тычок в спину от "наставника":

— Ты — туда! — скомандовал он, показывая на скопище лошадок, в сёдлах которых сидели... детишки лет четырёх-пяти.

И самое обидное — в седле эти карапузы держались гораздо увереннее меня и тоже хихикали, поглядывая в мою сторону. Вздохнув, я послушно направила моего Хуяга к этому лягушатнику. Пока каганёнок и иже с ним упражнялись, перескакивая через препятствия и стреляя из лука на скаку, я училась забираться в седло и не выпадать из него при малейшем дуновении ветра. Следуя повелительным тычкам и не всегда понятным командам, мне, наконец, удалось побороть робость перед вполне реальной опасностью что-нибудь себе сломать. Я уже забиралась в седло и спешивалась довольно резво — на зависть малышам, которые из-за росточка были вынуждены подтягиваться к луке, чтобы перекинуть коротенькие ножки через седло.

— Теперь — бег! — "наставник" шлёпнул моего коня по крупу, и тот понёсся рысью.

— Круглый! — крикнул халху, показывая рукой круговые движения.

Я слегка натянула поводья, чтобы Хуяг рысачил по кругу. В восторге, что уже могу

держаться в седле, ласково похлопала коня по шее:

— А ты хороший, умный мальчик... — и не заметила опасности.

Они налетели сзади — с двух сторон, я даже не успела ничего понять. Свист сабли — с одной, удар плети по крупу моего коня — с другой, и Хуяг взвился на дыбы, а потом понёсся вперёд. Я слетела с его спины вместе с седлом и, слабо пискнув, приземлилась прямоком в кучку свежего конского навоза. Ошарашенная, оглушённая падением, кое-как приподнялась... и меня буквально затрясло от злости. Каганёнок и пугалище-Очир хохотали так, что чуть не вываливались из сёдел. А моё валялось рядом — с перерезанной подпругой. Это было объявлением войны, и я поклялась себе: оба дикаря ещё пожалеют, что мне её объявили. Поднявшись на ноги и не сводя с них немигающего взгляда, я провела испачканными пальцами полосы на лбу и щеках. А потом, стукнув кулаком в грудь, резко выбросила руку вперёд, указывая на них указательным и средним пальцами. Ханята загоготали ещё громче, но я уже отвернулась и, подобрав седло, похромала к коню, остановившемуся поодаль. Только взяла его под узцы, ко мне подлетел "наставник", ткнул пальцем в седло и покачал головой:

— Без.

— Знаю, что без подпруги не будет держаться, — раздражённо отозвалась я.

— Он хочет, чтобы ты ездил теперь без седла, — пояснил подоспевший Шона.

— Я и с седлом еле держусь в седле, — возразила я, не сразу поняв, что изрекла. — То есть... без седла шарахнусь коню под ноги и без помощи твоих любезных братьев.

— Сам виноват, — "посочувствовал" мне Шона. — Не нужно было задирать их. Хочешь моё?

Он мгновенно соскочил со своего скакуна, но я только зло отмахнулась.

— Оставь себе вместе со своими советами!

— Я не одобряю то, как они поступили с тобой, — Шона как будто растерялся.

— А мне всё равно, как ты к этому относишься, — отрезала я. — "Не нужно было задирать их"? Так вот, не нужно было *им* задирать *меня*! И ты держись от меня подальше, если не хочешь, чтобы и тебе досталось!

В бешенстве отшвырнув бесполезное седло, я оттолкнулась от земли и таки залетела на спину Хуяга. Легко ткнула его пятками в бока и потрусила в первом попавшемся направлении, стиснув поводья так, что побелели пальцы. Держаться без седла очень трудно: стоит коню вздохнуть чуть глубже — и я снова ухну вниз.

— Куда? — меня догнал наставник-халху, и, снова сделав круговое движение рукой, повторил:

— Круглый!

Мысленно пожелав ему пойти "по-круглому" куда подальше, я шумно выдохнула и тряхнула поводьями...

Когда жуткий урок, наконец, закончился, и мы вернулись в конюшню, я была готова рухнуть на колени и возблагодарить Судьбу, что снова стою на твёрдой земле. Без седла с Хуяга я хуягнулась ещё раз пять... или шесть — точно не считала. Каждый раз слышала язвительный смех каганёнка и его свиты, но даже не поворачивалась в их сторону. Шона больше ко мне не подходил, хотя раз или два я ловила на себе его взгляды. И уже жалела о своей вспышке — не стоило так срываться на единственного относительно вменяемого "приятеля", но не подавала вида. Девчонки тренировались вместе с нами, и моя юная почитательница явно собиралась приблизиться, но каганёнок преградил ей путь и что-то

рвякнул по-монгольски, после чего она, как и Шона, ограничилась взглядами.

Потом был перерыв на омовение, потом — трапеза, за которой я опять подверглась моббингу. У каждого был свой низенький столик, и каганёнок опрокинул мой — я едва успела подхватить миску с супом, остальное выплеснулось мне на колени. А потом во всеуслышанье заявил, что в комнате несёт конским навозом. Но, уже решив для себя, что нахальный отпрыск хана ханов горько обо всём пожалеет, я не проронила ни слова и просто внимательно наблюдала за ним — где он сидит, с кем общается, что ест.

После трапезы, была стрельба из лука. Ещё ни разу не держала его в руках, и мои стрелы сыпались на землю, не достигая цели. А стрелы принца и Очира свистели в опасной близости от меня. Особенно старался Очир — одна из его стрел чуть не продырявила мне ухо. Но Шона, какое-то время молча наблюдавший за всем, шарахнул пугалище в челюсть. Тот попытался ответить тем же, и снова получил по и без того неприглядной физиономии. Не каюсь, опять набросился на защитника моей чести с кулаками, но учителю по стрельбе, это наконец надоело, и он удалил с "полигона" обоих.

Принц проводил ехидным взглядом их, одарил очередным "дружеским" меня, и вроде бы тут же забыл о моём существовании — ровно до следующего "урока". В просторном зале, где он проходил, были расставлены деревянные в человеческий рост "идолы". Что это — воображаемые противники, я поняла, когда всем выдали палки, и мои новые "приятели" начали лупить ими по идолам под гортанные команды учителя. Я растерянно взирала на это действие. В монастыре мы тоже тренировались с палками, заменяющими мечи, но выглядело это совсем иначе. Каждый удар отрабатывался сначала до совершенства, а потом до автоматизма. Я за всё время выучила не так много приёмов, но зато могла бы повторить их и во сне. А здесь...

— Ты! — надзиравший за всем халху ткнул в меня пальцем. — Начинай тренироваться!

— Может... покажешь как? — неуверенно спросила я.

— Я покажу ему, Арвай.

Обернувшись на снисходительный голос, я поймала на себе торжествующий взгляд принца. Остальные, мгновенно забыв о своих "манекенах", с любопытством вытянули шеи, но халху-учитель, согласно кивнув каганёнку, что-то рвякнул по-монгольски, и все головы поспешно повернулись к идолам. А принц, довольно ухмыляясь, направился ко мне. Я уже собралась стать в стойку, но передумала. Ханский отпрыск явно уверен, что палкой я совсем не владею. Что ж, пусть пока остаётся в этом заблуждении. Выпад каганёнка оказался быстрее и резче, чем ожидала, но я всё же без труда увернулась. Ещё выпад и ещё, я уклонялась, не нападая, а принц уже терял терпение. Его удары становились всё яростнее и размахистее. И тогда я нанесла свой. Собственно, это был даже не удар — я просто отбила палку каганёнка, но, так удачно, что, отскочив, она шарахнула его по носу, разбив до крови. Каганёнок захлебнулся и, отшатнувшись, чуть не грохнулся оземь, но удержался на ногах. Остальные дружно выдохнули — все головы были снова повернуты в нашем направлении. Учитель-халху, что-то забормотав на монгольском, торопливо двинулся к нам, но принц коротко приказал:

— Не приближайся! — взгляд хищных желтоватых глаз с откровенной ненавистью остановился на мне. — Сэму — мой!

Я только усмехнулась и, решив, что пора показать этому пустозвону, с кем он имеет дело, крутанула палку, как мельничное колесо, потом, наклонившись, перекинула её через спину и, снова поймав, стала в стойку. Принц смахнул сочившуюся из носа кровь, стиснул

свою палку так, что побелели костяшки пальцев, и с яростным криком бросился на меня. Но что-то метнулось между нами, и занесённая палка каганёнка глухо ударила по... палке в руке Фа Хи.

В монастыре про моего учителя говорили, что он "умеет проходить сквозь стены" — настолько бесшумны и быстры его движения. Но мне ещё не приходилось видеть это воочию. Ханёнок тоже на мгновение оторопел, а потом грозно сдвинул брови:

— Кто ты? И кто позволил тебе...

— Твой отец, — проронил Фа Хи. — С его же разрешения я забираю сейчас моего ученика с этой тренировки. Идём, Марко.

— Нет! — каганёнок снова стиснул палку. — Он останется и сразится со мной! И твои попытки защитить его не помогут!

— Защитить *его*? — уже отвернувшийся Фа Хи снова посмотрел на рассвирепевшего ханского отпрыска. — Вмешавшись в вашу "схватку", я защитил тебя, принц.

С красивого лица каганёнка сбегали все краски.

— Что ты сказал? — прошипел он.

— Правду. И кровь на твоём лице — лучшее тому подтверждение. Но не воспринимай это как оскорбление. Мой ученик тренировался дольше, и поэтому превосходит тебя. А ты превосходишь его в чём-то другом. Это — естественный ход вещей.

Снова отвернувшись, он неторопливо двинулся к выходу, учтиво поклонился учителю-халху и тот, к моему удивлению, ответил тем же. А я скользнула насмешливым взглядом по сосредоточенному лицу Шоны, неприязненно ухмыляющемуся — Очира, и, попятившись вслед за Фа Хи, небрежно бросила палку каганёнку. Он даже не попытался её поймать, только немного уклонился, и палка пролетела мимо. А я, не удержавшись от соблазна поковыряться в ране, нанесённой его самолюбию, сжала пальцы в кулачки и, как при первом нашем знакомстве, поднесла их глазам и беззвучно "заныла", имитируя рыдание. И подпрыгнула от неожиданности, когда Фа Хи очень ощутимо дёрнул меня за ухо. Поймав его строгий взгляд, кашлянула и, опустив глаза, послушно последовала за ним.

— Ты научил его? — вопрос каганёнка остановил нас уже на пороге.

Фа Хи молча склонил голову.

— Научишь и меня?

— Если захочешь научиться.

Принц заносчиво вскинул подбородок.

— Думаешь, я — менее способный, чем этот цветноглазый варвар?

— Пока я этого не знаю, — Фа Хи опередил уже готовую вырваться у меня язвительную реплику. — Но научиться уровню, каким сейчас владеет он, может даже детёныш хоу[1], поэтому, уверен, его без труда достигнешь и ты. Остальное зависит от твоего усердия и твоих целей. Хочешь ли ты превзойти его? Или научиться древнему искусству чжунго ушу, не сравнивая свои способности с другими. Мой ученик — не образец для подражания и не твой враг. Как только ты это поймёшь, овладеть знаниями, которые я готов тебе предложить, будет легче.

Окровавленные губы принца сжались, а Фа Хи спокойно шагнул за порог. Подавив соблазн позлить каганёнка ещё каким-нибудь жестом, я ограничилась ехидной ухмылкой и выплыла из комнаты вслед за учителем.

Фа Хи привёл меня в небольшую комнату с невесомыми перегородками, кроватью, низким столиком и выходом в сад. Я огляделась.

— Здесь мы будем жить?

— Не мы, — возразил Фа Хи. — Ты. Но я буду неподалёку — стараться, по возможности, оградить тебя от неприятностей. Вижу, это будет нелегко.

— Ну почему же? — съязвила я. — С каганским отпрыском ты уже, судя по всему, нашёл общий язык.

— Чего не скажешь о тебе. Ты ведёшь себя неразумно, Юй Лу.

— Он вывалял меня в конском навозе!

— А ты разбила ему нос.

— И положила на обе лопатки на уроки каллиграфии! Но это — только начало! Он и это страшилище Очир объявили мне войну, и... — я запнулась, подбирая наиболее громкие слова, — не будь я Марко Поло, если проигнорирую этот вызов!

— Ты — не Марко Поло, кем бы он ни был, — спокойно возразил Фа Хи. — Ты — дитя из другой реальности, которое должно выжить в этой. Я, как смогу, защищу тебя, но ты должна мне помочь. Не задирай принца, не привлекай к себе ненужного внимания. Прими всё, что каган готов тебе дать, и не заставляй его раскаяться в решении позволить тебе жить.

— Но они...

— Всего лишь дети, как и ты.

Я только фыркнула. Тихий стук в дверь, и она раздвинулась. В комнату вошли две женщины в тёмной одежде, молча поставили на столик чашечки и мисочки и так же молча удалились.

— Ты голодна? — двинулся к столику Фа Хи и, опустившись на подушку, улыбнулся. — Пожалуй, и мне пора называть тебя "Марко", даже когда мы наедине — чтобы привыкнуть. Почему ты выбрала это имя? Он чем-то знаменит в твоей реальности?

— Марко Поло? — я рухнула на подушку рядом. — Да, он был известным путешественником — кстати, жил какое-то время среди дикарей, подобных этим, и даже пользовался особым доверием хана Хубилая. Его записки о жизни при ханском дворе стали бестселлером. А потом он ещё и стал маркой одежды.

Подвинув к себе мисочку, я заглянула внутрь и усмехнулась:

— Именно такое кушанье оказалось сегодня за обедом у меня на коленях. И всё благодаря твоему разлюбезному принцу Тургэну!

— Он — не мой принц, он — мой ученик, — мягко поправил меня Фа Хи. — Как и ты. И тебе он не враг. Как только перестанешь вести себя, будто это так, сама в этом убедишься.

Я промолчала. "Не враг"! Конечно, враг. Он и каждый из его племени, повинном в смерти моего Вэя! Не собираюсь склонять голову ни перед одним из них, будь он даже сто раз принц!

Фа Хи ушёл сразу после ужина, а я, растянувшись на кровати — давно не спала с такими удобствами, попыталась наметить план действий. Но день был слишком напряжённым, и глаза начали закрываться на мысли насыпать в миску принца конского волоса. И всё же, прежде чем совсем отключиться, я сонно пробормотала:

— Спокойной ночи, Вэй... увидимся завтра... — и тихо всхлипнула, понимая насколько это несбыточно.

[1] Хоу (кит.) — обезьяна.

Солнце давно село, в строениях ханского дворца зажгли светильники. Сияние луны отражалось от поверхности пруда в красивом саду, где павлин распускал передо мной хвост в мой первый день здесь. Вовсю надрывались кваканьем лягушки, но эти «звуки природы» не могли перекрыть отдалённый гвалт пирушки, устроенной каганом для своих приближённых. Фа Хи предупредил, чтобы этой ночью я не смела высовывать нос за пределы моей комнаты — мало ли что можно ожидать от упитых айрагом и вином халху? Но у меня была своя цель на этот вечер — проследить за Бяслэг-нойоном и узнать, где он живёт. За дни, прошедшие со времени моего водворения в каганском дворце, я видела этого изверга лишь однажды — в этом самом саду. А как мстить, если даже не знаешь, где обитает враг? На пирушке он будет наверняка и уйдёт с неё нетрезвым, так что проследить за ним не составит труда. Остаётся лишь запастись терпением... и не заснуть. Не самая лёгкая задача под монотонное кваканье жаб. Может, попробовать пока поймать одну-другую и закинуть завтра за шиворот принца? Я хрюкнула, представив, как бы верещал ханский отпрыск, получив такой "подарок"! Надо сказать, после отповеди Фа Хи в зале с манекенами, он и Очир вели себя на удивление спокойно, ограничиваясь уничижительными взглядами и словесными оскорблениями в мой адрес. Но я ничего не забыла и уже накопила достаточно идей, чтобы показать обоим, кто здесь "варвар". Вообще, могла начать "показывать" ещё вчера, но пока не решилась из-за Фа Хи — не хотелось его расстраивать. Для занятий с моим шифу каган выделил просторный зал со всевозможным "спортивным оборудованием", и Фа Хи тренировал меня утром и вечером до и после моих занятий в обществе местной "золотой молодёжи". С остальными он начал с азов, и на "официальных" тренировках все, включая меня, часами стояли в позах всадника, обезьяны, журавля и прочей живности. Каганёнок попытался возмутиться, но Фа Хи быстро пресёк "мятеж", шарахнув его палкой по икрам. Принц растянулся на полу, а Фа Хи коротко бросил:

— Нет крепости в ногах. Будешь стоять в позе всадника до дневной трапезы. Остальные переходят к упражнению "изогнувшийся тигр".

Не удержавшись от соблазна поддразнить принца, я скопировала его позу и сделала вид, что у меня трясутся ноги... и немедленно подверглась наказанию.

— Ты тоже, Марко, чтобы принц не скучал в одиночестве, — тут же распорядился Фа Хи.

И я, насупившись под ехидным взглядом каганёнка, стала рядом с ним в ненавистную позу...

Раздавшиеся поблизости голоса и шаги заставили вздрогнуть, я шустро нырнула в ближайшие кусты — не ожидала, что гости начнут расходиться так рано.

— Думаешь, не удержусь на н-ногах с-самостоятельно? От-тойди от меня!

Я даже высунулась из кустов: каганёнок? Так и есть... Ханский отпрыск, пошатываясь, двигался по садовой дорожке ко входу в строение, в котором я ещё не была. За ним — два стражника, видимо, посланных убедиться, что юный тусовщик доберётся до своих покоев. Рано же у них начинают наслаждаться жизнью! Ханёнок и его стража прошли метрах в двух от меня, но перед входом принц остановился и даже топнул.

— Отправляйтесь обратно! У меня достаточно крепости в ногах, чтобы дойти до ложа! Убирайтесь!

Стражники, поклонившись, помаршировали обратно. А я, не веря такой удаче, осторожно последовала за каганёнком. Что-то бурча себе под нос, он неспешно двигался по переходу. Подойдя к украшенной резьбой двери, сдвинул одну створку и остановился на пороге, будто что-то почувствовал. И тогда я, бесшумно скользившая за ним настолько близко, что наступала на его тень, во всё горло крикнула ему в ухо:

— Бу!

Каганёнок оранул так, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, и, дёрнувшись от неожиданности, шарахнулся лбом о створку двери. А я, задыхаясь от сдерживаемого смеха, понеслась прочь — лучше убраться раньше, чем сюда явятся стражники, и влетела в кусты за секунды до того, как в переходе послышались торопливые шаги нескольких пар ног. И тут же обругала себя за глупость. Принц наверняка пошлёт за мной всех адских псов — из садика придётся убраться немедленно. А как тогда проследить за Бяслэг-нойоном? Но минута проходила за минутой — ничего не происходило. И я, уже подобравшись к выходу из садика, снова залегла в кустах. Похоже, ханский отпрыск был слишком пьян, чтобы связно рассказать, кто его напугал. Что ж, тем лучше. Теперь можно спокойно дожидаться Бяслэг-нойона.

* * *

Меня трянули за плечо раз, другой, я сонно пробормотала:

— Сейчас встану, Вэй... — и тут же подскочила: Вэй?!

Протёрла туманящиеся со сна глаза и, рассмотрев склонившуюся ко мне широкоплечую фигуру, только что не застонала.

— Это ты, Шона... — конечно, не ожидала на самом деле увидеть моего гэгэ, но воспоминание о нём слишком болезненно.

— Что ты здесь делаешь? — строго спросил юный халху, и я чуть не застонала снова.

Мой чудесный план проследить за Бяслэг-нойоном... Я-таки отключилась прямо здесь, в кустах, не дождавшись темника!

— Пришёл послушать лягушек и заснул, — избегая подозрительного взгляда Шоны, я поднялась на ноги. — А ты?

— Тоже, — хмыкнул он. — А кто такой Вэй?

— Не твоё дело, — буркнула я. — И лягушки по утрам не квакают. Если уж врёшь, хотя бы старайся, чтобы получилось правдоподобно!

— Как стараешься ты? — усмехнулся он. — Ты ведь следил за моим братом, да?

— Братом?

— Тургэном.

— Он — твой брат? — удивилась я.

— По отцу, — поморщился Шона — разговор ему явно не нравился. — Если бы тебя здесь обнаружили, могли бы обвинить в попытке покушения на принца крови. Это карается у нас смертью.

— У вас всё карается смертью! — огрызнулась я и, не дожидаясь его реакции, заторопилась прочь из сада.

Ну и влетит мне от Фа хи! Обычно мы завтракаем вместе, а сейчас я наверняка опоздаю! Но в этот раз повезло. Я влетела в мои "покои" за секунды до появления женщины,

приносившей еду. Фа Хи пришёл буквально следом за ней, окинул меня мимолётным взглядом и, поблагодарив женщину кивком головы, опустился на подушку перед столиком, я села на другую.

— Прошедшая ночь была тёплой, — проронил Фа Хи, поднеся ко рту чашечку с чаем.

— Откуда ты знаешь? — я не поднимала глаза от своей миски, в которую накладывала еду.

— Это было не утверждение, а вопрос.

Я всё же вскинула на него глаза и очень естественно удивилась:

— А откуда знаю я?

Фа Хи неторопливо отпил из своей чашечки и, оставив её, тем же невозмутимым тоном добавил:

— Слышал, Бяслэг-нойон отправляется на войну.

— Против очередного монастыря? — процедила я.

— Против икиресов — восточных родичей халху.

— Варвары грызутся между собой? Может, уничтожат друг друга — вот бы я порадовалась!

— Может, и уничтожат, — согласился Фа Хи. — Но распределение сил в мире всегда одинаково: самый могущественный народ правит остальными. Сейчас это халху. Они воинственны, но каган Тендзин не одержим пролитием крови, как многие до него. Случись то, чему ты бы порадовалась, и наступи империи халху конец, кто поручится, что преемник кагана окажется таким же разумным?

— Продолжай его защищать, — фыркнула я. — В конце концов, его соплеменники разрушили *твой* монастырь, не мой. А "не одержимый пролитием крови" каган даже не наказал виновного!

— Наказание виновного не восстановит "мой монастырь" и не вернёт Вэя, — спокойно возразил Фа Хи. — Но попытки взять правосудие в свои руки, могут превратить все жертвы, принесённые ради твоего спасения, в ничто. Бяслэг-нойон — за пределами твоих возможностей. Пытаясь до него дотянуться, ты погубишь себя.

— Дотянуться! — снова фыркнула я. — Он — всего лишь кровожадный дикарь.

— Самонадеянность — первый шаг к провалу.

— Это — не самонадеянность, а очевидная истина.

— Тогда, вероятно, скорый отъезд — его спасение, — с лёгкой насмешливостью проговорил Фа Хи.

— Только если из "отъезда" он не вернётся, — парировала я. — Но, если вернётся — буду его ждать.

Громкие слова и только... На самом деле я понятия не имела, как отомстить темнику. Весть о его отъезде огорчила: даже если он падёт от рук икиресов, это не будет *моей* мезтью. Фа Хи только покачал головой и снова потянулся к своей чашечке.

— По крайней мере, рад, что ты больше не пытаешься нанести увечья принцу Тургэну.

— Я никогда и не пыталась — это он чуть меня не покалечил, подрезав подпругу Хуяга!

Кстати, с конём мы сдружились. Мне было попытались дать другого, но я тряхнула головой и потребовала:

— Хочу Хуяга! — и с тех пор разлучить нас больше не пытались.

— А ты дважды унизила принца перед всеми, так что, думаю, вы уже навредили друг другу достаточно, — проговорил Фа Хи.

Я только пожалала плечами. Вообще, откровенную вражду мне демонстрировали только каганёнок и Очир. Остальные будто не замечали моего присутствия, хотя я не раз ловила на себе любопытные взгляды. Близнецы Баяр и Батар — два коренастых крепыша, однажды даже заговорили со мной, интересуясь, какое оружие предпочитают у меня на родине. Я снисходительно ответила: "Интеллект" и, вероятно, озадачила их настолько, что отбила охоту заговаривать со мной снова. Сайна в своём восхищении моими "ловкостью и смелостью" всё больше напоминала Жу в её обожании Вэя. Видимо, опасаясь гнева каганёнка, девочка не разговаривала со мной, но зато всегда мило здоровалась, прощалась и на всех уроках садилась поблизости, украдкой поглядывая на меня. Шона был единственным, кто общался со мной открыто — не иначе в пику презиравшему его Тургэну. Хотя, может, "сын блудницы" видел во мне такого же изгоя, как сам, и действительно был не прочь подружиться? Но я не хотела дружбы ни с одним из этих дикарей, и, почти неосознанно злилась на Фа Хи, за то, что на уроках он будто не делал никаких различий между ними и моими погибшими друзьями из монастыря.

С помещением, отведённым каганом, учитель сотворил настоящее чудо. Со дня первой тренировки в "Зале журавля и змеи" — так Фа Хи назвал своё детище — прошло всего несколько дней, а зал уже было не узнать. Теперь часть его была занята сооружением, напоминавшим переплетение толстых ветвей дерева. В монастыре мы тренировали ловкость и равновесие, бегая по настоящим ветвям невысоко над землёй, но сооружение тоже неплохо подходило для этой цели. На прошлом занятии Фа Хи пообещал, что на следующем мы опробуем новый «спортивный снаряд», и я заранее радовалась, что не придётся в очередной раз стоять в позе всадника. А, когда появились ученики, едва сдержала смех, увидев каганёнка. Багровый кровоподтёк вокруг левого глаза — этой стороной он приложился о створку — делал его похожим на принца Зуко из мультика «Аватар». Поймав мой взгляд, каганский отпрыск потемнел лицом, и это не укрылось от Фа Хи. Скользя глазами с принца на меня, он едва слышно вздохнул и начал урок. Коротко объяснил, в чём заключается смысл этого нового упражнения, и кивнул на сооружение:

— Начинаем. Принц Тургэн, потом принц Очир, Оюун...

— Почему бы Марко Поло не показать нам, как это делается? — каганёнок неприязненно покосился на меня. — Он ведь уже тренировался подобным образом?

— На моих занятиях ученики не произносят слов одновременно со мной, принц Тургэн, — спокойно проговорил Фа Хи. — И, думаю, ты сможешь пройти по дереву, даже если прежде не увидишь, как это делает другой. Но, если пример всё же необходим, — взгляд на меня. — Марко.

На мгновение я встретилась глазами с принцем, и моё «паучье чутьё» забило тревогу: в хищном взгляде каганёнка мелькнуло неприкрытое торжество. Всё это неспроста — наверняка он задумал какую-то подлость. Но не подчиниться Фа Хи значило подорвать его авторитет, как учителя, и я послушно двинулась к сооружению. "Паучье чутьё" не подвело. Поднявшись по лесенке на первую "ветку", не успела сделать и нескольких шагов, как нога соскользнула с дерева, словно я наступила на банановую кожуру. Коротко охнув, я шарахнулась на застеленный шкурами пол. Оглушённая, словно издалека, услышала снисходительный голос каганёнка:

— Твой ученик показал, как делать *не* нужно? Или ты не смог его научить?

Восстановив дыхание, я поднялась на ноги, глянула на "ветку", с которой сорвалась, и задохнулась от злости — место, с которого соскользнула моя нога, было щедро намазано...

чем-то. Проведя пальцами по пятну, я возмущённо повернулась к Фа Хи:

— Жир! Он это подстроил!

— Я? — презрительно отозвался принц. — Как ты смеешь оскорблять меня подобными подозрениями, сэму?

Вне себя от ярости, я бросилась к ненавистному каганёнку, испытывая сильнейшее желание выбить ему пару зубов. Но Фа Хи поймал меня за руку и, оттолкнув, стал между "августейшей особой" и мной:

— Уйми свою несдержанность, Марко. Это правда, принц Тургэн?

— А если и правда? — усмехнулся тот и вызывающе вскинул подбородок. — Накажешь меня?

— Да. Принц Очир, набрось на пятно шкуру и начинай упражнение. Принцесса Оюун ты — следующая. Потом Шона.

— А я? — приосанился каганёнок.

— Будешь стоять в позе всадника до конца урока, — коротко бросил Фа Хи.

— Нет, не буду, — в хищных глазах принца сверкнула ярость.

— Как хочешь. Другого упражнения для тебя на сегодня нет. Марко, составишь принцу компанию.

— Почему?! — не веря ушам, выпалила я.

— Потому что принц не стал бы вредить тебе без причины — вероятно, ты это заслужил, — и, повернувшись к нам спиной, двинулся к сооружению. — Смотри не вниз, а вперёд, Очир. Твоя цель — противоположный край, а не пол.

Насупившись, я посмотрела на каганёнка и ядовито проговорила:

— Кровоподтёк тебе идёт — очень подходит к цвету глаз.

— Скоро и у тебя будет такой же, сэму, — процедил тот. — И не один.

— Принимаю твой вызов, варвар. Пусть победит умнейший! — отозвалась я и, отойдя к противоположной стене, стала в ненавистную позу.

Принц недобро ухмыльнулся и тоже согнул ноги в коленях. До конца урока я ещё не раз ловила на себе его враждебный взгляд. Что ж, война так война.

Вечером за ужином Фа Хи пронизывающе посмотрел на меня и покачал головой.

— Оставь это, Юй Лу.

— Что именно? — невинно вскинула я глаза.

— Противостояние с принцем. Ты хитрее его, и, уверен, одержишь верх, но не надолго. Он — наследник хана ханов. Подумай, что будет, когда каган узнает о вреде, наносимом его отпрыску безродным чужеземцем.

— Не называй меня так! — возмутилась я. — Мой папа — один из лучших адвокатов страны, мама — успешный архитектор, а мои бабушки и дедушки...

— В твоём мире — да, — перебил меня Фа Хи. — Здесь ты — одинокое дитя, которое никак не поймёт: мир никогда не подстроится под человека. Подстраиваться придётся человеку — иначе он погибнет. И ты ведь умеешь приспособливаться. Я видел, как удивительно быстро ты освоилась в монастыре. Сделай то же здесь. Эти дети примут тебя, как только ты перестанешь вести себя, будто они — твои враги. Сейчас — подходящий момент, ты и принц друг с другом поквитались.

Я сузила глаза от внезапного подозрения.

— Ты знал, что он задумал пакость, и всё же заставил меня подняться на эти ветки!

— Да, я догадывался, — согласился Фа Хи. — Как и о том, что синяк на его лице —

твоих рук дело. Знаешь, что с тобой могли бы за это сделать — скажи он хотя бы слово отцу?

— То есть, мне его ещё и благодарить за то, что не наябедничал?!

— Это бы разрешило вашу ситуацию, — кивнул Фа Хи. — Не хочешь благодарить, хотя бы уясни для себя: несмотря на капризность и избалованность, почти неизбежных спутников его положения, принц не лишён и понятий о достоинстве.

— Просто боится выглядеть слабаком, — хмыкнула я.

— Пусть так. Но принц Очир не побоялся выглядеть слабым, пожаловавшись кагану, что ты изуродовала его лицо на уроке каллиграфии...

— Как будто это возможно! Его "изуродовали" гораздо раньше меня!

— ...и каган не предпринял никаких карающих шагов именно благодаря заступничеству принца Тургэна. Он запретил вмешиваться, заявив, что это — его дело, и никого больше, — отставив чашечку с неизменным чаем, учитель поднялся. — Я не смогу защитить тебя здесь, Юй Лу, если будешь продолжать бросать вызовы, каждый из которых может стоить тебе жизни. Прими, наконец, всё, как есть, и попытайся извлечь из этого максимальную выгоду. Сделай это хотя бы в память о тех, кто оставил свои жизни в монастыре ради твоего спасения.

За Фа Хи уже закрылась дверь, а я, сторбившись, всё сидела за столом и размазывала наползавшие на глаза слёзы. Мастер Шуи и мастер Пенгфей, Сяо Ци — не сомневалась, что и он погиб, Жу... Вэй... Фа Хи будто призвал их души в свидетели моего безрассудного поведения, и я испытала чувство стыда. Они мертвы, а я, живая благодаря их жертве, развлекаюсь, строя мелкие пакости каганёнку, который на самом деле не виноват в их гибели. Из-за столика я встала полная решимости: завтра же проглочу гордость и предложу принцу Тургэну мир.

Первым общим уроком на следующий день была верховая езда. Когда я вошла, каганёнок уже был в конюшне. Смерил меня презрительным взглядом и что-то сказал по-монгольски своей "свите". Те разразились смехом, но я, верная своему решению, направилась прямо к нему и, сложив кисти рук, как мы делали в монастыре, поклонилась.

— Доброе утро, принц Тургэн.

Каганёнок подозрительно прищурился, а я, постаравшись, чтобы голос звучал дружелюбно, продолжила:

— Кажется, мы начали знакомство не с той ноги, но давай переступим на другую. Мне жаль, если мои действия и слова оскорбили тебя. Не могу сказать, это не было моей целью, но обещаю, что подобное больше не повторится. Предлагаю начать всё с чистого листа, — и протянула ему руку.

Отпрыск хана смотрел на меня сверху вниз, будто разглядывал гусеницу, решая раздавить её или нет, на губах змеилась неприятная ухмылка.

— Ты боишься, сэму, что теперь придётся следить за тем, куда ступаешь! Я загнал тебя в ловушку и ты, поджав хвост, побежал лизать мне руки, как трусливый пёс! — размахнувшись, он попытался ударить по моей протянутой ладони.

Но я её отдёрнула и, мгновенно забыв обо всех благих намерениях, бросила:

— Ты загнал в ловушку *меня*? Я был готов помириться и даже предложить тебе дружбу не из страха перед твоими примитивными "ловушками", а потому что посчитал, ты достоин моей дружбы. Но вижу, что ошибся.

— Я достоин *твоей* дружбы? — принц дёрнулся, будто собирался меня ударить, но тут же остановился, видимо, вспомнив, что это не так легко. — Ты — чужеземный щенок, брошенный собственным отцом и существующий только благодаря милости моего, смеешь говорить со мной, наследником хана ханов, в таком тоне?

Мой кулак устремился к его лицу раньше, чем я успела понять, что делаю. Но кто-то обхватил меня со спины и поволок прочь из конюшни. Я яростно вырывалась, но меня держали крепко и выпустили только возле стены за какими-то хозяйственными постройками. Едва почувствовав свободу, я в бешенстве обернулась. Конечно, это был Шона-миротворец.

— Зачем ты вмешался? — накинулась я на него. — Твоему спесивому братцу не мешает получить взбучку хотя бы раз!

— Ты совсем спятил? — Шона легко толкнул меня, чуть не свалив с ног. — Он — наследник ка...

— Знаю! — перебила я. — Но никакой титул не даёт права так обращаться с другими!

— Марко, — смуглое лицо моего единственного не-врага было мрачным. — Ты чуть его не ударил. Нападение на принца карается...

— ...смертью? — усмехнулась я. — Что ж, тогда присоединюсь к тем, кого вы, кровожадные варвары, уже отправили в праотцам! И, поверь, их общество мне приятнее вашего! — резко развернувшись, я бегом пустилась обратно в конюшню.

— Марко! Вернись! — крикнул мне вслед Шона, но я только ускорила.

В конюшне уже никого не было — только лошади. Мой Хуяг — среди них. Поспешно вскочив в седло, я тряхнула поводьями и вынеслась из конюшни, пролетев мимо

подбежавшего ко входу Шоны. Что ж, я честно пыталась. Но плохой мир не всегда лучше хорошей войны.

Война в самом деле получилась славной! Каганёнок снова не пожаловался на меня отцу, а я показала ему, как выглядит настоящая ловушка на следующий же день. Заметив, что он всегда входит в любое помещение первым, подстроила так, что перед уроком каллиграфии ему на голову вылилась плошка воды, в которой накануне я растворила комья земли и кусочки конского навоза. Ханёнок не остался в долгу, сделав нечто подобное, когда я возвращалась в свою комнату. Обернувшись на свист, когда уже стояла на пороге, я получила выплеснутое в лицо ведро помоев.... а ночью подпилила лесенку, по которой мы поднимались на "ветки" в Зале журавля и змеи. Каганёнок, всегда восходивший на "снаряд" первым, шарахнулся на пол вместе с подломившейся ступенькой, разбив губу о "ветку". А следующей ночью у меня в постели оказалась крыса, грызавшая меня за ногу, когда я спросня пыталась столкнуть её на пол.

Вспомнив, как Элька рассказывала, что пчёлы агрессивно реагируют на конский пот, я отловила несколько пчёл и, засунув их в чайную чашечку, обвязала её кусочком ткани. А на уроке верховой езды подъехала к принцу, якобы для того, чтобы показать крысиный укус и устыдить его. Пока каганёнок глумливо хохотал, сняла ткань с чашечки, вытряхнула пчёлку прямо на круп его коня и ускакала прочь. Хуягу опасаться было нечего — я заренее накинула на него попону. А принц понял: что-то не так, когда озверевшие пчёлы начали жалить его коня, и тот, обезумев, скинул седока — по счастливой случайности тоже в кучку навоза. Но коронным номером оказался наш с каганёнком "танец змей".

Я нежилась в деревянной ванне, наполненной водой с примесью кобыльего молока — подобная "роскошь" предоставлялась всем обитателям дворца, кроме слуг, хотя бы раз в неделю. Погрузившись в горячую беловатую жидкость до подбородка, я закрыла глаза, как вдруг что-то холодное скользнуло по груди, обвилось вокруг руки... Змея?! Я завизжала так, что чуть сама не оглохла. Торопясь выбраться из ванны, опрокинула её, заработав синяк — край ванны шарахнул меня по предплечью. Когда пришла в себя, в луже разлившейся беловатой воды увидела извивающегося угря, а за тонкой стеной слышался хохот и звук удаляющихся шагов. Я было испугалась, каганёнок успел рассмотреть, что я — не мальчик. Но он после инцидента вёл себя, как обычно, разве только самодовольнее, и у меня отлегло от сердца. Самое время придумать ответный ход! И в этом, сам того не желая, помог Фа Хи. В монастыре он однажды показал нам "танец со змеей" — очень впечатляющее представление. "Танцующий" кружит вокруг живой кобры, копируя её движения. Кобре это в конце концов надоедает, и она бросается на "партнёра". Тогда "танцующий" проявляет чудеса ловкости — ловит пресмыкающееся на лету и сжимает ему шею, не позволяя себя укусить. Учителя делали это с "полноценными" змеями, мы тренировались с кобрами, у которых были удалены ядовитые зубы. Именно такую Фа Хи распорядился раздобыть для тренировок здесь.

Выкрасть безобидное пресмыкающееся из Зала журавля и змеи не составило труда. Пробраться к принцу оказалось сложнее, но, поторчав в саду до темноты, я всё же прокралась в его покои и чуть не запрыгала от радости: одна из комнат выходила к водоёму — мой путь к отступлению в случае чего! В спальне выпустила змею на кровать, накинула сверху покрывало и спряталась за ширмой. От близкой опасности сердце ухало так, что за его ударами я ничего не слышала: если бы меня здесь обнаружили, наказали бы наверняка сурово. Но это того стоило! Слышать, как верещит перепуганный принц, видеть, как он

выкатывается из постели и пытается отползти к сабле, шарахаясь, когда змея вскидывает капюшон — зрелище незабываемое! Не удержавшись, я захохотала, а, услышав топот бегущей со всех ног стражи, подхватила змею, запихала в корзинку, в которой транспортировала её сюда, и, покрутив возле глаза кулачком свободной руки — жест, каким уже не раз дразнила принца, метнулась к окну и прыгнула в поблёскивающее серебром озерцо. Плыть, орудуя только одной рукой, неудобно, но я добралась к берегу — и даже не утопила змею! Хотя, когда возвращала её в Зал журавля, вела она себя довольно вяло — наверное всё-таки наглоталась воды и натерпелась страха из-за диких воплей каганёнка. Довольно хихикая, я вернулась в свою комнату и заснула с блаженной улыбкой на лице, не забыв пожелать приятных снов Вэю — этот ритуал поклялась не оставлять до конца своих дней. А наутро меня ждал сюрприз: приглашение явиться пред раскосые очи кагана Тендзина.

Мы с Фа Хи завтракали, когда появился стражник. Учитель бросил на меня мимолётный взгляд и молча поднялся со своей подушки, но стражник качнул головой:

— Только парень. Ты, монах, остаёшься здесь.

Фа Хи снова посмотрел на меня, теперь в его взгляде мелькнуло едва заметное напряжение. Но я беспечно улыбнулась и последовала за стражником, понимая, что час мой, скорее всего, пробил. Кобра в постели наверняка была перебором — каганёнок пожаловался-таки папочке...

Стражник привёл меня не в тронный зал, а в небольшую довольно уютную комнату с яркими коврами и резными перегородками. Каган сидел на высокой подушке за квадратным столиком. На столике — доска с шахматными фигурами необычной формы, а рядом с доской — чаша с айрагом. Я даже не успела поклониться, как толстяк вместо приветствия бросил:

— Ты играешь, парень?

— Нет, — качнула я головой. — Мне больше нравятся шашки.

— Не знаю такой игры. Садись, — он кивнул на место напротив и махнул кому-то рукой. — Налейте ему айрага!

— Спасибо, но я не пью, мне ещё нет восемнадцати, — вежливо отказалась я.

Брови кагана поползли вверх.

— И что?

— Лицам до восемнадцати лет употребление алкоголя запрещено законом, — отчеканила я и, увидев выражение обрюзгшего лица, добавила:

— В моей стране.

— Ты сейчас не в своей стране, так что пей, — он кивнул на поставленную передо мной чашу. — В моей стране гость, отказывающийся от угощения, оскорбляет хозяина.

— Если так... За хозяина! — подняв чашу, я поднесла её ко рту и сделала глоток.

Вкус так себе — кисловато-сладкий, в принципе, освежающий, но не настолько, чтобы хлебать это до умопомрачения. И уж точно не на завтрак.

— Ничего так, — я отставила чашу.

— Напитки твоей родины больше тебе по вкусу?

— Да, — кивнула я.

— Но сейчас ты здесь, так что придётся привыкать к этим! — подхватив свою чашу, каган осушил её и махнул рукой, чтобы налили ещё. — Как тебе жизнь в моём дворце?

— Нравится, — почтительно проговорила я.

— А занятия?

— Тоже.

— Что-то ты неразговорчив, — он отхлебнул из чаши. — Во время нашей первой встречи тебя было невозможно заставить молчать!

— Сейчас просто сказать нечего. Занятия мне нравятся — особенно верховая езда...

— Хотя, сев на коня в первый раз, ты слетел на землю вместе с седлом?

Вот оно! Сейчас точно перейдёт к моей позиционной войне с его отпрыском! Но я не подала вида и кивнула:

— Да, несмотря на это.

— Как это получилось? Плохо затянули подпругу?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Седлал коня не я.

В хитрых глазках кагана мелькнул едва заметный огонёк.

— Как принял тебя мой сын?

— Как принц, — улыбнулась я.

Если это — словесное состязание, толстый хан может сразу отнести себя к проигравшим. Имея такого учителя, как Фа Хи, который бы наверняка переспорил даже моего отца, я выйду победительницей из любой перепалки. Каган понял мою игру и сощурил глаза.

— В последнее время у Тургэна стали часто появляться ссадины и синяки. Он не говорит, откуда они, но... — хан ханов красноречиво замолчал.

— Хочешь, чтобы я оберегал его от увечий? — предложила я.

— Любой подданный обязан оберегать своего принца.

— До сих пор я считал себя гостем. Но, конечно, могу оберегать принца, если об этом попросит оказавший гостеприимство хозяин.

— А ты дерзок, парень, — по губам кагана промелькнула улыбка. — Мне это нравится, но не переходи допустимых границ.

— Пока они мне неизвестны, — вздохнула я. — Если какую-то и перейду, то только по незнанию.

— Сомневаюсь, что знание тебя остановило бы, — каган рассматривал меня, будто решал, придушить прямо здесь или всё же подождать, что из меня получится. — Кажется, мой сын видит в тебе соперника, и теперь я понимаю почему.

— Я — нет, — недоумённо нахмурилась я. — Соперника в чём?

— Во всём. Ты ведёшь себя слишком независимо для пленённого чужеземца. Но, в какой-то мере, это хорошо. Мой сын унаследует после меня империю и должен научиться справляться и с такими, как ты.

— Справляться в смысле... — напряглась я.

Каган хрипловато рассмеялся, будто закаркал ворон.

— В смысле заставить уважать себя и служить себе, — он снова отпил из чаши. — Ты кажешься мне весьма способным — я понял это, как только тебя увидел. И бесстрашным — не боишься задирать моего сына, зная, кто он, и что с тобой сделают, пострадай он по-настоящему. Думаю, ты можешь быть преданным — иначе бы не грозил карами моему темнику за нападение на приютивший тебя монастырь. Такие, как ты, мне нравятся, и я готов возвысить их независимо от происхождения. Надеюсь, вы с Тургэном всё же подружитесь. Я был бы рад, имей он на своей стороне ловкого, храброго и преданного воина, каким, уверен, ты станешь.

— Если я называю кого-то другом, то это искренне, — уклончиво проговорила я, и каган снова зашёлся в своём каркающем смехе.

— Хорошо сказано, парень! А теперь иди.

За моей спиной тенью возник стражник, я с готовностью поднялась, но тут же остановилась.

— Что такое? — поинтересовался каган.

— Я... хотел бы изучить ваш язык, — было бы неплохо как-нибудь послать каганёнка «в сад» на его родном диалекте.

— Хорошо, — в голосе кагана прозвучало одобрение. — Я распоряжусь, чтобы тебе дали учителя.

Сложив ладони, как мы делали в монастыре, я поклонилась.

— И чтобы научили правильно кланяться! — добавил он и небрежно махнул рукой.

Покидая вслед за стражником каганскую комнату, я испытала облегчение. Меня не только не наказали — наоборот, хан ханов вроде бы даже полуофициально одобрил пикировку со своим отпрыском, в то же время дав понять: покалечь я его по-настоящему, разговор будет другим. Но разбитый нос, судя по всему, наказуемым увечьем не считается, и я мысленно потёрла ладошки. Рано или поздно мы перейдём от позы всадника к тренировочным поединкам, и тогда — держись, каганёнок! Прошествовавший мимо «косяк» вооружённых воинов отвлёк от радужных мыслей. Кажется, это уже не первые, встретившиеся нам в переходах, но я только сейчас обратила на них внимание. А когда мы вышли в один из внутренних двориков, я вообще замедлила шаг — здесь собралась чуть ли не вся «королевская рать».

— Готовитесь к параду войск? — спросила я стражника. — Откуда их тут столько?

Но стражник никак не отреагировал на вопрос и ускорил шаг. Может, не понимает по-китайски? Я ожидала, он приведёт меня обратно в мою комнату, и поёжилась, увидев, что мы приближаемся к залу, где проводились тренировки по традиционной борьбе — бех, которую я ненавидела всей душой. Учитель, старый неприятный тип, от которого за версту несло потом, даже толком не объяснил правила. Но из бессвязных команд и тычков я поняла — абсолютно все приёмы, которым я научилась в монастыре, здесь запрещены. Оставалось лишь покачиваться перед противником в позе тиранозавра — согнувшись почти параллельно земле, и отскакивать всякий раз, когда меня пытались опрокинуть на пол или зажать мою голову подмышкой.

— Уже прошло пол-урока, — снова попыталась заговорить с моим провожатым. — Если явлюсь сейчас, только помешаю. Может, лучше...

— Приказ кагана, — на вполне сносном китайском отрезал стражник и, открыв дверь, втолкнул меня внутрь.

Я поморщилась от ударившего в нос запаха пота... и поймала на себе пристальный взгляд Шоны. Показалось, или по смуглому лицу действительно промелькнуло облегчение?

— Извини за опоздание... — начала я, обращаясь к учителю, но меня перебил Очир.

— Наконец-то твой круглоглазый приятель появился! — он с издёвкой повернулся к Шоне. — Теперь можешь перестать озабоченно пялиться на дверь! Его мать — тоже шлюха? Поэтому ты так...

Договорить страшила не успел — кулак Шоны уложил его на пол, а мне захотелось ещё и пнуть его раз-другой. Уже двинулась вперёд — воплотить намерение, но тут вмешался учитель-сунс. Толкнув Шону, он что-то злобно ему залопотал, указывая на дверь, и тот,

мрачно усмехнувшись, двинулся в указанном направлении.

— Ты выгнал *ego*? Почему не этого уroda? — я возмущённо дёрнула ногой в сторону Очира.

— Урода? — яростно подскочил тот. — Все девушки от меня без ума!

— Какие «все»? — ядовито переспросила я. — Слепые?

Очир явно собирался на меня накинуться, но, поймав ехидный взгляд каганёнка, — видимо, тот не сомневался, за кем будет победа, остановился. А учитель повелительно махнул мне и на ломаном китайском выдал:

— Стань в линию и извинись перед принцем Очиром. Он — твой противник сегодня.

— И не только сегодня, — согласилась я. — Но извиняться перед ним не буду. Скорее *он* должен извиниться передо мной. И перед Шоной.

— Как ты смеешь! — Очир всё же попытался достать меня кулаком, я легко увернулась.

— Извинись, — нахмурился престарелый халху. — Или убирайся.

Я с готовностью направилась к двери, через плечо бросив:

— Arrivederci, лузеры!

Конечно, насмешку никто не понял, но мне всё равно было приятно.

— Больше сюда не вернёшься! — пригрозил мне вдогонку халху.

Я только хмыкнула и шагнула за порог.

Свежий воздух... как же хорошо вырваться из затхлого помещения! И урок ведь не прогуляла — меня выгнали, так что ко мне никаких претензий! Зато сейчас я свободна до начала следующей тренировки и... могу пробраться к луку и стрелам каганёнка — уже выяснила, где они хранятся, чтобы...

— Это было глупо, но от тебя ожидаемо.

Я так и подскочила — занятая составлением планов, не заметила замершего в нескольких шагах от меня Шону. Гигант подпирал плечом стену строения и, поймав мой взгляд, неуверенно улыбнулся.

— Ну и напугал... — я перевела дух. — Всё время стоял здесь?

— Нет, отошёл в сторону, когда услышал, что и тебя выгнали, — отлепившись от стены, он направился ко мне.

— А до того?

— Слушал, что происходит внутри, — он качнул головой на дверь. — Ты поступил смело, как всегда. И, как всегда, глупо.

— Этот вид борьбы всё равно не для меня, — небрежно махнула я рукой. — И от учителя несёт так, что глаза слезятся!

Шона улыбнулся шире, сверкнув своими ослепительными зубами — как у этого дикаря получается сохранять их в таком виде? — и спросил:

— Чем хочешь заняться теперь?

С трудом сдерживая разочарование, я пожала плечами. Неужели подпилить лук каганёнка и измазать стрелы смолой сегодня не получится? Шона как будто задумался и нерешительно предложил:

— Хочешь, посмотрим на тумен Бяслэг-нойона? Сегодня он отправляется в поход против наших врагов икиресов, и сейчас воины собираются перед дворцом.

Вот откуда это столпотворение в переходах и во внутреннем дворике! Значит, сегодня Бяслэг-нойон уходит на войну... а я так ему и не отомстила. Даже не придумала как...

— Или можем выехать на конях в степь, — продолжал предлагать варианты Шона. — Ты ведь уже неплохо держишься в седле.

Но я решительно тряхнула головой:

— Нет, лучше посмотрим на Бяслэг-нойона... и его тумен. Ещё ни разу не видел столько воинов сразу.

— Вид их действительно впечатляет, — самодовольно отозвался Шона. — Всюду, где проносится наша конница, приходят смирение и порядок.

— Потому что мёртвые не устраивают мятежей? — съязвила я.

— Да, — согласился Шона. — А оставшиеся в живых подчиняются из страха стать мёртвыми. В твоей стране войны ведутся иначе?

— Венеция живёт торговлей, а не убийством, — резковато отозвалась я.

— Икиресы напали на наши селения, вырезав всех, даже ещё не родившихся детей в материнских утробах, — мрачно проговорил Шона.

— И поэтому Бяслэг-нойон сделает то же с их селениями и их детьми? Так себе справедливость.

По крайней мере, от *моей* мести не пострадают невинные... как бы я ни ненавидела

весь этот варварский народ!

— Ты — не халху и не можешь понять наших обычаев, — возразил Шона.

— И не хочу! — отрезала я.

Шона покачал головой.

— Ты очень задирист, Марко, это — не всегда хорошо. Идём, думаю, войны уже собрались.

Я двинулась за ним. Хотела съязвить, что моя "задиристость" — всего лишь ответ на встретившее меня здесь варварство, но почему-то произнесла совсем другое:

— То, что сказал Очир... ты действительно ждал моего появления?

— Скорее опасался, что можешь не появиться. Тургэн запретил вмешиваться в вашу борьбу за превосходство, но об этом всё равно могли донести моему отцу или, ещё хуже — хатун Солонго.

— Так и думал, что Тургэн — маменькин сынок, — презрительно хмыкнула я.

— Он — её единственный сын, — Шона явно не понял насмешки. — Чтобы защитить его, она пойдёт на всё.

— А Сайна — не её дочь? — зачем-то спросила я — на самом деле родословная каганских отпрысков меня не интересовала.

— Нет, её мать — Юнчихай, младшая жена кагана.

— И сколько у него всего жён?

— Четыре. Солонго — главная. И ещё наложницы, но сколько их не знаю.

Я только покачала головой.

— Слышал, у латинян не бывает больше одной жены? — в тёмных глазах моего собеседника промелькнуло любопытство.

— Представляешь, какой ужас? — съехидничала я. — А тут чуть не каждый день можешь выбирать новую даму сердца!

— Столько жён и наложниц может быть лишь у ханов и принцев, — Шона снова не понял моего ехидства. — У остальных обычно одна жена и, если очень хочется, наложницы, но не больше двух.

— Так мало? — округлила я глаза.

Но брызгать ядом на Шону становилось неинтересно — он просто не понимал моих шпилек. Вот и сейчас рассмеялся, сверкнув зубами, и на полном серьёзе заявил:

— Мне бы вполне хватило. И потом женщины всё время ссорятся. Лучше, когда их меньше.

— Да зачем они вообще! — отмахнулась я. — От них одни неприятности!

— От некоторых — да, — согласился Шона. — Но я — не наследник трона и сам смогу выбрать жену, чтобы мне нравилась.

— А Тургэну придётся взять, что дадут? — злорадно ухмыльнулась я.

— Принцам крови жену обычно выбирают родители, — кивнул Шона. — Но до сих пор Тургэну ни в чём не было отказа — может, не будет и в выборе жены.

— Эту несчастную мне заранее жаль, — хмыкнула я.

— Он ведь не будет обращаться с ней, как с тобой. И к тебе он так относится только потому, что завидует. Поведи ты себя иначе, вы даже могли бы подружиться.

— Ты его защищаешь? — удивилась я. — Несмотря на то, как он обращается с *тобой*, своим братом? Пусть и только по отцу.

Смутное лицо Шоны мгновенно помрачнело, он отвёл глаза.

— Это — не его вина.

— А чья? Кто-то заставляет его вести себя по-свински?

— Ты ничего не знаешь о наших обычаях, Марко, — в голосе моего нового приятеля проскользнули металлические нотки. — Ни он, ни отец не могли повести себя иначе...

В отличие от прочих отпрысков кагана, история Шоны меня заинтересовала — в ней была какая-то тайна. Я попыталась поймать его взгляд и осторожно спросила:

— Это из-за твоей матери? Она...

— Её больше нет, — резко оборвал меня Шоно. — Смотри, мы как раз вовремя!

Мы уже подошли к площади. Она была была переполнена — на самом деле ещё не видела столько воинов в одном месте. Возле стен толпились зеваки, вроде нас с Шоной, вдоль ровных рядов вооружённых всадников носился на вороном коне Бяслаг-нойон. При виде него у меня сжалось сердце. Перед глазами замелькали картинки, забыть которые я и не пыталась: пронзённый копьём мастер Шуи, Сонг, хватаящаяся рукой за торчащую из плеча стрелу, прощальная улыбка Сяо Ци... мёртвое лицо Вэя...

— Сейчас появится каган, — шепнул мне на ухо Шоно.

— Чтобы благословить их в путь? — усмехнулась я.

— Да, и выпустить Сокола Войны.

Я недоумённо покосилась на него, но тут раздались приветственные крики, и двери каганского дворца распахнулись. На пороге стоял одетый в позолоченную кольчугу хан ханов, за ним — отряд стражников. Тут же подвели коня, тоже в позолоченной сбруе, и поднесли сокола в кожаном колпачке. Каган взгромоздился на первого, протянул руку, чтобы на неё посадили второго, и, тронув поводья, неторопливо потрусил вперёд — к Бяслаг-нойону, замершему в седле в почтительной позе: голова склонена, правая рука согнута в локте и прижата к груди. Это и есть "правильный" способ кланяться, которому меня должны обучить? Что-то негромко сказав склонившемуся перед ним упырю, каган, обратился ко всем. Речь оказалась короткой, но встречена была с восторгом, и я снова не удержалась от шпильки:

— А твой отец — прирождённый оратор!

Шоно только легонько меня толкнул.

— Т-ш-ш, сейчас он выпустит сокола, и по его полёту станет ясно, будет ли поход удачным.

— А сокол откуда знает? — хрюкнула я.

— Это — гадание по полёту птицы, — проговорил Шоно тоном, будто объяснял ребёнку, что еду едят, а воду пьют. — В твоей стране так не делают?

— Вот уже тысячелетия два, как перестали, — снова хрюкнула я.

— У нас в это верят. Смотри!

Каган снял с "вещего" сокола колпачок, и тот взмыл в небо, крутанулся раз-другой и спикировал вниз — к типу в нелепом головном уборе, украшенном рогами. В руке тот держал крыло какой-то птицы — именно к этой "добыче" и спикировал Сокол Войны.

— Это — Нергуи, самый известный боо[1] в Астае, — снова зашептал Шоно мне на ухо. — Он умеет читать будущее по звёздам и понимает знамения. Сейчас скажет, сулит ли поход победу!

Шаман что-то забормотал, и по рядам «верующих» пронёсся радостный вздох.

— Знамение — удачно, — «перевёл» мне Шоно. — Они отправляются немедленно и вернутся с победой!

— Если сокол не соврал, — невозмутимо возразила я. — У нас говорят, к любому гаданию лапу прикладывают демоны. Кто поручится, что они и сейчас не расстарались? Махнули в воздухе чем-нибудь невидимым — и сокол полетел, куда изначально лететь не собирался.

— Не говори так, — поёжился Шона. — От твоих рассказов по коже будто порыв ледяного ветра пронёсся. И в такое у вас верят?

— Среди всего прочего, — едва удерживаясь, чтобы не захихикать, кивнула я.

И тут же забыла о весёлости — мимо, гордо выпрямившись в седле, прогарцевал Бяслас-нойон. Не знаю, что заставило его обернуться, но на мгновение наши взгляды встретились, и по губам моего врага пробежала неприятная ухмылка.

— Бяслас-нойон тебя узнал, — тут же покосился на меня Шона. — Правда, что ты грозил ему гневом своих богов?

— И не только моих, — зло усмехнулась я. — Здесь смотреть больше не на что. Может, *теперь* прогуляемся на конях в степь?

Лучше бы не приходила смотреть, как Бяслас-нойон отправляется на войну. Теперь моя месть казалась несбыточной, и я испытывала такое же чувство бессилия, как и во время нападения на монастырь.

— Хочешь, посостязаемся в скорости? — предложил Шона.

— Идёт! Если выиграю, расскажешь о своей матери, — прищурилась я.

Шона тоже сощурил глаза.

— Для чего тебе это знать?

— Чтобы лучше понять тебя, — соврала я — на самом деле мною двигало банальное любопытство.

Подозрительность в тёмных глазах моего собеседника сменилась лукавством.

— Хорошо. Но одолеть меня нелегко!

— Не одолею в этот раз — одолею в следующий, — дёрнула я плечом.

— Вряд ли, — сверкнул улыбкой Шона. — Но, может, когда-нибудь я тебе поддамся!

В конюшнях никого не было. Мы неторопливо оседлали коней и уже выехали за пределы города, как вдруг Шона напрягся, вглядываясь вдаль. На горизонте на фоне совершенно безоблачного неба темнело нечто, похожее на большую тучу. Причём, туча приближалась — вскоре послышался топот множества лошадей. Я недоумевающе посмотрела на Шону.

— Что это?

— Это может быть только... тумен Бяслас-нойона, — пробормотал он.

— Они перепутали направление и поскакали обратно к городу вместо того, чтобы удаляться от него?

— Не знаю, но... похоже, они действительно возвращаются, — скуластое лицо выражало растерянность. — Наверное, что-то случилось. Подождём и узнаем!

Я кивнула, пытаясь унять волнение. Если темник вернётся, у меня будет время придумать план мести. А может... Вдруг его всё же постигла небесная кара, и он просто рухнул замертво? Воины всё ближе — уже можно рассмотреть скачущих впереди... и я подавила вздох разочарования, увидев Бяслас-нойона. Живее всех живых, он во весь опор нёсся к воротам. Шона ткнул пятками своего коня и, поравнявшись с одним из воинов, что-то крикнул ему. Тот ответил, не поворачивая головы, и Шона, натянув поводья, поскакал ко мне. Я двинулась ему навстречу.

— Что-то случилось?

— Да. Нойон и воины тумена увидели в поле спаривающихся лис.

Я чуть не выпала из седла.

— И... что?

— Это — очень дурной знак. Если человек видит лис во время спаривания, это — к скорой смерти. Но увидеть такое перед битвой... — он покачал головой. — Насколько сильны эти демоны, вмешивающиеся в знамения?

Я смотрела на него, приоткрыв рот.

— Ты это серьёзно?

— Ты ведь сам мне про них рассказал! Хотя... боо Нергуи обладает большой силой и, наверное, не допустил бы подобного вмешательства, — Шона задумчиво теребил поводья, но, поймав мой ошарашенный взгляд, сдвинул брови. — Не смотри так, Марко! Лисы спариваются в норах, а не в степи. И сейчас — ещё слишком рано для случек. То, что они появились вот так перед туменом, может быть только дурным знаком!

— И что теперь делать?

— Провести обряд избавления, призвать духов-защитников и надеяться, что беду удалось отратить.

— Они действительно вернулись... из-за *этого*? — всё ещё не могла поверить.

— Конечно! — Шону явно удивляла моя бестолковость. — Темник не мог продолжить путь — их ждала неминуемая гибель.

Я растерянно посмотрела на всадников, друг за другом влетающих в ворота. Тумен, вернувшийся с полдороги, потому что их предводитель увидел в поле спаривающихся лисиц... Неужели эти дикари на самом деле настолько суеверны? И вдруг меня осенило, я вскинула на Шону загоревшийся взгляд.

— А на обряде очищения присутствовать можно?

— Нет, он проводится только с теми, кого касается.

— Со всем туменом?

— С теми, кто видел лис.

Что ж, жаль, но ритуал мне особо и не нужен — просто было любопытно. А вот остальное...

— Мне что-то расхотелось состязаться в скорости. Вдруг и нам повстречаются спаривающиеся лисы? — я повернула Хуяга к воротам. — Но, может, ещё расскажешь о ваших верованиях? На всякий случай — чтобы быть настороже.

— Расскажу всё, что знаю, — кивнул Шона. — Но, если хочешь действительно во всём разбираться, поговори со старой Тунгалаг. Могут даже сходить с тобой, если хочешь.

— Почему нет? — согласилась я и понеслась к воротам.

Возбуждение переполняло. Всё-таки не зря я оказалась сегодня за пределами тренировочного помещения, не зря попала на площадь перед дворцом и не зря отправилась на конную прогулку в компании Шоны. Теперь Бяслэг-нойону точно не уйти от моей мести! И я, наконец, *знаю*, как отомстить.

[1] *Боо* — шаман-мужчина.

Больше книг на сайте - Knigoed.net